УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 6

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 6

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2022

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ
к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА
д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС
д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН
д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022. Vol. 44, No 6

Editor-in-Chief
Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief
Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2022

Editorial Board

E. ANISIMOV
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

I. MULLONEN
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

P. ZAYKOV
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS
Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

АРХЕОЛОГИЯ

Авдеев А. Г., Шахнович М. М.

Колвицкий камень: новый памятник русской эпиграфики на Кольском полуострове 8

Блышко Д. В., Жульников А. М.

Остановочные пункты транспортной сети в неолите – энеолите Карелии 16

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Современные тенденции историографических исследований

Антощенко А. В., Бычков С. П.

Антон Карташев в Санкт-Петербургской духовной академии 24

Базанов П. Н.

Современные исследования издательского дела русской эмиграции в Финляндии межвоенного периода 33

Жуковская Т. Н.

Научные амбиции vs этические принципы: особенности академической карьеры А. Е. Преснякова . . 42

Кожевин В. Л.

Политический выбор генерала А. И. Андогского: к историографии проблемы 51

Румянцева М. Ф.

Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: итоги / перспективы 60

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Смертин Ю. Г.

История корейского театра Синпха: рождение нового жанра в начале XX века 67

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Веригин С. Г.

Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками 75

Сушко Е. О.

Экономическое положение трудящихся Мурмана в годы Гражданской войны на примере станции Имандра 83

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Разумова И. А.

Документальная литература ученых-геологов (О дискурсивных аспектах профессии) 91

Кузнецова Л. А.

Анализ динамики функционирования саамских сетевых сообществ России и Мурманской области . . 99

Рецензии

Шорохова И. В.

Рец. на кн.: Ружинская И. Н. Актерская мастерская . . 110

Юбилеи

К 60-летию со дня рождения Е. В. Дианновой 117

Contents 118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/req.php

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.09.2022. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 110

16+

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
Адрес редакции, издателя и типографии:
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 7 | От редакции | 2022
Editorial note

ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА

Доктор исторических наук, профессор ПетрГУ
А. В. Антощенко

Alexander V. Antoshchenko, Editorial Council Member, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University

ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Вашему вниманию предлагается тематическая подборка статей, выражающих современные тенденции в развитии историографических исследований. Три статьи написаны в жанре интеллектуальной биографии. А. В. Антощенко и С. П. Бычков, привлекая опубликованные и архивные источники, всесторонне характеризуют один из начальных этапов в жизни известного историка, религиозного мыслителя, общественного и политического деятеля Антона Владимировича Карташева, связанный с его учебой, преподавательской и исследовательской деятельностью в Санкт-Петербургской духовной академии. Т. Н. Жуковская, в свое время инициировавшая и активно участвовавшая в издании таких интереснейших эго-источников, как письма родным и дневники выдающегося петербургского историка Александра Евгеньевича Преснякова, опираясь на них, раскрывает влияние его сложного внутреннего мира на понимание значения академических занятий историей и соответствующую этому специфику его карьеры. М. Ф. Румянцева скрупулезно конструирует историографическую школу своего Учителя – Ольги Михайловны Медушевской, указывая на недооцененность ее идей и определяя перспективы их развития в современной исторической науке, претендующей на строгость исследовательских построений. Две другие статьи представляют проблемную историографию, которая сопряжена с конкретно-историческими исследованиями по теме. В. Л. Кожевин предлагает критический обзор причин политического выбора известного военачальника, генерал-майора А. И. Андогского в трудах отечественных и зарубежных историков, а также указывает на некоторые детали, уточняющие причины и время этого выбора. Важнейшие результаты исследований книжного дела российских эмигрантов в Финляндии между двумя мировыми войнами находятся в центре внимания П. Н. Базанова, показавшего успехи и лакуны в разработке данной проблематики и наметившего перспективные направления дальнейших исследований.

Не менее интересны и другие разделы номера, в которых опубликованы статьи ученых из Апатит, Краснодара, Москвы, Петрозаводска, Санкт-Петербурга. Завершается номер юбилейным очерком, посвященным профессору кафедры отечественной истории ПетрГУ Е. В. Дианово.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 8–15 2022

Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.796
УДК 903.2(470.21)

Археология

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ АВДЕЕВ
доктор исторических наук, профессор историко-филологического факультета
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
научный сотрудник
Университет Дмитрия Пожарского
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7253-9126; avdey57@mail.ru

МАРК МИХАЙЛОВИЧ ШАХНОВИЧ
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0771-675X; marksuk62@mail.ru

КОЛВИЦКИЙ КАМЕНЬ: НОВЫЙ ПАМЯТНИК РУССКОЙ ЭПИГРАФИКИ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Аннотация. Эпиграфические памятники на Русском Севере единичны и незначительно представлены в отечественной историографии. На озере Колвицкое, в южной части Кольского полуострова, в 2018 году местными жителями обнаружен уникальный памятник – небольшой валун с кириллической надписью. На ровной плоскости камня металлическим орудием вырезана аккуратная надпись в пять строк. Транскрипция текста: «Это Вятка внуки от Переcля пришли». Цель нашей работы – с помощью методик эпиграфики датировать и интерпретировать древний текст, сделать предположения о назначении надписи на камне. На основании палеографического анализа надпись датируется первой половиной XV века. По характеру этот памятник можно отнести к разновидностям памятных надписей. Он свидетельствует о переселении группы населения на берега озера с других территорий в Средневековье. В Мурманской области есть еще один памятник древней эпиграфики – скала с надписями XVI–XVIII веков на острове Большой Аникиев на полуострове Рыбачий, который ранее был предметом рассмотрения ученых, однако специальная работа по изучению древних надписей Русской Лапландии в данной статье делается впервые.

Ключевые слова: Кольский полуостров, русская эпиграфика, письменная культура Московской Руси, монументальные надписи

Благодарности. Искренняя признательность за помощь В. Лихачеву, А. Рожковой, В. Онацкому. Исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FMEZ-2022-0028 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы».

Для цитирования: Авдеев А. Г., Шахнович М. М. Колвицкий камень: новый памятник русской эпиграфики на Кольском полуострове // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.796

ВВЕДЕНИЕ

При современном состоянии исторической науки, занимающейся исследованием Средневековья, подъем на более высокую ступень познания возможен тремя путями – поиском и введением в научный оборот новых источников, совершенствованием методик их изучения и их широкой интеграцией с иными гуманитарными дисциплинами, а также обращением к источникам, представляющим ограниченный интерес для историков. Памятники эпиграфики, созданные в разных регионах и в разные эпохи, как раз находятся на пересечении этих путей, поскольку нет такой области человеческой деятельности, которая не была бы отражена в надписях.

В «дотипографских» обществах разнообразные надписи были идеальным полем сохранения памяти о факте, человеке или событии.

© Авдеев А. Г., Шахнович М. М., 2022

Особый интерес представляют надписи XV века на монументальных «носителях» – «каменные свидетели» переходной для России эпохи. Этот период характеризуется угасанием эпиграфических традиций Древней Руси, которые были связаны с преобладанием граффити, процарапанных на стенах каменных храмов, и переходом к традициям Московской Руси, для которой характерны надписи на белокаменных могильных плитах и крестах. Подписные валуны исключительно редки вплоть до середины XVI века, когда их стали использовать в качестве надгробных камней [1].

Эпиграфические памятники на Русском Севере единичны и незначительно представлены в отечественной историографии. Поэтому интересна и важна находка жителями города Полярные Зори Иваном Красавиным и Анатолием Куликовским в июне 2018 года в южной части Кольского полуострова, на южном берегу озера Колвицкое, уникального памятника – камня с кириллической надписью. В мае 2019 года его осмотрели сотрудники музея-заповедника «Петроглифы Канозера» В. Лихачев и П. Горбачев, осуществившие фото- и видеофиксацию, что позволило впоследствии сделать 3D-модель объекта. В 2019 году М. М. Шахновичем проведено его дополнительное натурное обследование. Предварительная информация о находке опубликована в 2020 году в краеведческом издании – альманахе «Земля Тре» [9].

Цель данной работы – ввести этот значимый памятник в научный оборот, предложить возможные варианты датирования и текстового анализа надписи.

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ

Озеро Колвицкое – крупный материковый водоем, располагающийся в 24 км к северу от Кандалакшского залива Белого моря: площадь его поверхности – 126 км², ширина – 8 км, высота над уровнем моря – 58 м [6: 45]. Первые археологические изыскания на озере проведены в 1946 году Н. Н. Гуриной (ЛО ИИМК им. Н. Я. Марра): на южном берегу найдены два небольших местонахождения каменного века с кварцевым инвентарем[1]. В 1972–1973 годах поиск памятников каменного века продолжила П. Э. Песонен (ИЯЛИ КарФ АН СССР), открывшая в юго-западной части озера, около истока реки Колвица, 11 стоянок с кварцевым инвентарем «мезолитического облика» и три размытые стоянки на полуострове Сосновый Наволок [14].

Камень найден на восточном берегу залива в юго-западной части озера, в 0,4 км к северу от устья ручья Верес, в 19,2 км к востоку – юго-востоку от поселка Колвица. По информации В. А. Лихачева, при обнаружении он находился на мелководье, в 5 м от суши, перпендикулярно берегу и в последующем был вытащен из воды на пляж. При обследовании в 2019 году он лежал на пляже в 3 м от воды (рис. 1).

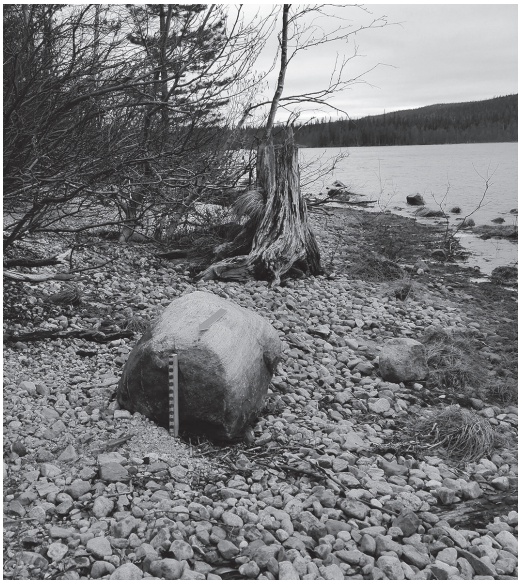


Рис. 1. Озеро Колвицкое. Камень с надписью. 2019 год. Фото М. Шахновича

Figure 1. Lake Kolvitskoe. Boulder with a Cyrillic inscription. 2019. Photo by M. Shakhnovitch

Песчано-гравийный пляж, где находится камень с надписью, примыкает с запада к низине – перешейку (шириной 50 м) между Колвицким озером и внутренней ламбиной (270 х 60 м). По ложбине протекает небольшой ручей – сток из озерка. Перешеек имеет намывное происхождение. Скорее всего, он сформировался в поздний период общего изостатического и сводового поднятия региона, которое привело к перекосу озерной котловины: поднятие северного и северо-западного берегов и подтопление южного и юго-восточного. Этот процесс носил как общий равнозамедленный, так и интенсивно-локальный характер. Вероятно, 500–600 лет назад береговая линия в этом месте имела другие очертания и существовал глубокий, врезающийся в полуостров, узкий залив, ныне трансформировавшийся в отсеченное от озера Колвицкое озерко-ламбину. Прибрежный участок суши в современном состоянии задернован, порос средним березняком, с севера прикрывается от ветров высоким ледниковым озом.

Плотина в истоке реки Колвица[2], используемая при молевом лесосплаве, существенно подняла уровень водоема, что привело к значительному размыву и изменению очертаний береговой линии за последние 80 лет. Поэтому можно утверждать, что камень изначально не был помещен в воду, а находился на берегу.

В 38 м к северу от камня, в 18 м к востоку от воды, в 26 м к западу от ламбины, на возвышении (2,5 м над уровнем воды) находятся задернованные остатки дома, выходом ориентированного на озеро. Это хорошо заметный в рельефе контур основания бревенчатых стен (6 х 4,2 м), у задней стены – печь-каменка из валунов (высота до 1 м) и примыкающая к задней стене яма (1,5 х 1,5 х 1 м). По находкам с поверхности (стекло, фрагменты металлических изделий) сооружение датируется второй половиной XX века.

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Длина камня – 68 см, ширина – 45 см, толщина – 38 см, в плане – подтреугольной формы, вес около 70 кг, горная порода – гнейс. Наблюдается общая окатанность его поверхности водой. Следы абразивной обработки отсутствуют.

На ровной плоскости камня (эпиграфическое поле 31 х 20 см) металлическим орудием сделана надпись в технике прямой резьбы в пять неравных по длине строк. Глубина резьбы – 3 мм, ширина – 3 мм. Тип шрифта – эпиграфический полуустав с сильным влиянием книжного. Средняя высота букв – 39 мм, ширина средней части буквы – 21 мм. Разделение на слова и диакритика отсутствуют (рис. 2).

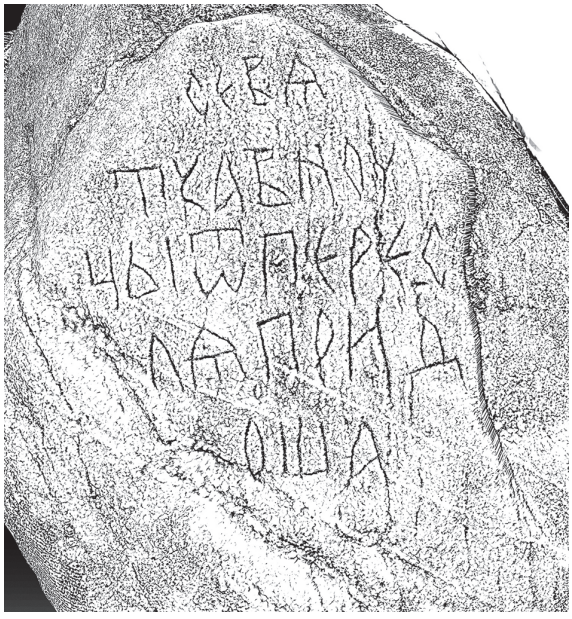


Рис. 2. Надпись, выявленная после обработки 3D-модели. Автор: В. Лихачев

Figure 2. Inscription revealed after processing the 3D model. Author: V. Likhachev

Надпись тщательно и аккуратно процарапана и первоначально хорошо просматривалась и легко читалась. Нужно отметить, что автор, скорее всего, был причастен к книжной культуре и имел опыт создания текстов на камне. Об этом свидетельствует аккуратное общее и строчное оформление текста, четкое включение его в плоскость камня, выдержанность пропорций букв. Отметим, что автор предпочел остаться анонимным, идентифицируя себя как часть родовой группы (рис. 3).

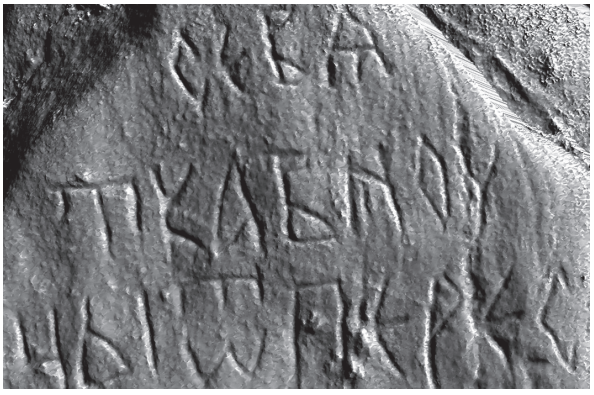


Рис. 3. Колвицкий камень. Фрагмент надписи. Автор: В. Лихачев

Figure 3. Stone of Kolvitsa. Fragment of the inscription. Author: V. Likhachev

Транскрипция текста:

С Є В Ѧ
Т К А В Н О У
Ц Ы О Т П Є Р Є С
Л Ѧ П Р И Д
О Ш А

Практическая транскрипция: *СЕ ВЯТКА ВНОУЦЫ ОТ ПЕРЕСЛЯ ПРИДОША* / «Это Вятка внуки от Пересля пришли».

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В надписи присутствует мужское личное имя *Вятка* в притяжательном падеже. Впервые оно встречается как имя легендарного прародителя вятичей в Повести временных лет и в именительном падеже читается как *Вятко* или *Вятъко*[3]. В берестяных грамотах данное имя присутствует в форме *Вяцко* с характерным для новгородского диалекта цоканьем[4], в новгородских летописях – *Вячко*[5]. В конце XIV–XVII веке в форме Вятка оно активно бытовало как личное некалендарное имя или прозвище[6]. Во второй половине XVI – начале XVIII века многочисленные примеры употребления данного имени как личного некалендарного, прозвища и отчества встречаются на Русском Севере – в Каргопольском, Устюжском, Важском и Усольском уездах [10: 62]. И в это же время данное имя / прозвище отсутствовало среди жителей Пермской земли [15]. С. Б. Веселовский связывал происхождение этого имени с терминами *вятка* – ‘ватага, толпа’, которое встречалось в смоленских говорах, или *клин земли* (рязанский говор) [2: 75], но в контексте надписи на исследуемом валуне данная этимология представляется сомнительной. Точка зрения

И. А. Кюршуновой, считавшей, что Вяткой могли называть и выходца из Вятской земли [8: 109], в данном случае не представляется убедительной. Она не соответствует контексту публикуемой надписи, кроме того, для выходцев из Вятки существовал отдельный ойконим – *Вятчанин*, зафиксированный как личное прозвище, в том числе и на Русском Севере [10: 62]. Полагаем, что этимологию имени *Вятко* / *Вятка* предпочтительнее оставить открытой.

Термин *внуки*, примененный в надписи по отношению к *Вятко*, очевидно, употреблен в расширительном значении ‘потомки’[7]. Что же касается топонима *Пересль*, то вряд ли реальна вероятность его интерпретации как *Перес-л(ав)ль*. Единственное употребление данного топонима встречается под 1269 годом в списках А и Т Никоновской летописи (оба писаны в XVII веке) – «в Пересль» [12: 148], но в данном случае не исключена ошибка переписчика. Словарь русских народных говоров надежных аналогий не дает, есть только зафиксированное в 1971 году словоупотребление *пересловский*, от *Переслов*[8]. Возможно, автор текста надписи имел в виду утраченный в настоящее время местный топоним (река, мыс, иное место), связанный с компактным проживанием населения.

При отсутствии археологического контекста датировка памятника возможна методом палеографического анализа, но сложность его применения состоит в том, что изданные таблицы по палеографии эпиграфических памятников охватывают далеко не все типы данной категории источников и в меньшей степени – лапидарные надписи.

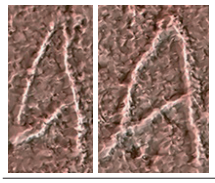
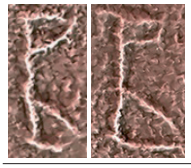
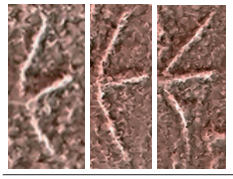
Для повышения точности датировки исследуемого памятника были избраны палеографические таблицы, составленные академиком А. А. Зализняком для новгородских берестяных грамот [5] и Т. В. Николаевой для подписных произведений искусства XV – первой четверти XVI века, выполненных на металле, тканях и камнях [11: 192–193, табл. 81].

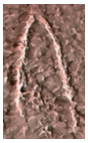
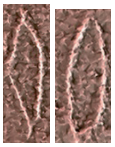
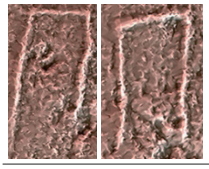
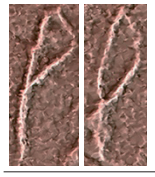
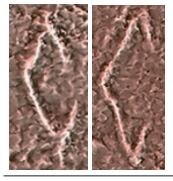
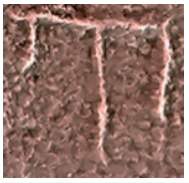
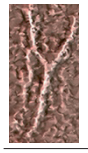
Резчик воспроизводил начертания букв, свойственные его эпохе, однако сложность палеографическому анализу придает то, что автору надписи приходилось преодолевать более серьезное сопротивление материала, чем при письме на бересте или гравировке по металлу, не говоря уже о надписях, вышитых на ткани. В ряде случаев для сравнения нами привлекались палеографические аналогии из рукописных книг [7].

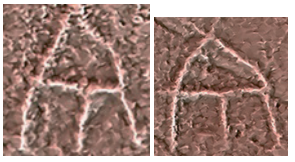
Особенности палеографии надписи указывают на ее создание в 30–50-е годы XV века. При этом можно заключить, что резчик надписи на момент ее создания был зрелым человеком, обучавшимся грамоте, судя по особенностям начертаний букв, в первое десятилетие XV века.

Палеографический анализ надписи на валуне

Paleographic analysis of the inscription on the boulder

Начертания	Палеографический комментарий
	Аналогия в берестяных грамотах датируется в промежутке между 1360 и 1380 годами (№ 278-1)[9]. В таблице Т. В. Николаевой данное написание отмечено в надписях, датируемых 1405–1458 годами, но с начала 60-х годов XV века оно встречается как исключение.
	Прямые аналогии в берестяных грамотах отсутствуют. В таблице Т. В. Николаевой наиболее ранние аналогии датируются 1405–1416 годами, затем подобное начертание становится общеупотребительным.
	Прямых аналогий в берестяных грамотах и в надписях на предметах нет.
	Близкая аналогия в берестяных грамотах датируется 1410–1450 годами (№ 301-1), в надписях на предметах занимает временной промежуток между 1405–1458 годами, как исключение – в начале 60-х годов XV века.

	В берестяных грамотах сходный начерк датируется 1410–1420 годами (№ 471-1), в надписях на предметах аналогии входят во временной промежуток 1405–1458 годы.
	Прямых аналогий в берестяных грамотах и надписях на предметах нет.
	Прямых аналогий в берестяных грамотах нет. Сходная аналогия в надписях на предметах датируется 1405–1416 годами.
	Аналогия в берестяных грамотах относится к 1400–1410-м годам (№ 173-2). В надписях на предметах сходное начертание встречается в широком диапазоне от начала XV до начала второй трети XVI века.
	Аналогии в берестяных грамотах входят в период 1410–1450-х годов (№ 161-1 и 243-1). В надписях на предметах сходное начертание встречается в период 1405–1458 годов.
	В берестяных грамотах сходная аналогия датируется 1420–1450-ми годами (№ 299). В надписях на предметах сходное начертание встречается в широком диапазоне – от начала XV до начала второй трети XVI века.
	В берестяных грамотах сходное начертание, но с изогнутой мачтой датируется 1420–1450-ми годами (№ 495-2). В надписях на предметах аналогии отсутствуют.
	В берестяных грамотах и надписях на предметах аналогии отсутствуют.
	Аналогичное начертание в берестяных грамотах относится к 1410–1420-м годам (№ 21-3), но левая боковая засечка длиннее правой. В надписях на предметах аналогии отсутствуют. Л. М. Костюхина рассматривает рукописное Т с разновеликими мачтами как особенность переходного почерка, характерного для периода с 80-х годов XIV века до конца первой четверти XV века. Во второй четверти XV века они уже встречаются как анахронизмы.
	В берестяных грамотах и в надписях на предметах аналогии отсутствуют.
	Близкая аналогия в берестяных грамотах датируется 1420–1450-ми годами (№ 299-4). В надписях на предметах аналогии отсутствуют.

	Близкая аналогия в берестяных грамотах датируется 1420–1450-ми годами (№ 243-1). В надписях на предметах – 1405–1479 годами.
	В берестяных грамотах и надписях на предметах форма буквы стабильна.
	В берестяных грамотах аналогий нет. В надписях на предметах буква Ы без покрытия фиксируется только с 1435 года. В полууставных рукописях подобное начертание встречается с начала XV века.
	Аналогии в берестяных грамотах датируются периодом 1420–1450-х годов (№ 302-2), но наклонные более пологие. В надписях на предметах сходное начертание укладывается в период 1405–1416 годов. С более близкой аналогией берестяным грамотам – в период 1435–1458 годов.

По назначению эпиграфический памятник с Колвицкого озера следует отнести к разновидностям так называемых памятных надписей, свидетельствующих о переселении некоей группы населения на его берега.

Палеографический анализ убеждает в подлинности надписи, так как полностью подделать «почерк» писца XV века в более позднее время невозможно: автор фальсификации обычно «слегка» архаизирует палеографию и язык своего времени. В этой ситуации неясна и цель вероятной фальсификации, так как по типу эпиграфический памятник с Колвицкого озера относится к прозаичным разновидностям так называемых памятных надписей. Отдельно отметим, что степень сохранности надписи не производит впечатления «свежего» исполнения.

Культура подписных валунов, выполняющих мемориальные и узко практические функции (например, межевого или пограничного знака), существует на Руси с XII века [1: 69–82]. Характер публикуемой надписи свидетельствует о некоем «манифестационном» предназначении памятника, изготовлении его для долговременного и широкого обозрения, возможно, для маркировки места, освоенного «внуками Вятки».

Колвицкий камень – это не единственный памятник старорусской эпиграфики в Восточной Лапландии. На побережье Баренцева моря, в северо-восточной части полуострова Рыбачий, на острове Большой Аникиев существует массив из около двухсот хорошо оформленных разноязычных граффити конца XVI – начала XIX века, нанесенных на прибрежную скалу моряками, промысловиками и торговцами, приезжавшими на местное летнее торжище [3], [4]. До обретения камня единственными исследованными археологическими объектами XV века в южной части Кольского полуострова были городище и некрополь в селе Варзуга [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом находка на озере Колвица позволяет косвенно судить об уровне грамотности насельников Терского берега в XV веке и приоткрывает нам интересный эпизод из истории миграционных потоков в Русскую Лапландию в Средневековье. Наша работа может стать определенным стимулом для продолжения исследований по малоразработанной теме эпиграфического наследия Русского Заполярья.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гурина Н. Н. Результаты археологического обследования южного побережья Кольского полуострова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXI. М., 1947. С. 55–57.

[2] Плотина существовала в 30–60-е годы XX века. Сброс водных масс производился для сплава бревен, по мере накопления воды, несколько раз в безледный сезон.

[3] «Бяста бо два брата <…> другий Вятко» – вероятно, уменьшительная форма от «Вячеслав». См.: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. И. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб.: Наука, 1996. С. 10.

[4] Новгородская берестяная грамота № 139, 40–70-е годы XIII века: «к В[я]цькоу» [5].
[5] «Выдаите ми <…> Вячка» (1224–1226 годы) [13: 642].
[6] Кузьма Вятка Яковлев сын Сахарусова (Москва, 1498 год), Вятка Павел (Московский уезд, 1499–1522 годы), Степан Вятка (даурский казак, 1663 год) [8: 109], [16: 101].
[7] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975. С. 244.
[8] Словарь русских народных говоров. Вып. 26. Л.: Наука, 1991. С. 222.
[9] Здесь и далее приводятся номера новгородских берестяных грамот. См. [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев А. Г. Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV – вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 400 с.
2. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 381 с.
3. Гортер А. А., Гортер В. Т. Каменная летопись на Большом Аникиеве // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2014. Вып. 13. С. 58–68.
4. Жеглов Ю. И., Кошечкин Б. И., Чичкарёв Ю. А. Остров Большой Аникиев – замечательный памятник истории северного мореплавания // Природа и хозяйство Севера. 1981. Вып. 9. С. 70–74.
5. Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1990–1996 гг. Т. X. М.: Русские словари, 2000. С. 134–274.
6. Кашулин Н. А., Сандимиров С. С., Даувальтер В. А., Кудрявцева Л. П., Терентьев П. М., Денисов Д. Б., Вандыш О. И., Валькова С. А. Аннотированный экологический каталог озер Мурманской области: юго-восточная часть (бассейн Белого моря). Ч. 1. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2012. 221 с.
7. Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Русский полуустав. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 108). М., 1999. 348 с.
8. Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 672 с.
9. Лихачев В. А. Колвицкий камень. Историческая надпись или фальсификация? // Земля Тре. 2020. Вып. 5. С. 69–71.
10. Народный именослов Русского Севера XV–XVII веков: происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень / Сост. А. В. Кузнецов. Т. 1. Вологда: ВОУНБ, 2020. 398 с.
11. Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-49). М.: Наука, 1971. 194 с.
12. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. X. М.: ЯРК, 2000. 248 с.
13. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 723 с.
14. Песонен П. Э. Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск: Изд-во КарФ АН СССР, 1978. С. 94–160.
15. Полякова Е. Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. 463 с.
16. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Русский путь, 2004. 904 с.
17. Шахнович М. М. Археологическое изучение реки Варзуга (Терский берег Белого моря) // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. 2021. Вып. 20. С. 48–73.

Поступила в редакцию 11.03.2022; принята к публикации 30.06.2022

Original article

Alexander G. Avdeev, Dr. Sc. (History), Professor, St. Tikhon's Orthodox University, Research Associate, Dmitry Pozharsky University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7253-9126; avdey57@mail.ru
Mark M. Shakhnovitch, Cand. Sc. (History), Research Associate, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0771-675X; marksuk62@mail.ru

STONE OF KOLVITSA: A NEW MONUMENT OF RUSSIAN EPIGRAPHY ON THE KOLA PENINSULA

Abstract. Epigraphic monuments in the Russian North are isolated and underrepresented in the Russian historiography. In 2018, on Lake Kolvitskoye in the southern part of the Kola Peninsula local residents discovered a unique monument – a small boulder with a Cyrillic inscription. On the flat side of the stone, a neat five-line inscription

is carved with a metal tool reading “These are Vyatka’s grandchildren who came here from Peresl”. The purpose of the work is to date and interpret the ancient text using epigraphy techniques and to make some assumptions about the aim of the inscription on the stone. The results of the paleographic analysis suggest that the inscription dates back to the first half of the XV century. By nature, this monument can be attributed to a variety of commemorative inscriptions. It testifies to the relocation of a group of people to the shores of the lake from other territories in the Middle Ages. In the Murmansk region there is another epigraphic monument – a rock with inscriptions dating from the XVI–XVIII centuries located on Bolshoy Anikiyev Island on the Rybachy Peninsula, which had been previously studied by specialists. However, this paper presents the first-of-its-kind special study of the ancient inscriptions of Russian Lapland.

K e y w o r d s : Kola Peninsula, Russian epigraphy, written culture of Muscovite Russia, monumental inscriptions

A c k n o w l e d g e m e n t s . The authors express their sincere gratitude to V. Likhachev, A. Rozhkova, V. Onatsky for their help. The study was funded from the federal budget as part of the research project No FMEZ-2022-0028 “Socio-cultural, scientific and technological development of the northwestern part of the Russian Arctic zone” in the XIX–XXI centuries: historical and anthropological aspects.

F o r c i t a t i o n : Avdeev, A. G., Shakhnovitch, M. M. Stone of Kolvitsa: a new monument of Russian epigraphy on the Kola Peninsula. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.796

REFERENCES

1. A v d e e v , A . G . Boulder tombstones of the Upper Volga region (between the late XV century and the second third of the XVIII century): Issues of genesis, existence, and source studies). Moscow, 2015. 400 p. (In Russ.)
2. V e s e l o v s k y , S . B . Onomasticon. Old Russian names, nicknames, and surnames. Moscow, 1974. 381 p. (In Russ.)
3. G o r t e r , A . A . , G o r t e r , V . T . The stone chronicle on Bolshoy Anikiev Island. *The Solovetsky Sea: Almanac of history and literature*. Issue 13. Arkhangelsk; Moscow, 2014. P. 58–68. (In Russ.)
4. Z h e g l o v , Y u . I . , K o s h e c h k i n , B . I . , C h i c h k a r e v , Y u . A . Bolshoy Anikiyev Island – a remarkable monument of the history of northern navigation. *Nature and economy of the North.* 1981;9:70–74. (In Russ.)
5. Z a l i z n y a k , A . A . Paleography of birch bark letters. *Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Novgorod letters on birch bark: From the excavations of 1990–1996.* Vol. X. Moscow, 2000. P. 134–274. (In Russ.)
6. K a s h u l i n , N . A . , S a n d i m i r o v , S . S . , D a u v a l t e r , V . A . , K u d r y a v t s e v a , L . P . , T e r e n t y e v , P . M . , D e n i s o v , D . B . , V a n d y s h , O . I . , V a l k o v a , S . A . Annotated ecological catalogue of lakes of the Murmansk region: the southeastern part (the White Sea basin). Part 1. Apatity, 2012. 221 p. (In Russ.)
7. K o s t y u k h i n a , L . M . Paleography of Russian handwritten books of the XV–XVII centuries. Russian semi-unical. *Proceedings of the State Historical Museum*. Moscow, 1999. Issue 108. 348 p. (In Russ.)
8. K u r s h u n o v a , I . A . Dictionary of non-calendar personal names, nicknames, and family nicknames of northwestern Russia in the XV–XVII centuries. St. Petersburg, 2020. 672 p. (In Russ.)
9. L i k h a c h e v , V . A . Kolvitsky stone. Historical inscription or falsification? *The Tre Land*. 2020;5:69–71. (In Russ.)
10. List of people’s names of the Russian North in the XV–XVII centuries: origins of names (nicknames), patronymics, names of villages. (A. V. Kuznetsov, Comp.). Vol. 1. Vologda, 2020. 398 p. (In Russ.)
11. N i k o l a e v a , T . V . Works of Russian applied art with inscriptions between the XV century and the first quarter of the XVI century. (Archeology of the USSR. Corpus of archaeological sources. Issue E1-49). Moscow, 1971. 194 p. (In Russ.)
12. The Nikon Chronicle. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. X. Moscow, 2000. 248 p. (In Russ.)
13. The early and late recensions of the first Novgorod chronicle. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. III. Moscow, 2000. 723 p. (In Russ.)
14. P e s o n e n , P . E . Mesolithic monuments of the Kandalaksha coast. *Mesolithic sites of Karelia*. Petrozavodsk, 1978. P. 94–160. (In Russ.)
15. P o l y a k o v a , E . N . Dictionary of personal names of the Perm region in the XVI–XVIII centuries. Perm, 2007. 463 p. (In Russ.)
16. T u p i k o v , N . M . Dictionary of Old Russian personal proper names. Moscow, 2004. 904 p. (In Russ.)
17. S h a k h n o v i c h , M . M . Archaeological study of the Varzuga River (the Tersk coast of the White Sea). *Proceedings of the Kola Science Center. Humanitarian Studies.* 2021;20:48–73. (In Russ.)

Received: 11 March, 2022; accepted: 30 June, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 16–23 2022

Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.797
УДК 903.653(470.22)

Археология

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ БЛЫШКО
аспирант
Хьюстонский университет (Хьюстон, США)
научный сотрудник
ООО «Аристо Северо-Запад» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1392-1146; dblyshko@gmail.com

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rockart@yandex.ru

ОСТАНОВОЧНЫЕ ПУНКТЫ ТРАНСПОРТНОЙ СЕТИ В НЕОЛИТЕ – ЭНЕОЛИТЕ КАРЕЛИИ

Аннотация. За последние десятилетия на территории Карелии были выявлены многочисленные памятники каменного века, свидетельствующие о многообразии видов активности древних людей вне поселений. Актуальной задачей на данный момент является интерпретация подобных археологических объектов в контексте взаимодействия первобытного населения региона с тем или иным ландшафтом. Наша статья является первой попыткой фиксации материальных следов транспортной сети неолита – энеолита Карелии, что определяет высокую степень новизны исследования. Рассматриваемые нами данные, полученные методом археологической разведки, публикуются впервые. Цель исследования – диверсификация типологии памятников неолита – энеолита Карелии по функциональному признаку, задача – выявить археологические следы транспортной активности древнего населения края. Ряд обнаруженных на территории Карелии неолитических – энеолитических памятников рассматриваются как остановочные пункты древних людей, перемещавшихся по речной транспортной сети. В качестве таковых интерпретированы объекты, входящие в границы стоянок Кумса VIII, X, XII, расположенных на реке Кумса в Медвежьегорском районе Республики Карелия. Данные стоянки концентрируются на озеровидном расширении русла реки, перед началом сложных для прохождения порогов. Микротопография стоянок делает их непригодными для длительного проживания, а состав обнаруженных находок свидетельствует о выполнении здесь функций более разнообразных, чем на пунктах исключительно промысловой активности. Определение подобных стоянок как остановочных пунктов согласуется с современными представлениями об интенсивности внутри- и межрегиональной коммуникации в неолите – эпоху раннего металла, которая могла осуществляться на территории региона только при наличии развитой инфраструктуры транспортной сети (водных коммуникаций).

Ключевые слова: неолит, энеолит, стоянка, коммуникация, транспорт, ландшафт

Благодарности. Авторы благодарят археологов А. Ю. Тарасова и Д. В. Герасимова за участие в обсуждении рукописи статьи.

Для цитирования: Блышко Д. В., Жульников А. М. Остановочные пункты транспортной сети в неолите – энеолите Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 16–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.797

ВВЕДЕНИЕ

Археологические разведочные работы на территории Карелии привели в настоящее время к открытию ряда объектов, позволяющих уточнить и диверсифицировать наши представления о способах взаимодействия древнего человека с ландшафтом. Вплоть до начала XXI века основными типами памятников каменного века на территории региона считались стоянки открытого типа, поселения со стационарными жилищами, могильники и петроглифические святилища. Однако еще до открытия непосредственно на территории Карелии других типов памятников первобытной эпохи высказывались теоре-

© Блышко Д. В., Жульников А. М., 2022

тические предположения об их существовании. Так, например, в 1990 году известный карельский археолог Ю. А. Савватеев озвучил возможность выявления на территории региона мастерских, писаниц, сторожевых пунктов, святилищ и других видов объектов каменного века [4: 79]. Археологические разведки, проводившиеся в последние десятилетия на территории Карелии и прилегающих территориях, подтвердили это предположение. Так, археологические исследования Д. В. Герасимова, К. Э. Германа, А. М. Жульникова, И. В. Мельникова, А. Ю. Тарасова, О. Сейтсонена, а также некоторых других археологов позволили выявить пункты кратковременных остановок древних людей, расположенные в местах, малопригодных для постоянного проживания[1] [8]. Разведочные работы А. Ю. Тарасова по поиску месторождений метатуфа, использовавшегося для изготовления рубящих орудий русско-карельского типа, привели к открытию нескольких каменных рудников в Западном Прионежье [10]. Многочисленны единичные случайные находки, свидетельствующие о посещении древним человеком обширных территорий за пределами стоянок. М. М. Шахнович [5] и А. М. Жульников [2] опубликовали сообщения о результатах поиска писаниц на территории Карелии. На данный момент типологический ряд археологических объектов, связанных с каменным веком, в Карелии и на прилегающих территориях включает поселения (со следами стационарных и мобильных жилищ), охотничье-промысловые лагеря, стоянки-мастерские, рудники, петроглифические святилища, писаницы, клады каменных изделий, случайные находки. Этот список не претендует на полноту. Его задача – продемонстрировать, что археологическая карта региона представляет собой не просто набор стоянок и могильников, отделенных друг от друга условно пустыми пространствами лесов и водоемов, а некий таскскейп, или освоенный ландшафт (термин Т. Ингольда [6]). Цель введения этого термина – показать, что элементы ландшафта в процессе человеческой деятельности наделяются социальным значением, приобретают пространственные границы, что позволяет в нашем случае осмысливать территорию за пределами стоянок-поселений как часть освоенного пространства, содержащего следы пребывания и деятельности древних людей. Например, сегодня под таксоном «стоянка» на территории Карелии и сопредельных регионов объединены все археологические объекты, содержащие следы обработки камня или древнюю керамику. Однако в зависимости от цели исследования археологами могут выделяться разные типы первобытных поселений. В частности, К. Л. Квамме разделяет первобытные стоянки на места относительно оседлого пребывания, связанного с осуществлением диверсифицированных практик (поселения), и места осуществления специализированных кратковременных функций, не предполагающих длительного проживания. К последним могут относиться охотничьи укрытия, каменоломни, места раздела добычи, места сезонных сборов раздельно проживающих групп людей [7]. Д. В. Герасимов и О. Сейтсонен, опираясь на определение К. Л. Квамме, в ходе археологических работ в Северном Приладожье выделили категорию «охотничье-промысловых лагерей» [8]. К этой категории они отнесли пункты, которые объединяет то, что на них был обнаружен лишь один тип находок (следы производства кварцевых орудий), что свидетельствует об осуществлении на «площадке» только определенного вида кратковременной деятельности. Такие «лагеря» были расположены преимущественно на островах Ладожских шхер, в том числе на берегах узких и неглубоких проливов, что позволяет авторам интерпретировать их как места, связанные преимущественно с рыболовством первобытных людей. Предложенная классификация охватывает памятники, открытые авторами, и может быть дополнена новыми категориями в результате обнаружения новых объектов.

На территории Карелии такие пункты также, безусловно, существуют. К ним можно отнести, например, открытую Д. В. Блышко в 2020 году северо-западнее Онежского озера стоянку Стороннее II[2]. К этой категории памятников относятся и некоторые другие пункты, выявленные недавно в этом районе А. М. Жульниковым, А. Ю. Тарасовым, К. Г. Германом.

Цель данной статьи – выполнить диверсификацию локальной группы «малых» стоянок каменного века по функциональному признаку и обосновать выделение такой категории археологических памятников, как остановочные пункты, под которыми понимаются места кратковременного расположения древних людей на отдых в условиях естественной природной среды во время перемещения вдоль водной артерии.

ОПИСАНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ

Современные исследования показывают, что на территории Фенноскандии в неолите – энеолите существовала обширная сеть регулярных контактов, включавших обмен и распространение каменных рубящих орудий русско-карельского типа, янтарных украшений, изделий из крем-

ня, лидита, сланца, меди, минерала асбеста и т. д. [3], [9]. Обмен является свидетельством активных перемещений древнего населения, но не исчерпывает возможные причины для передвижений на значительные расстояния. Регулярный обмен был невозможен без существования стабильной транспортной сети, следы которой представляется возможным обнаружить в ходе археологических исследований.

Остановочный пункт, как представляется, можно выделить среди иных разновидностей стоянок по ряду характеристик:

– его расположение на местности определяется спецификой путешествий в древности;

– он может быть расположен в зоне пересеченного ландшафта, что делает его непригодным для длительного проживания группы людей в силу ограниченной площади, заметного уклона террасы, завалуненности и, как следствие, отсутствия места для ведения разнообразной хозяйственной деятельности. Приоритетной причиной выбора площадки для временного размещения группы древних людей является доступ их к транспортному пути (водоему);

– расположение в зоне пересеченного ландшафта не является обязательным критерием, но это обстоятельство позволяет оценить размеры площадки, занятой древними людьми одномоментно, что невозможно сделать на местности с обширными открытыми пространствами, на которых следы разновременной активности сливаются в наложившиеся друг на друга стоянночные «пятна»;

– на памятнике присутствуют следы хозяйственной деятельности, требующей пребывания людей на площадке в течение как минимум короткого времени, что отличает эти пункты от мест обнаружения случайных находок или кладов каменных орудий;

– если состав находок на памятнике может быть интерпретирован как свидетельство участия посетивших его людей в обмене, это должно рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу определения объекта как остановочного пункта. Однако, поскольку обмен не является единственной причиной для передвижений древних людей, этот признак играет вспомогательную роль.

Следы остановочных пунктов, обладающих вышеуказанными признаками, были обнаружены на трех неолитических – энеолитических стоянках, расположенных в Медвежьегорском районе Республики Карелия на р. Кумса, в нижнем ее течении: Кумса VIII, X, XII (рис. 1). В этом районе стоянки сосредоточены в юго-восточной части озеровидного расширения русла реки перед началом серии порогов, тянущихся практически до места впадения р. Кумса в Онежское озеро. Согласно современным реконструкциям древней береговой линии, в неолите – энеолите место впадения р. Кумса в Онежское озеро отстояло от начала порогов на расстояние 5 км и более [11]. В этом районе, охваченном сплошным археологическим обследованием (К. Э. Герман (1994) и А. М. Жульников (2008, 2016)), расположено 25 разновременных стоянок, 17 из которых сосредоточены перед началом порогов на р. Кумса[3]. В данном месте берега озеровидного расширения реки имеют изрезанный рельеф с многочисленными песчано-гравийными грядами, высота которых может превышать десятки метров. На склонах береговых возвышенностей имеются многочисленные, как правило, небольшие по площади неровные площадки, расположенные на разной высоте и отделенные друг от друга ландшафтными границами: склонами, впадинами и уступами. В ходе археологических разведок на некоторых подобных площадках были выявлены следы присутствия древнего человека.

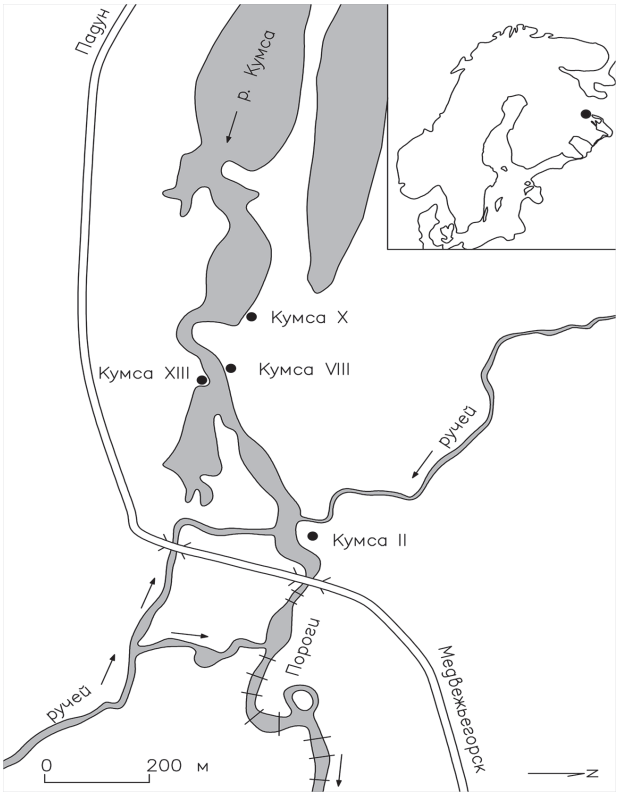


Рис. 1. Схема расположения памятников, упомянутых в тексте

Figure 1. Survey map of the sites mentioned in the text

В соответствии с существующими в настоящее время рекомендациями по методике проведения разведочных полевых работ, археоло-

гические объекты, расположенные на разных площадках, но недалеко друг от друга, в ходе исследований были объединены в более крупные памятники (стоянки). Однако они могут быть разделены на отдельные пункты по особенностям микротопографии, а также по составу находок в шурфах. Безусловно, такое разделение носит предварительный характер, но, как показывает опыт современных разведок, при тщательном выполнении шурфовки ее материалы могут использоваться для построения достаточно надежных реконструкций [1]. Выделяемым в границах подобного памятника объектам для удобства их описания в рамках данной статьи присвоено отдельное буквенное обозначение.

Стоянка Кумса VIII, выявленная А. М. Жульниковым в ходе разведки 2008 года и повторно обследованная в 2016 году, находится в 3,1 км западнее г. Медвежьегорска, на левом берегу р. Кумса (рис. 1, 2). Южная часть стоянки (Кумса VIII–А) расположена на относительно ровной широкой площадке на высоте 4 м над современным уровнем воды. В шурфах 1–3, заложенных на площадке, в слабоокрашенном слое обнаружены кварцевый скребок, кварцевый нуклеус, кварцевые отщепы и чешуйки. Отделенная от северной части стоянки перепадом рельефа, Кумса VIII–А не может быть ни уверенно датирована, ни связана с остальной частью памятника.

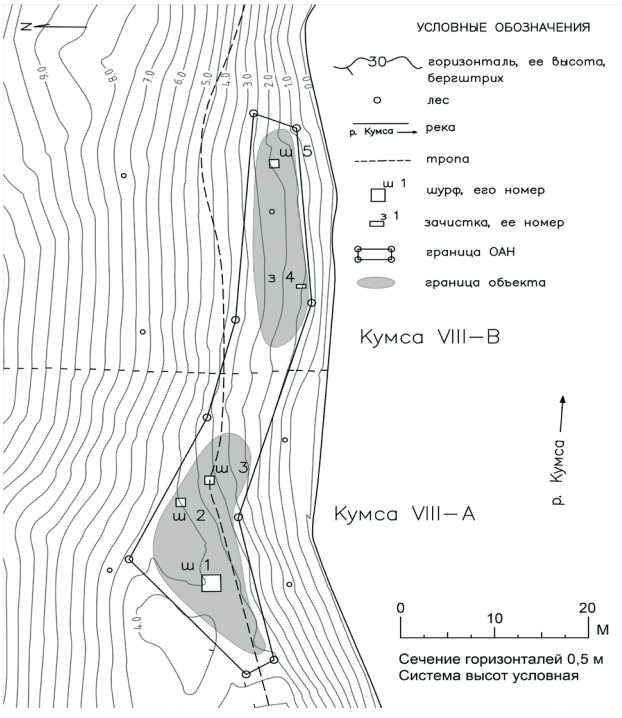


Рис. 2. Стоянка Кумса VIII

Figure 2. Kumsa VIII archaeological site

В северной части памятника по особенностям рельефа может быть выделен объект Кумса VIII–В: узкая береговая неровная площадка размерами 26 х 5 м ограничена с севера, запада и юга крутыми склонами. В пределах площадки наблюдается интенсивная окрашенность грунта. В зачистке, выполненной у края обрывистого склона, наблюдалась приуроченность находок к слою красно-коричневого песка с галькой, где были найдены следующие предметы: кварцевый скребок, 2 кварцевых отщепа с ретушью, 13 кварцевых отщепов, 12 кварцевых чешуек, кремневая чешуйка, 5 кальцинированных косточек.

В шурфе 5, расположенном к северу от зачистки, наблюдалась такая же окрашенность грунта. Помимо двух кварцевых чешуек, встреченных в расположенном выше слое темно-серого песка, все находки были сделаны в красно-коричневом песке: фрагмент стенки сосуда с орнаментом типа сперрингс (рис. 3: 3), 8 кварцевых отщепов, 13 кварцевых чешуек, кварцитовый отщеп, кварцевый нуклеус. По составу находок этот объект может датироваться ранним неолитом – первой половиной V тыс. до н. э.

Стоянка Кумса X находится в 3,3 км западнее г. Медвежьегорска, на левом берегу р. Кумса (рис. 1, 4). Она расположена в пределах первой береговой террасы и берегового склона, имеет протяженность вдоль берега около 100 м. Южная часть памятника занимает относительно крутой береговой склон, на котором имеется слабовыраженная площадка, где в шурфах 1–2 были обнаружены кварцевые отщепы и чешуйки. Эта часть памятника (Кумса X–А) не может быть ни датирована, ни уверенно связана с расположенными ниже и севернее площадками, отчетливо читаемыми в микрорельефе.

В центральной части памятника расположена площадка размерами 34 х 13 м (Кумса X–В). С запада она ограничена современным берегом реки; с юга и востока – основанием крутого склона песчаного холма; с севера площадку ограничивает понижение, соединяющее расположенную у основания холма впадину и берег реки. В шурфе 3, заложенном в центре площадки, были обнаружены многочисленные артефакты: лидитовый отщеп, чешуйки (серый кремень) – 14 экз., чешуйки (коричневый кремень) – 24 экз., кварцевые отщепы – 28 экз., кварцевые чешуйки – 40 экз., кварцевый скребок, нуклевидный кварцевый отщеп, обломок стеклянной глазчатой средневековой бусины, датируемой IX–X веками (см. рис. 3: 2). По составу находок, включающему кремневые чешуйки, объект может быть отнесен к неолиту –

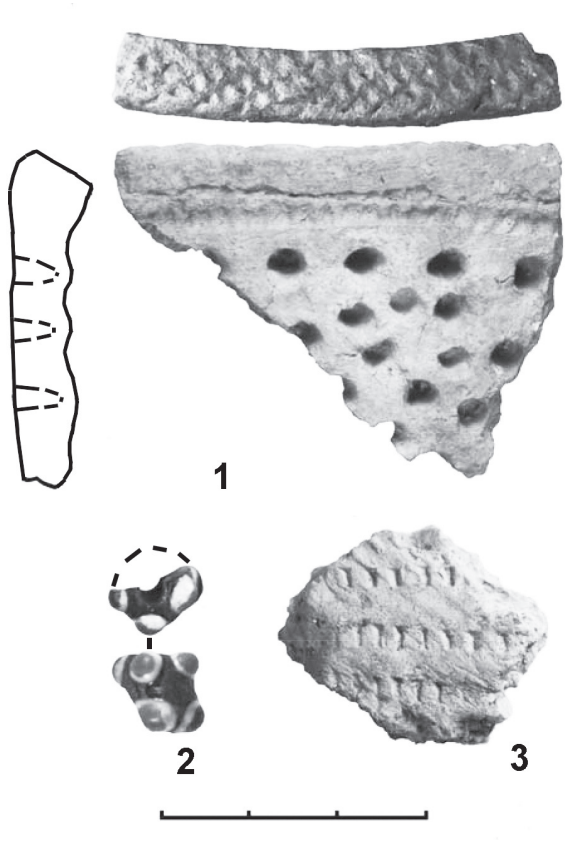


Рис. 3. Находки со стоянок на р. Кумса: 1 – ямочно-гребенчатая керамика (Кумса X), 2 – глазчатая стеклянная бусина (Кумса X), 3 – керамика типа сперрингс (Кумса VIII)

Figure 3. Findings from the sites on the Kumsa River: 1 – pit-comb ware (Kumsa X site), 2 – glass eye bead (Kumsa X site), 3 – Sperrings ware (Kumsa VIII site)

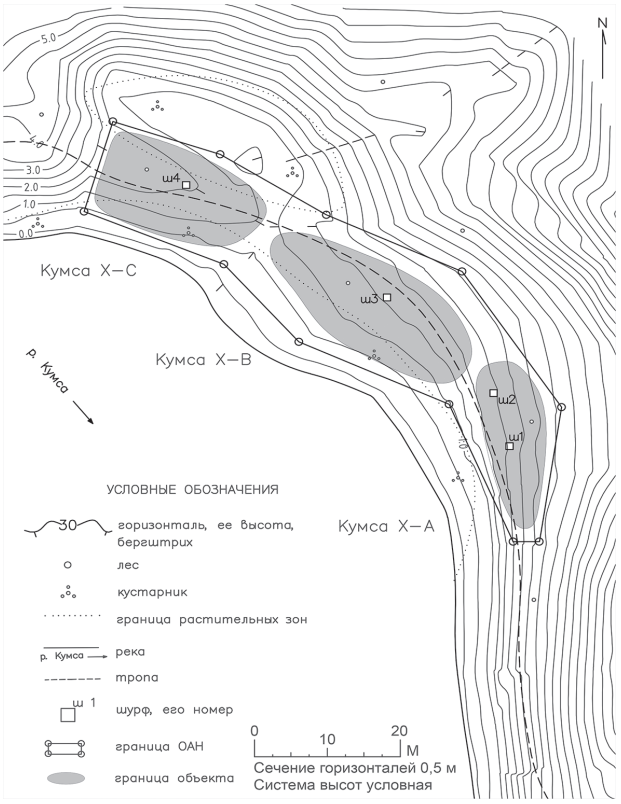


Рис. 4. Стоянка Кумса X

Figure 4. Kumsa X archaeological site

энеолиту – V–III тыс. до н. э. Стеклянная бусина является, видимо, случайной находкой и не может быть связана с контекстом объекта.

В северо-западной части стоянки (Кумса X–C) расположена площадка размерами 23 х 12 м. С севера она примыкает к склону берегового холма; с востока и юга ограничена понижением рельефа; с запада – берегом реки. В шурфе 4, заложенном на площадке, были обнаружены следующие находки: кварцитовый отщеп – 4 экз., кварцевый отщеп – 19 экз., кварцевая чешуйка – 36 экз., фрагмент стенки сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом льяловского облика – 10 экз., фрагмент венчика сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом (см. рис. 3: 1), кальцинированная кость – 3 экз., кремневый отщеп с признаками воздействия огня – 2 экз., кварцевый отщеп со следами использования. По составу находок, в том числе по керамике, объект может быть отнесен к среднему неолиту – второй половине V тыс. до н. э.

Стоянка Кумса XII находится в 3,1 км западнее г. Медвежьегорска, на правом берегу р. Кумса, на небольшом мысу правого берега реки, у основания крутого берегового склона высотой 7,5 м (рис. 1, 5). В ходе археологической разведки на мысу была выявлена неровная площадка размерами 17 х 15 м. В заложенном на площадке шурфе были обнаружены следующие артефакты: кварцевый скребок, 3 обломка шлифовальных плит из кварцита, 4 кварцевых отщепа. По составу находок, не содержащих признаков мезолитической каменной индустрии, стоянка может быть отнесена к неолиту – энеолиту – V–III тыс. до н. э.

Перечисленные выше объекты, выделенные в границах памятников, объединяет несколько общих черт. Как и другие стоянки, обнаруженные в этом районе, они концентрируются у отрезка реки со спокойным течением перед началом пятикилометрового порожистого участка со значительным перепадом высот. Такое расположение стояночных площадок совпадает с современными практиками путешественников по карельским рекам: их стоянки концентрируются перед началом и после завершения порогов, что дает возможность подготовиться к прохождению сложного отрезка пути или отдохнуть после его преодоления.

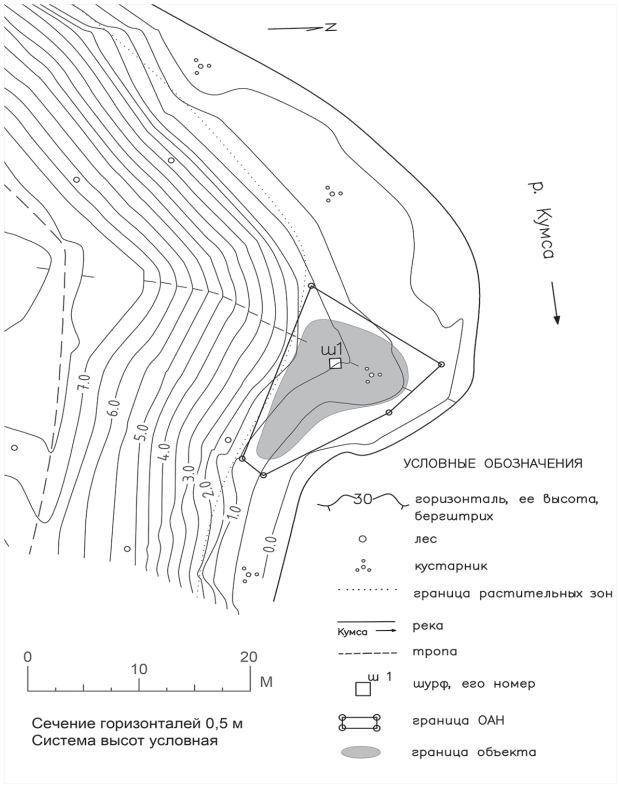


Рис. 5. Стоянка Кумса XIII

Figure 5. Kumsa XIII archaeological site

Перед началом порогов на р. Кумса имеются и большие открытые, ровные площадки, на одной из которых расположена стоянка Кумса II размерами 70 х 25 м с немногочисленным кварцевым инвентарем. Однако значительная площадь площадки, пригодной в том числе для размещения жилых сооружений, не была приоритетной для людей, перемещавшихся по водному пути. Это может говорить о малой численности передвигавшихся здесь групп древних путешественников, что является аргументом в пользу интерпретации обнаруженных объектов как остановочных пунктов первобытных людей.

Выявленные объекты расположены непосредственно на берегу, в условиях пересеченного микрорельефа. Выбор между удобством площадки и близостью к воде говорит о функциональной важности последней. Малая площадь и конфигурация площадок делает их неудобными для длительного проживания. Особенно это хорошо заметно в отношении объекта Кумса VIII–B размерами 26 х 5 м. В древности неровная площадка, где обнаружены находки, могла быть шире, о чем говорит выход культурного слоя на поверхность в береговом обрыве, но с учетом отсутствия следов разрушения слоя на других береговых стоянках можно предполагать, что эрозия склона была незначительной. На подобных небольших узких площадках, зажатых между рекой и склонами возвышенностей, нет возможности вести виды деятельности, требующие большой площади, на них затруднены оборудование укрытий для ночлега и сооружение жилищ, затруднен доступ к топливу. Это заставляет рассматривать обнаруженные объекты как пункты кратковременной остановки древних людей.

Состав находок на выделенных объектах не соответствует монофункциональным площадкам, интерпретируемым О. Сейтсоненом и Д. В. Герасимовым как охотничье-промысловые лагеря. Фрагменты керамики, найденные на объектах Кумса VIII–B и Кумса X–C, а также фрагменты кальцинированных костей свидетельствуют о разведении костров и манипуляциях с пищей. Найденные на стоянке Кумса XII обломки кварцитовых шлифовальных плит могут свидетельствовать как об изготовлении или правке инструментов из шлифуемых материалов, так и о ревизии перевозимого груза перед началом сложного участка пути. Обилие кремневых чешуек в шурфе на объекте Кумса X–B свидетельствует о проведении на площадке финишной обработки нескольких кремневых орудий. Поступающий на территорию Карелии кремень зачастую транспортировался в форме заготовок, и следы обработки кремня на объекте Кумса X–B могут косвенно свидетельствовать об участии посещавших его людей в обмене. Однако это предположение может быть подтверждено только дальнейшими раскопками. Обилие следов обработки кварца на всех объектах может говорить как о частоте их посещения, так и об интенсивности хозяйственной деятельности в условиях специфического ландшафта береговых площадок на реке Кумса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, объекты, выделенные на стоянках Кумса VIII, X, XII, можно интерпретировать как остановочные пункты транспортной сети, существовавшей в неолите – энеолите на территории Карелии. Причины транспортной активности были разнообразны. Добыча минерального сырья, перемещение к местам сезонного промысла и многие другие аспекты жизни древнего человека могли мотивировать его совершать кратковременные поездки и длительные путешествия. Возможно, дальнейшие исследования этих объектов позволят связать их с внутри- и межрегиональными контактами населения Фенноскандии эпохи неолита – энеолита. Безусловно, остановки в пути могли совмещаться с промыс-

ловой деятельностью, но это не должно было стать основной причиной появления описанных выше объектов.

Понимание пространства древней Карелии как таскскейпа вкупе с накоплением фактологического материала в результате интенсивных археологических разведок в зонах хозяйственного освоения создает сегодня возможность для распознавания в известных нам археологических объектах следов диверсифицированной активности людей каменного века. Высказанное в статье предположение о том, что на ключевых участках водных путей Карелии находятся остановочные пункты древних людей, может подтвердиться археологическими разведками в аналогичных ландшафтных условиях. Как представляется авторам данной статьи, различение в малых по площади стоянках промыслово-охотничьих лагерей и транспортных остановок только открывает процесс интерпретации подобных объектов. Перспективным видится коллективное обсуждение интерпретаций таскскейпа древней Карелии и сопредельных регионов археологами, ведущими разведки на этой территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Жульников А. М. Отчет о работах Беломорской археологической экспедиции Петрозаводского государственного университета на территории Беломорского, Кемского, Кондопожского, Медвежьегорского, Прионежского районов Республики Карелия и в черте города Петрозаводска в 2008 году // Архив Института археологии РАН; Жульников А. М. Отчет по результатам археологических работ по обследованию территории объекта «Газопровод Волхов-Сегежа-Костомукша» в Ленинградской области и Республике Карелия в 2016 г. // Архив Института археологии РАН; Тарасов А. Ю. Отчет об археологических работах в Лоухском и Прионежском районах Республики Карелия в 2008 г. // Архив Института археологии РАН; Тарасов А. Ю. Отчет об археологических разведочных работах на территории Прионежского, Медвежьегорского и Беломорского районов Республики Карелия в 2017 г. // Архив Института археологии РАН.

[2] Блышко Д. В. Отчет об археологической разведке в Республике Карелия в 2020 году // Архив Института археологии РАН.

[3] Жульников А. М. Отчет по результатам археологических работ по обследованию территории объекта «Газопровод Волхов-Сегежа-Костомукша» в Ленинградской области и Республике Карелия в 2016 г. // Архив Института археологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимов Д. В. «Мал золотник, да дорог!»: об опорных комплексах каменного века – эпохи раннего металла юго-восточной части региона Финского залива // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований (Замятнинский сборник. Вып. 4). СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2015. С. 192–206.
2. Жульников А. М. Писаница Тулгуба // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.726
3. Жульников А. М., Тарасов А. Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // Российская археология. 2021. № 4. С. 21–34. DOI: 10.31857/S086960630013650-4
4. Савватеев Ю. А. Особенности и перспективы разведок памятников каменного века на территории Карелии // Полевая археология мезолита – неолита. Л.: Ленинградское отделение Института археологии, 1990. С. 74–81.
5. Шахнович М. М. Опыт поиска писаниц в Западной Карелии // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 64–68.
6. Ingold T. The temporality of the landscape // World Archaeology. 1993. Vol. 25 (2). P. 152–174.
7. Kvamme K. L. Determining empirical relationships between the natural environment and prehistoric site locations: A hunter-gatherer example // For concordance in archaeological analysis: bridging data structure, quantitative technique, and theory. Kansas City: Westport Publishers, 1985. P. 208–238.
8. Seitsonen O., Gerasimov D. V. Archaeological research in the Kurkijoki area in 2001 and 2003: A preliminary study of the Stone Age settlement patterns in southern Ladoga Karelia // Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003 (Iskos 16). Helsinki: Finn. antiquarian soc., 2008. P. 164–184.
9. Tarasov A. Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia // Estonian Journal of Archaeology. 2015. Vol. 19 (2). P. 1–27.
10. Tarasov A. Metatuff quarries on the western coast of Lake Onega. A preliminary observation // International conference “Crossing the Borders. Interregional and Cross-Cultural Interactions in the Context of Lithic Studies” (15th SKAM Lithic Workshop). Minsk: Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 2018. P. 55.
11. Zobkov M., Potakhin M., Subetto D., Tarasov A. Reconstructing Lake Onego evolution during and after the Late Weichselian glaciation with special reference to water volume and area estimations // Journal of Paleolimnology. 2019. Vol. 62. P. 53–71.

Поступила в редакцию 08.02.2022; принята к публикации 30.06.2022

Original article

Dmitriy V. Blyshko, PhD Student, University of Houston (Houston, USA), Research Associate, Aristo Northwest expert organization (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-1392-1146; dblyshko@gmail.com
Alexander M. Zhulnikov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rockart@yandex.ru

STOPPING POINTS OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN NEOLITHIC AND ENEOLITHIC KARELIA

Abstract. Recent decades saw the discoveries of numerous Stone Age archaeological objects on the territory of Karelia, which confirms that the prehistoric population interacted with its environment in many ways. Thus, today it is important to interpret such archaeological sites in the context of the interaction of the region's prehistoric population with a particular landscape. This article is the first attempt to record the material traces of the Neolithic and Eneolithic transport infrastructure in Karelia, which determines the high degree of the research novelty. The examined data obtained by archaeological exploration are published for the first time. The aim of the research was to diversify the typology of the Neolithic and Eneolithic Karelian archaeological sites according to their functions by revealing the archaeological traces of the transport activity of the region's prehistoric population. The article interprets the Neolithic and Eneolithic objects included into Kumsa VIII, X and XII sites located along the Kumsa River in the Medvezhyegorsk District of Karelia as stopping points of the river transportation network. These sites are concentrated on the lake-like extension of the riverbed before the rapids that are difficult for navigation. The microtopography of the sites speaks against interpreting them as sedentary residential sites. The findings at the sites suggest that various activities were performed there, which makes them different from limited activity sites like fishing or hunting sites. Interpretation of these sites as stopping points fits the contemporary views on the existence of intensive inter- and transregional communication in the Neolithic and the Early Metal Age, which could not exist without developed transport infrastructure (water communications).

Keywords: Neolithic, Eneolithic, site, communication, transport, landscape

Acknowledgements. The authors express their deep gratitude to archaeologists A. Yu. Tarasov and D. V. Gerasimov for taking part in the discussion of the draft article.

For citation: Blyshko, D. V., Zhulnikov, A. M. Stopping points of transport infrastructure in Neolithic and Eneolithic Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(6):16–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.797

REFERENCES

1. Gerasimov, D. V. "Little pigeons can carry great messages": reference sites for the Stone Age and the Early Metal Age in the southeastern part of the Gulf of Finland area. *Ancient cultures of Eastern Europe: reference sites and complexes in the context of contemporary archaeological research (Zamyatnin Proceedings. Issue 4).* St. Petersburg, 2015. P. 192–206. (In Russ.)
2. Zhulnikov, A. M. Tulguba rock painting. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(2):8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.726 (In Russ.)
3. Zhulnikov, A. M., Tarasov, A. Yu. On the origin and chronology of the geometric style asbestos-ceramic of the Voynavolok type. *Russian Archaeology.* 2021;4:21–34. DOI: 10.31857/S086960630013650-4 (In Russ.)
4. Savvateev, Yu. A. Specifics and perspectives of archaeological surveys for Stone Age sites on the territory of Karelia. *Field archaeology of the Mesolithic and Neolithic.* Leningrad, 1990. P. 74–81. (In Russ.)
5. Shakhnovitch, M. M. Searching for rock paintings in western Karelia. *From the Baltic to the Urals: essays on the Stone Age archaeology.* Syktyvkar, 2014. P. 64–68. (In Russ.)
6. Ingold, T. The temporality of the landscape. *World Archaeology.* 1993;25(2):152–174.
7. Kvamme, K. L. Determining empirical relationships between the natural environment and prehistoric site locations: A hunter-gatherer example. *For concordance in archaeological analysis: bridging data structure, quantitative technique, and theory.* Kansas City, 1985. P. 208–238.
8. Seitsonen, O. Gerasimov, D. V. Archaeological research in the Kurkijoki area in 2001 and 2003: A preliminary study of the Stone Age settlement patterns in southern Ladoga Karelia. *Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003 (Iskos 16).* Helsinki, 2008. P. 164–184.
9. Tarasov, A. Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia. *Estonian Journal of Archaeology.* 2015;19(2):1–27.
10. Tarasov, A. Metatuff quarries on the western coast of Lake Onega. A preliminary observation. *International conference "Crossing the Borders. Interregional and Cross-Cultural Interactions in the Context of Lithic Studies" (15th SKAM Lithic Workshop).* Minsk, 2018. P. 55.
11. Zobkov, M., Potakhin, M., Subetto, D., Tarasov, A. Reconstructing Lake Onego evolution during and after the Late Weichselian glaciation with special reference to water volume and area estimations. *Journal of Paleolimnology.* 2019;62:53–71.

Received: 8 February, 2022; accepted: 30 June, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 24–32 2022

Научная статья **Историография, источниковедение, методы исторического исследования**
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.804
УДК 930.1

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ БЫЧКОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии факультета истории, теологии и международных отношений
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1649-758X; spbychkov@mail.ru

АНТОН КАРТАШЕВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

А н н о т а ц и я . Целью статьи является определение значения учебы и начала преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии для становления известного церковного историка А. В. Карташева. Используя методы, разработанные исследователями интеллектуальных биографий, и опираясь на вновь вводимые в исследовательский оборот архивные и опубликованные источники, авторы решают задачи реконструкции и оценки образовательных практик в Санкт-Петербургской духовной академии. Важнейшими аспектами раннего этапа биографии А. В. Карташева стали протекавшие в стенах академии процессы формирования его душевного, интеллектуального и научного облика, проявления и закрепления черт этого облика в первых работах по церковной историографии, преподавательской и исследовательской деятельности. В статье всесторонне представлены все виды этой деятельности А. В. Карташева, показана высокая оценка ее результатов старшими коллегами, уделено внимание его участию в религиозно-просветительской деятельности. Новизна подхода к исследуемым документам заключается в том, что интеллектуальная биография начинающего историка реконструируется с применением принципов коммуникативного анализа. Центральным субъектом коммуникации выступает А. В. Карташев. Процесс его коммуникации с другими людьми рассматривается не просто как проявление / выражение, но как формирование / трансформация его личности во взаимодействии с окружающими. Актуальность исследования определяется его дискуссионным характером. Авторы по-новому оценивают «скандал» при защите докторской диссертации С. Г. Рункевича, якобы устроенный А. В. Карташевым, характеризуют восприятие его манеры преподавания студентами и детально анализируют первую публикацию начинающего историка. В результате опровергается наметившееся в последнее время стремление некоторых исследователей принизить значение его деятельности в стенах академии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Санкт-Петербургская духовная академия, образовательные практики, историография русской церковной истории, А. В. Карташев, С. Г. Рункевич

Д л я ц и т и р о в а н и я : Антощенко А. В., Бычков С. П. Антон Карташев в Санкт-Петербургской духовной академии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 24–32. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.804

ВВЕДЕНИЕ

Более чем десятилетнее пребывание в стенах Санкт-Петербургской духовной академии (далее – СПДА), сначала в качестве учащегося, а потом магистранта и молодого преподавателя, известного в последующем историка, политика, государственного и общественного деятеля Антона Владимировича Карташева (1875–1960), имело важное значение для его биографии и запомнилось ему на всю жизнь. Уже на склоне лет, будучи профессором Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, он с теплым чувством и признательностью вспоминал alma mater. По воспоминаниям учившегося в институте И. Мейендорфа,

© Антощенко А. В., Бычков С. П., 2022

«в Париже Карташев был известен как увлекательнейший рассказчик о “святых” академиях, где – в отличие от бурсацкой казенщины в семинариях – преобладала атмосфера серьезного научного труда и подлинной церковности. Именно от Карташева мы, студенты, слышали об историке В. В. Болотове, знавшем только три дороги: в аудиторию, в библиотеку и в храм; об “умнице” Сергии Страгородском, ректоре академии, впоследствии местоблюстителе и патриархе; о “праведном” Вениамине Казанском, однокашнике Карташева, а затем митрополите Петроградском, мученике за веру, погибшем в 1922 году» [7: 169].

Однако в исследовательской литературе о А. В. Карташеве [1], [8] этот период, как правило, излагается крайне кратко, что не позволяет адекватно оценить его значение. Имеющиеся архивные и опубликованные материалы позволяют восполнить этот недостаток, чему и посвящена данная статья.

ГОДЫ УЧЕБЫ

В академию принимались абитуриенты, окончившие семинарии на отлично и рекомендованные семинарским правлением для посылки за синодальный счет, прошедшие курс семинарий и прибывающие в академию за свой счет, а также все желающие, окончившие высшие и средние классические учебные заведения. Антон Карташев, с отличием окончивший Пермскую духовную семинарию, попадал в первую категорию и по существовавшим тогда правилам был принят на 1-й курс в 1894 году на «казенный кошт» в числе 55 поступивших из духовных семинарий[1].

По приезде в Петербург юный Антон был глубоко впечатлен его столичным величием, увлечен новыми жизненными и учеными горизонтами, раскрывшимися перед ним. Храмы с великолепной архитектурой, внутренним убранством, величественным богослужением, богатство библиотек и музеев, перспективы активного приобщения к высотам культурной жизни и академической учености, предвкушение знакомства с новыми товарищами, собиравшимися со всей России, – все это могло ошеломить и ошеломляло почти любого приехавшего на учебу в столицу из провинции[2]. Спустя более чем полвека, в 1950 году, в одном из писем Г. И. Новицкому он писал о

«незабвенном моменте блаженства, когда в 1894 г. смиренный провинциал прибыл в страшный загадочный Санкт-Петербург, выдержал, казалось, неодолимый, конкурсный экзамен в Духовную академию на казенную стипендию и… почувствовал себя как король, получивший трон и цивильный лист»[3].

Академия, как и сегодня, располагалась на территории Александро-Невской лавры в трехэтажном особняке. На первом этаже находились студенческая библиотека, столовая, административные кабинеты инспекторов и эконома. Аудитории, актовый зал, музей, студенческая читальня – на втором. Комнаты для занятий студентов помещались на третьем этаже. В комнатах для занятий каждый имел определенное место за одним из двух больших столов, рассчитанных на шесть человек. Тут же стояли два платяных шкафа для одежды, две большие этажерки для книг, два дивана, стулья. В одной комнате занимались 12 человек, сидевших в алфавитном порядке. Академическая библиотека находилась в особом здании, в саду.

По существовавшим правилам и казеннокоштные, и своекоштные студенты, за исключением имевших в городе родителей, обязаны были жить в стенах академии. Как отмечают исследователи истории духовных учебных заведений, в бытовом отношении студенты СПДА были обеспечены намного лучше студентов других заведений, отягощенных квартирными, материальными проблемами, плохим пропитанием. Здесь же все было в распоряжении студентов и под рукой. Большие и светлые жилые комнаты, хорошее питание и одежда, громадная библиотека, сад для прогулок. Можно было всецело погрузиться в науку, не отвлекаясь на посторонние заботы[4].

Представление об организации занятий в академии дают ежегодные отчеты. Как указывалось в отчете о деятельности академии за 1894 год, когда в ней начал учиться А. В. Карташев, «занятия студентов академии состояли в слушании и усвоении лекций, составлении сочинений и проповедей, в чтении книг и сдаче годичных испытаний». Студенты I, II и III курсов в течение недели должны были прослушать от 20 до 24 лекций, написать по три семестровых сочинения и подготовить по одной проповеди, причем студенты первых трех курсов составляли проповеди-экспромты в классе в указанное время на данную тему[5].

В академии в тот период преподавало около трех десятков преподавателей – профессоров и доцентов. За время своего обучения А. В. Карташев прослушал лекции таких известных лекторов академии, как В. В. Болотова (по истории раннехристианской церкви), Н. Н. Глубоковского (по Священному Писанию и Новому Завету), А. И. Бриллиантова (по общей церковной истории), И. С. Пальмова (по истории славянских церквей), своего предшественника по кафедре русской церковной истории П. Ф. Николаевского и др.

Кроме посещения лекций и написания научных работ студенты занимались миссионерской деятельностью. С разрешения ректора они принимали участие во внебогослужебных собесе-

дованиях в храме Общества по распространению религиозно-нравственного просвещения, церкви подворья Задне-Никифоровской пустыни, школе при фабрике братьев Варгуниных, церкви Св. Петра и Павла при Обуховском заводе, молитвенном доме И. В. Алексеева, столовой при Чугунном заводе, при фабрике Спасской мануфактуры, на фабрике Паля, в столовой при фабрике Штиглица, 1-м ночлежном доме, ночлежном доме на Малой Болотной, при заводе Дурдина и в комитете для призрения и разбора нищих. В состав групп священников и студентов старших курсов академии, участвовавших в этих собеседованиях, входил А. В. Карташев[6].

Академия имела небольшой численный состав студентов, большинство жили в одном месте, братски помогая и заботясь о своих однокашниках и первокурсниках[7]. Однако существовали и проблемы. Значительным было число студентов, не успевавших по болезни. Почти ежегодно в отчетах академии конца 1890-х годов встречались и упоминания о смерти студентов. Сырой, промозглый петербургский климат не очень способствовал здоровью студентов, особенно выросших в более благоприятных климатических условиях. Были неприятности со здоровьем и у А. В. Карташева. Из-за болезни (возможно, ревматизма, на который он в более зрелые годы жаловался своему другу С. П. Каблукову) в конце третьего года обучения он не сдавал экзаменов по всем предметам академического курса и не подавал семестрового сочинения. Совет академии «определил» оставить его на второй год обучения на третьем курсе с сохранением за ним казеннокоштной стипендии[8]. В результате продления общего курса обучения уже после III курса Антон Карташев вынужден был подать прошение о материальной поддержке, поскольку по существовавшему положению студент обеспечивался за счет казны только четыре года со дня поступления в академию. Прошение было удовлетворено, и он был зачислен на одну из свободных стипендий[9].

При выпуске из академии каждый студент обязан был предоставить выпускное сочинение и при положительном отзыве рецензента на него получал звание кандидата богословских наук. В 1899 году А. В. Карташев сдал выпускной экзамен и подготовил работу «Славянские переводы творений Св. Иоанна Златоуста». Как отмечал в своем отзыве на нее экстраординарный профессор академии А. И. Пономарев, А. В. Карташев зарекомендовал себя как кропотливый, вдумчивый исследователь, обладающий навыками научной работы. Написание выпускного сочинения потребовало от Антона Карташева тщательной работы с источниками на церковнославянском, русском, греческом языках, изучения большого массива греко-византийской литературы и исследований отечественных авторов. Рецензент посчитал, что работа блестяще удалась и представляла собой настоящее научное сочинение[10]. За него совет академии удостоил А. В. Карташева денежной премии митрополита Иосифа в размере 165 рублей[11]. В дипломе за № 2103, выданном ему по окончании академии 15 сентября 1899 года, приводился общий список изученных дисциплин и оценки, полученные по результатам обучения. Как «отлично хорошие» были оценены его знания по введению в круг богословских наук, Священному Писанию Ветхого и Нового Заветов, библейской истории, догматическому, нравственному и пастырскому богословию, педагогике, церковному праву, общей церковной истории и историям Русской церкви и славянских церквей, патристике, церковной археологии, истории и разбору западных исповеданий, логике, психологии, метафизике, истории философии, теории словесности и истории иностранных литератур, истории русской литературы, русскому и церковнославянскому языкам (с палеографией), еврейскому языку и библейской археологии, а также английскому языку. По истории и обличению русского раскола А. В. Карташев продемонстрировал «очень хорошие» знания, и только результаты изучения им гомилетики и истории проповедничества были признаны «условно хорошими». За это будущий историк был удостоен степени кандидата богословия и получил право на степень магистра без новых устных испытаний. В документе указывалось также, что «предоставляются Антонию Карташеву все права и преимущества, законами Российской империи со степенью кандидата духовной академии соединяемые». «За воспитание в академии» А. В. Карташев обязан был выслужить шесть лет в духовном ведомстве, и до выслуги этого срока не мог оставить службу в духовном ведомстве «без особого разрешения Святейшего синода»[12].

Лучшие выпускники академии оставлялись при кафедрах в качестве профессорских стипендиатов для сдачи магистерских экзаменов и подготовки диссертации. После одного года занятий, а если была необходимость, то и раньше, они отчитывались о своей работе и допускались к преподаванию в качестве и. о. доцентов. После написания и защиты магистерской диссертации присуждалась соответствующая научная степень, что открывало дорогу для достижения следующей степени – доктора богословия, или церковной истории, или же канонического права. Эта дорога по окончании академии была уготована А. В. Карташеву. Он был оставлен профессор-

ским стипендиатом по кафедре истории русской церкви. С этого же момента он стал юридически свободным, когда по специальному ходатайству академии, согласно Своду законов Российской империи, постановлением Пермской казенной палаты в первой половине 1899 года был исключен из податного состояния, освобождаясь тем самым от уплаты крестьянской подати[13].

Учителем и наставником по кафедре русской церковной истории для А. В. Карташева был протоиерей, профессор П. Ф. Николаевский. Он указал молодому преподавателю на то, что «досинодальный период истории русской церкви уже достаточно освещен наукой, перед которой теперь ставится задача вступить в сложный синодальный период» [2: 151]. Именно здесь и определилась окончательно основная научная специализация – область церковной истории. На положении профессорского стипендиата А. В. Карташев пробыл с 16 августа 1899 года по 16 августа 1900 год. За этот год было сделано достаточно много и в плане получения навыков преподавания, и в сборе научного материала. Для знакомства с «методами высшего преподавания истории» А. В. Карташев обратился в совет СПДА с прошением «исходатайствовать» для него «дозволение на посещение лекций историко-филологического факультета» столичного университета в 1899–1900 учебном году[14]. Это прошение было поддержано. В качестве годовой стипендиальной работы А. В. Карташеву было поручено изучение печатных академических работ, освещавших синодальный период существования Русской церкви (то есть то, что сегодня мы назвали бы историографией). Молодой исследователь приступил к выявлению, сбору и систематизации источников по истории Русской церкви. Было выполнено им и задание, полученное от временного научного руководителя П. Н. Жуковича по оценке общих систем русской церковной истории. Все это позволило ему набрать фактический материал для своего лекционного курса.

НАЧАЛО ПРЕПОДАВАНИЯ

Как отмечал в своем отчете экстраординарный профессор П. Н. Жукович, которому советом академии после смерти П. Ф. Николаевского было поручено временно замещать кафедру русской церковной истории и «опекать» в научном плане оставшихся без руководства профессорских стипендиатов, «выбор преемника себе, сделанный покойным П. Ф. Николаевским, поистине счастливый для академии выбор»[15]. Совет академии обратил внимание на молодого стипендиата. А. В. Карташеву было поручено прочтение двух пробных лекций, тема одной из которых была определена советом[16]. Он же сам выбрал темой другой лекции учреждение Синода. После успешного завершения испытания, 16 августа 1900 года А. В. Карташев был избран исполняющим обязанности доцента кафедры истории Русской церкви СПДА. Утверждение в должности митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским) состоялось 27 сентября 1900 года[17].

В начале своего курса во вторую половину 1900–1901 учебного года Антон Владимирович прочитал систематический обзор русской церковной истории и начал изложение истории христианства до крещения Руси князем Владимиром. На следующий год он читал лекции в первой половине года студентам III и IV курсов о положении христианства до князя Владимира, о всеобщем крещении Руси равноапостольным князем и проводил систематический разбор домонгольского периода русской церковной истории[18]. На третий год им был прочитан материал, связанный с московским периодом: от монголов до введения патриаршества – в первом семестре. Во втором же семестре он повторил материал первого года преподавания с добавлением сюжетов внешней миссии Русской церкви в домонгольский период[19].

Так началась его преподавательская деятельность. А. В. Карташев был очень популярен среди студентов. Как вспоминал его ученик Н. Веритинов:

> «...на устах у поступавших в академию чаще всего были две фамилии: известного всей Европе “глубокой глубокости” Глубоковского и устремленного к горним высотам Карташева» [3: 107].

Впервые Н. Веритинов увидел А. В. Карташева на вступительных экзаменах и составил о нем такое впечатление: «С высокой худощавой фигурой, с тонким, бледным, аскетическим лицом, внешне в профиль напоминавший Гоголя, он весь был сама одухотворенность» [3: 107]. Молодой ученый был чрезвычайно чуток, обворожительно мягок, в личном общении неизменно благожелателен, чем и привлекал молодежь. Его не только уважали, но и любили. Несомненно, что он был одним из лучших лекторов академии, ибо ему была присуща

> «эрудиция, а в особенности глубокая интуиция и совершенно точные слова для передачи того, что открывалось его внутреннему взору. Закрыв глаза, моментами слегка жестикулируя, он так вводил слушателей в курс читаемого, что картина вставала ясная, незабываемая» [3: 107].

Но экзаменатором он был строгим. «Задает вопрос и закрывает глаза: Да, это так... А здесь нет, вы ошибаетесь. Факты отмечены верно,

но не тот подход, не то освещение по исторической обстановке...», – писал Н. Веритинов [3: 107]. Что всегда поражало людей, близко его знавших, так это его манера почти всегда закрывать глаза, когда слушал или отвечал. Это было выражением глубокой работы мысли, которая, не отвлеченная ничем внешним, искала точный и мудрый ответ. Но в том и было своеобразие историка, что этот мудрый ответ он приберегал для себя, «клал на дно души» и до поры до времени без крайней необходимости не открывал другим [2: 131]. Глубоко отличавшимся от других, редко и мало согласным с ними, идущим своей дорогой, думающим о своем и не обижавшим других виделся он тем, кто знал его по СПДА. Они же отмечали его эрудицию, глубокий ум, соединявшиеся с природной добротой, честнейшими побуждениями и чрезвычайной скромностью [3: 109]. Молодым на фоне своих маститых коллег, но подающим большие надежды преподавателем и исследователем запомнился А. В. Карташев и Г. И. Шавельскому [10: 119].

Конечно, данные источники в силу своего характера (воспоминания и некролог), несомненно, субъективны, но и их свидетельства должны учитываться при казалось бы строго объективном подходе, который стремится провести в своих оценках историк академии Д. А. Карпук [5: 183–185, 188–191]. Он справедливо выделяет три важные направления научно-педагогической деятельности начинающего ученого – оценка кандидатских сочинений, участие в обсуждении магистерских и докторских диссертаций и, как сегодня сказали бы, «публикационная активность», но по всем им А. В. Карташев получает от современного исследователя баллы много ниже, чем те, которые поставили ему (очевидно, «лукавившие», как П. Н. Жукович) его бывшие преподаватели.

Если обратиться к оценкам кандидатских сочинений А. В. Карташевым, то следует отметить, что написание их студентами официально не предполагало «руководства» со стороны тех, кто предлагал темы, которые в соответствии с уставом 1884 года лишь утверждались ректором академии и самостоятельно разрабатывались выпускниками, хотевшими, получив кандидатскую степень, открыть тем самым себе дорогу для преподавания, по крайней мере в духовных семинариях или училищах. По свидетельству того же Г. И. Шавельского, преподаватели «одни более, другие менее» руководили написанием таких сочинений, а при выборе темы оканчивающие курс академии нередко предпочитали взять тему у того преподавателя, который был более снисходителен в своих оценках [10: 123]. Поэтому простое количественное сравнение оцененных учителем А. В. Карташева и им самим кандидатских сочинений едва ли даст адекватное представление об их заслугах в подготовке преимущественно будущих преподавателей средней духовной школы. К тому же более корректное сравнение можно было бы проводить при сопоставлении показателей на начальных стадиях преподавания того и другого. Наконец, принципиальность (или «скандальность» в представлении Д. А. Карпука) оценок А. В. Карташевым магистерских диссертаций и даже докторской, о чем было, конечно, известно и студентам, вполне могла стать причиной их опасений и нежелания брать темы у него и самим подвергаться строгой оценке.

Коль скоро речь зашла о «скандальной» оценке А. В. Карташевым докторской диссертации С. Г. Рункевича, то следует отметить, что «скандалистом» в данном случае являлся вовсе не начинающий ученый. В обстоятельном очерке ее обсуждения, написанном явно симпатизирующим своему персонажу Г. Э. Щегловым [11: 130–143], легко увидеть, что рецензировавший исследование по поручению ректора СПДА Сергия Страгородского начинающий историк, как и его патрон, не соглашался с апологетической оценкой введения синодального управления, представленной в работе чиновника Святейшего синода. Критические замечания А. В. Карташева заставили усомниться в качестве исследования многих коллег, в результате чего большинство профессорского совета СПДА высказалось за решение вернуть диссертацию на доработку. Однако симпатизировавший претенденту на докторскую степень профессор Т. В. Барсов и поддержавший его профессор А. П. Лопухин подали «особое мнение», в котором дезавуировали оценки А. В. Карташева. Опираясь на этот документ, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) передал дело на рассмотрение Святейшего синода, присвоившего своему секретарю С. Г. Рункевичу степень доктора церковной истории вопреки мнению большинства совета СПДА. Трудно сказать, насколько это повлияло на желание А. В. Карташева усердно заниматься собственным исследованием начального периода деятельности академии, также связанного с синодальным управлением, каноничность которого не должна была подвергаться сомнению, но его критическое отношение к нему уже наметилось в данное время.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Тезис Д. А. Карпука о пренебрежительном отношении А. В. Карташева к скрупулезной источниковедческой работе также требует коррек-

тировки в свете данных об участии начинающего исследователя в комиссии Н. К. Никольского, занимавшейся описью рукописей библиотеки академии[20]. Точнее будет указание на то, что по складу своего характера А. В. Карташев, очевидно, был больше склонен к написанию обобщающих работ, о чем свидетельствовали его первые публикации в двух летних номерах «Христианского чтения» за 1903 год.

Нетрудно заметить, что изучение развития церковной истории автор неразрывно связывал со светской историографией. Он был достаточно критичен по отношению к ее просветительскому направлению, представители которого видели в церкви и священниках противников просвещения народа и отличались утилитарным взглядом на религию как орудие реализации государственных интересов, а посему игнорировали церковную историю как самостоятельный предмет. Не менее критичен А. В. Карташев был и в отношении Святейшего синода, давшего негативный отзыв на предложение о печатании хронографов. Поэтому он обращался к произведению датчанина А. Б. Селлия, которое не было опубликовано, но, по мнению начинающего историка, сыграло свою роль в становлении историографии прошлого Русской церкви, дав основания для изучения истории ее иерархии. Однако более существенную роль в становлении церковной историографии он уделил отечественным исследователям, не упустив из виду, с одной стороны, общее влияние «екатерининского времени» на развитие исторического познания, а с другой – сложные перипетии и коллизии личных взаимоотношений и конкуренции, как это было в случае с преосвященным Евгением Болховитиновым и митрополитом Платоном. У автора «Краткой российской церковной истории» А. В. Карташев не только находил отдельные верные положения, но и позитивно оценивал критический подход и «дар исторического прозрения, способность схватывать причинный смысл давно минувших событий»[21]. Вместе с тем он отдал должное и митрополиту Евгению, продолжившему дело написания истории иерархии и давшему очерки «начальной истории христианства на Руси» и «западнорусской церкви до последнего времени»[22]. При этом А. В. Карташев демонстрировал знакомство не только с исследовательской литературой и опубликованными материалами, но и архивными источниками.

Выделяя в качестве характерной черты следующего этапа развития церковной историографии стремление создать ее целостную систему, начинающий исследователь справедливо скептически отнесся к «Начертанию церковной истории от начала до XVIII в.» Иннокентия (Смирнова), построение которой оказалось лишенным единства, механически раздробленного по отдельным столетиям и искусственно объединенного в отдельные, лишенные внутренней логики разделы. Не преминул при этом А. В. Карташев посетовать и на возможное негативное влияние на содержание книги «указаний сверху» и цензуры. Обращение к опубликованным на немецком языке работам Ф. К. Штраля, как и ранее – к А. Б. Селлию, свидетельствовало не только о хорошем владении им наряду с классическими и одним из новоевропейских языков, но и о том, что он не был склонен противопоставлять, а тем более принижать иноязычную литературу в сравнении с отечественной. Напротив, молодой русский историк позитивно оценил беспристрастность своего коллеги-католика, в то время как «приподнятый, панегирический тон» сочинения по истории российской церкви А. Н. Муравьева был подвергнут критике за то, что мешал утверждению беспристрастия и истины.

Во второй части статьи А. В. Карташев представил характеристику научной разработки церковной истории, начиная с пятитомного труда архиепископа Филарета. Важным мотивом для ее создания он считал конкуренцию с митрополитом Макарием, а среди сдерживающих факторов вновь указал на негативное влияние цензуры Святейшего синода. Общая оценка работы была положительной. «В первый раз здесь история русской церкви представлялась в стройном делении по периодам и предметам»[23], – отмечал начинающий ученый, воспринявший впоследствии и периодизацию, и деление «предметного поля». Но и недостатки не остались незамеченными: вполне понятные из-за вмешательства церковной цензуры упущения ряда вопросов синодального периода, который интересовал А. В. Карташева в исследовательском плане, как занимающегося историей академии в этот период. Наиболее существенным недостатком труда архиепископа им был назван взгляд «с официальной точки зрения», то есть «со стороны правительственных перемен и действий отдельных выдающихся личностей»[24]. Объясняя причину этого недостатка, молодой историк вновь помещал анализируемый труд в общее русло развития российской историографии, в которой еще не сформировалось окончательно представление о «внутренней истории». Но при этом им не упускались из виду особенности развития не только церковной, но шире – религиозной историографии, что проявилось в признании влияния на иерарха «формальной богословской школы», которое характеризовалось негативно, как схоластика. Следующее за этим критическое, по сути, указание на субъективизм Филарета «смазывалось»

утверждением, что эта черта характера автора делала ее пригодной для «назидательного чтения».

При рассмотрении условий появления монументального труда митрополита Макария молодой историк вновь отметил значение конкуренции между ним и митрополитом Филаретом. Показав процесс создания многотомника, он высоко оценил «Историю русской церкви», поставив ее значение вровень с тем, что имела «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева для историографии гражданской истории. И если в отношении первых томов А. В. Карташев был привычно критичен, то относительно последующих оценка его являлась однозначно положительной: «…во второй и большей своей половине "История" митрополита Макария по своей справедливости занимает в науке первенствующее положение труда, еще никем не превзойденного»[25]. Особо он отмечал единство критерия периодизации и его церковный характер – отношения «русской церкви к церкви восточной». Правда, проведению этого критерия в первый период он приписал нарушение его цельности, а затем и вовсе заявил об узости чисто церковного критерия. Следует отметить, что впоследствии, сам приступив к созданию обобщающих очерков по истории Русской церкви, А. В. Карташев будет использовать многомерный критерий, позволяющий объединить преимущества подходов митрополитов Филарета и Макария.

Завершая обзор анализом работ по церковной истории современных ему авторов, А. В. Карташев отмечал «догматический» и обобщающий характер учебных, по сути, книг П. В. Знаменского и А. П. Доброклонского. Не отрицая значения такого рода руководств и отмечая их достоинства, начинающий историк все же выделял на их фоне исследования по истории Русской церкви Е. Е. Глубоковского, сочетавшего строго-критический подход к источникам с творческим осмыслением и объяснением выявленных в результате активного поиска новых данных, что вело к их верному пониманию. Особо А. В. Карташев отмечал использование Е. Е. Глубоковским новейших для того времени методологических подходов – сравнительного изучения материала в сочетании с методом «ретроспекции». Вполне логичным на этом фоне был вывод о «имеющей явиться в будущем "философии истории русской церкви", для которой пока еще во всех отношениях не наступило время»[26], который свидетельствовал о серьезных намерениях молодого ученого.

Академия была школой жизни, школой становления. Однако весьма скоро А. В. Карташев понял, что в стенах духовной академии жизнь совсем иная, чем в окружающей действительности. Размышляя над судьбами светской и духовной культур, несколько позже он признает, что в академии господствовал аскетический идеал, весьма далекий от образцов, целей и стремлений светской культуры. Были в духовной школе и свои прекрасные, отточенные образцы образованного аскетизма, одним из которых ученый бесспорно признавал В. Д. Быстрова, впоследствии архиепископа Феофана. Встреча и разговор с ним были, несомненно, одними из самых важных событий в жизни молодого церковного исследователя. Как вспоминал сам Антон Владимирович:

«До встречи со студентом Быстровым мои учителя как-то невольно приучили меня видеть в богословии лишь книжную систему, усваиваемую головным путем и с большей или меньшей ловкостью применяемую в философских и практических целях. Помню, как после разговора с Василием Дмитриевичем об одной модной догматической теории, я сразу как-то оробел и почувствовал, что есть на свете люди, для которых догматы – живые субъективные созерцания, а разговор о них – повесть о своем психологическом опыте, что для таких людей святые отцы и вообще древняя церковная литература – живой, понятный источник, а не запечатанный археологический документ, как для остального богословствующего по профессии большинства»[27].

Однако взращиваемый в академии аскетический идеал имел и определенные специфические, в дальнейшем отрицательно характеризовавшиеся А. В. Карташевым последствия для формирования мировоззрения всех без исключения ее воспитанников. Главным негативным результатом господствовавшей церковно-академической системы воспитания и образования была полная оторванность студентов академии от проблем и достижений современной светской культуры. Поэтому знакомиться со светской культурой А. В. Карташеву пришлось совершенно в другой обстановке и в окружении других людей. Новым его кругом стали некоторые светские участники Религиозно-философских собраний в 1901–1903 годах. Это событие имело невероятно важное значение для судьбы А. В. Карташева, о чем свидетельствуют недавние исследования наших коллег [4], [7]. Но эта тема уже выходит за пределы данной статьи. Здесь же отметим, что активная публицистическая деятельность А. В. Карташева, острые выступления против пассивности Российской православной церкви в период нарастания революционных потрясений встретили негативное отношение со стороны Святейшего синода. Ректор СПДА Сергий Страгородский, будучи человеком тактичным и мягким, в частной беседе предложил А. В. Карташеву либо оставить публицистику, либо покинуть стены академии, считая невозможным сохранение прежнего положения вещей, при котором активный критик церковной иерархии находил-

ся бы на церковном попечении. В 1905 году заканчивался срок, который А. В. Карташев был обязан отработать в духовном ведомстве после обучения «на казенный кошт» в академии без бюрократических и финансовых осложнений, и он, после некоторых раздумий, покинул СПДА.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же дала академия А. В. Карташеву, несмотря на столь резкое расставание? Во-первых, запас специального богословского, философского, церковно-исторического знания, которым он пользовался всю свою дальнейшую длинную и неспокойную жизнь. Несмотря на то что он сетовал на его односторонность, на попытки восполнить естественные пробелы чуть ли не проходимым заново университетским курсом, это был его «неприкосновенный», ценнейший запас.

Во-вторых, это наблюдение над величайшими образцами служения науке и знанию, которым он стал следовать, ослабив свое прямое участие в политике в эмиграции. Бесспорно, он стал в эмиграции активным носителем и продолжателем той традиции, которую лицезрел в лучшие годы в СПДА.

В-третьих, все-таки в значительной степени именно академии он обязан многочисленным своим социальным, религиозным, культурным связям и кругам личного и интеллектуального общения. Именно она сделала его как достаточно заметным лицом в интеллектуальной панораме рубежа веков, так и глубоким экспертом внутренних церковных вопросов и проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Журналы заседаний совета С.-Петербургской духовной академии (далее – ЖЗС СПДА) за 1894–1895 уч. год (в извлечении). СПб., 1908. С. 17; Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1894 г. // Христианское чтение (далее – ХЧ). 1895. № 3–4. С. 346.
[2] Схожие чувства испытывали и другие выпускники СПДА – А. Л. Катанский [6: 90–92] и Г. И. Шавельский [10: 111], в разные годы приехавшие в Петербург.
[3] «Позвольте быть до обнаженности откровенным». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1950 г. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 287.
[4] Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. СПб., 1994. С. 10.
[5] Отчет… за 1894 г. С. 357–358.
[6] Отчет… за 1896 г. // ХЧ. 1897. № 3. С. 477.
[7] Сосуд избранный… С. 11.
[8] ЖЗС СПДА за 1896/97 уч. год. СПб., 1897. С. 228–229.
[9] ЖЗС СПДА за 1897/98 уч. год. СПб., 1899. С. 254.
[10] ЖЗС СПДА за 1898–1899 уч. год (в извлечении). СПб., 1905. С. 216–217.
[11] ЖЗС СПДА за 1899–1900 уч. год (в извлечении). СПб., 1902. С. 164.
[12] Архив Российской национальной библиотеки (далее – РНБ). Ф. 1. Оп. 1 (1906). Д. 60. Л. 3.
[13] Там же. Л. 4.
[14] ЖЗС СПДА за 1899–1900 уч. год. С. 169.
[15] ЖЗС СПДА за 1900–1901 уч. год. СПб., 1901. С. 10.
[16] Там же. С. 17.
[17] Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 4.
[18] Отчет… за 1901 г. // ХЧ. 1902. № 3. С. 372.
[19] Отчет… за 1902 г. // ХЧ. 1903. № 3. С. 509.
[20] Отчет… за 1901 г. С. 362–363.
[21] Карташев А. В. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // ХЧ. 1903. № 6. С. 913.
[22] Там же. С. 917.
[23] Карташев А. В. Указ. соч. // ХЧ. 1903. № 7. С. 78.
[24] Там же. С. 79.
[25] Там же. С. 85.
[26] Там же. С. 93.
[27] Рукописный отдел РНБ. Ф. 322. Д. 27. Л. 20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. Историографический обзор жизни и творчества А. В. Карташева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 26–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.327
2. Веритинов Н. В старой академии: Из воспоминаний // Возрождение. 1956. Февраль. Тетр. 50. С. 121–134.
3. Веритинов Н. В старой академии: Из воспоминаний // Возрождение. 1960. Октябрь. Тетр. 106. С. 107–112.
4. Воронцова И. В. А. В. Карташев и «неохристианство»: интеллектуальная биография историка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 65–71.
5. Карпук Д. А. Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX–XX вв. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 175–218.
6. Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора с 1847 по 1913 гг. Н. Новгород, 2010. 432 с.

7. Мейендорф И. А. В. Карташев – общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 169–173.
8. Тищенко С. А. Историография жизни А. В. Карташева (1875–1960): историк, политик и педагог в научной литературе // Труды Воронежской духовной семинарии. 2019. № 11. С. 87–96.
9. Тищенко С. А. Участие А. В. Карташева в работе Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 352–378.
10. Шавельский Г. И. В школе и на службе. Воспоминания. М.; Брюссель, 2016. 815 с.
11. Щеглов Г. Э. Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924): Жизнь и служение на переломе эпох. Минск: ВРАТА, 2008. 436 с.

Поступила в редакцию 21.06.2022, принята к публикации 22.08.2022

Original article

Alexander V. Antoshchenko, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru
Sergey P. Bychkov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-1649-758X; spbychkov@mail.ru

ANTON KARTASHEV AT ST. PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Abstract. The purpose of the article is to determine how studying at St. Petersburg Theological Academy and his early teaching years at the same educational institution affected the development of a famous church historian A. V. Kartashev. Using the methods elaborated by the researchers of intellectual biographies and drawing on archival and published sources, the authors address the problems of reconstructing and evaluating educational practices at St. Petersburg Theological Academy. The most important aspects of the early stage of Anton Kartashev's biography were the processes of formation of his spiritual, intellectual, and scholarly image, the manifestation and consolidation of the features of this image in his first works on church historiography and in his teaching and research activities at the Academy. The authors give a comprehensive overview of all the types of Kartashev's activities, show a high assessment of their results by his senior colleagues, and pay special attention to his participation in religious enlightenment activities. The novelty of the approach to the studied documents lies in reconstructing the intellectual biography of the young historian using the principles of communicative analysis, with Kartashev being the main subject of communication. The process of his communication with other people is viewed not just as his personal manifestation/expression, but as the formation/transformation of his personality in the interaction with his teachers, colleagues, and students. The authors reassess the "scandal" during the defense of S. G. Runkevich's doctoral dissertation, allegedly arranged by Kartashev, characterize the perception of his teaching style by students, and present a detailed analysis of the first publication of the novice historian. The research results speak against the recent desire of some researchers to belittle the significance of Kartashev's activities within the walls of the Academy.

Keywords: St. Petersburg Theological Academy, educational practices, historiography of Russian church history, A. V. Kartashev, S. G. Runkevich

For citation: Antoshchenko, A. V., Bychkov, S. P. Anton Kartashev at St. Petersburg Theological Academy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):24–32. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.804

REFERENCES

1. Antoshchenko, A. V. Historiographical review of the studies on the life and work of A. V. Kartashev. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2019;4(181):26–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.327 (In Russ.)
2. Veritinov, N. At the old academy: From the memories. *Renaissance.* 1956;50:121–134. (In Russ.)
3. Veritinov, N. At the old academy: From the memories. *Renaissance.* 1960;106:107–112. (In Russ.)
4. Vorontsova, I. V. Anton Kartashev and "neo-Christianity": the intellectual biography of the historian. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2019;8(185):65–71. (In Russ.)
5. Karpuk, D. A. The Department of Russian Church History at the St. Petersburg Theological Academy at the turn of the 20th century. *Christian Reading.* 2015;5:175–218. (In Russ.)
6. Katansky, A. L. Memoirs of an old professor from 1847 to 1913. Nizhny Novgorod, 2010. 432 p. (In Russ.)
7. Meyendorff, I. A. V. Kartashev – a public figure and a church historian. *Topics in the Study of History.* 1991;1:169–173. (In Russ.)
8. Tishchenko, S. A. Historiography of the life of A. V. Kartashev (1875–1960): historian, politician, and teacher in academic literature. *Proceedings of Voronezh Theological Seminary.* 2019;11: 87–96. (In Russ.)
9. Tishchenko, S. A. A. V. Kartashev's participation in the work of the religious and philosophical meetings (1901–1903). *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary.* 2021;36:352–378. (In Russ.)
10. Shavelsky, G. I. At school and in service. Memories. Moscow; Brussels, 2016. 815 p. (In Russ.)
11. Shcheglov, G. E. Stepan Grigoryevich Runkevich (1867–1924): Life and ministry at the turn of epochs. Minsk, 2008. 436 p. (In Russ.)

Received: 21 June, 2022; accepted: 22 August, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 33–41 **2022**

Обзорная статья **Историография, источниковедение, методы исторического исследования**
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.805
УДК 930(002.2)

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ БАЗАНОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры медиалогии и литературы библиотечно-информационного факультета
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9634-9068; bazanovpn@list.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ФИНЛЯНДИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Впервые представлен аналитический обзор научных работ, посвященных истории издательского дела русской эмиграции в Финляндии межвоенного периода. Ранее данная тема не была предметом специального изучения. В научный оборот вводятся статьи из малодоступных российскому читателю изданий. Задачи исследования: дать обзор существующих публикаций по данной теме, обосновать их роль и значение в развитии отечественного эмигрантоведения. Показаны основные направления исследований, недостатки и неисследованные темы в изучении истории книжного дела русской эмиграции в Финляндии. Большинство исследований посвящено изучению «столичной» печати и прессы (Хельсинки), а не «провинциальной» (другие населенные пункты Финляндии). Выявлены авторы, работающие над данной проблематикой, проанализированы их основные публикации, достоинства и недостатки научных работ, в которых упоминается изучаемая тема. Доказывается тенденциозность авторов. Ставится вопрос о новых перспективных темах и направлениях для изучения.

Ключевые слова: историография, издательское дело, русская эмиграция, Финляндия, Карелия, Выборг, Хельсинки

Для цитирования: Базанов П. Н. Современные исследования издательского дела русской эмиграции в Финляндии межвоенного периода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 33–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.805

ВВЕДЕНИЕ

Русское зарубежье – уникальный феномен мировой и русской культуры XX века. После предоставления независимости Великому княжеству Финляндскому в декабре 1917 года в составе нового государства оказались русские и карельские земли, переданные из Российской империи в XIX веке. В Финляндию межвоенного периода входили несколько населенных пунктов Карельского перешейка, которые ныне находятся на территории, подчиненной г. Санкт-Петербургу (Солнечное – Оллила, Репино – Куоккала, Комарово – Келломяки, Зеленогорск – Териоки и др.). Из других территорий Карельского перешейка Ленинградской области русское зарубежье занимало современные Выборгский и Приозерский районы. Перешедшие в состав СССР по Московскому мирному договору 1940 года территория Карельского перешейка с г. Выборгом (фин. Виипури), западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм (ныне Приозерск), Сортавала (до 1918 года – Сердоболь) и Суоярви, а также г. Куолаярви (ныне поселок) и части полуостровов Рыбачий и Средний в рассматриваемое время принадлежали Финляндии. Особенно нужно подчеркнуть значение в истории русского зарубежья Валаамского монастыря.

Русская диаспора в межвоенной Финляндии имела значительные особенности, отличавшие ее от других стран русского зарубежья. Первая категория русских в Финляндии – классические эмигранты, это политические беженцы, приехавшие после 1917 года главным образом с территории собственно Российской империи (Хельсинки и Выборг). Далее выделим русское население Великого княжества Финляндского, имевшее паспорта этого государственного образования до 1917 года. Часто в современных эмигрантоведческих исследованиях забывают о православном карельском (русскоязычном или двуязычном) населении, которое тоже относило себя к русскому зарубежью. Последняя категория – «дачники». В начале XX века начался дачный бум – массовое строительство загородных резиденций на Карельском перешейке. После Октябрьской революции 1917 года многие дачники побоялись возвращаться в Советскую Россию и остались жить в уже независимой Финляндии.

© Базанов П. Н., 2022

Все эти обстоятельства привели к своеобразию издательского дела русской эмиграции и должны учитываться при рассмотрении историографии его изучения.

Основной массив документов о русской эмиграции в Финляндии закономерно находится в финских архивах, хотя уникальными материалами обладают Государственный архив Российской Федерации, Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге и архивы ФСБ. В них менее отражена информация о культурной и общественно-политической жизни православного карельского населения русского зарубежья. Вместе с тем обратим внимание, что в Архиве Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына, в фонде 002 «Общая канцелярия Великого князя Николая Николаевича», есть письма к начальнику его канцелярии, последнему ярославскому губернатору князю Николаю Леонидовичу Оболенскому (1878–1960) от лидера православных карел-монархистов (проживавших в деревнях восточного побережья Ладожского озера) полковника Егерского полка Андрея Ивановича Иевреинова[1].

В культуре русского зарубежья традиционно выделяют культурные центры – столицы, к которым относят Берлин и Париж, а после 1945 года – Нью-Йорк. В изучении издательского дела многие исследователи даже выделяют особые периоды – «берлинский» (1919–1924) и «парижский» (1925–1940). «Столичному» издательскому делу противопоставляется «провинциальное». Но могли существовать и региональные центры – столица или крупный город страны, где жили русские эмигранты. Выделим среди таких центров Белград, Софию, Харбин, Шанхай для первой волны эмиграции, а также Мюнхен и Буэнос-Айрес – для периода послевоенной эмиграции. «Провинциальное» книжное дело русского зарубежья, как правило, было представлено одним большим издательством в столице страны и несколькими мелкими или отдельными книгами и брошюрами, выходившими вне издательских организаций.

В современной историографии при изучении культурной жизни русской эмиграции основное внимание уделяется особенностям перемещения диаспор из одной европейской столицы в другую или за пределы Европы. При изучении эмигрантской прессы и книжного дела сложилась устойчивая традиция сосредотачиваться на столичных городах. Вместе с тем в отношении Финляндии следует отметить совершенно иную картину.

Издательское дело русской эмиграции 1918–1939 годов в Финляндии было провинциальным, а не столичным. По сравнению с Парижем и Берлином местная русская диаспора печатала значительно меньше книг, брошюр и периодики, у́же был тематический диапазон публикаций. Во многих государствах, где нашли приют беженцы из советской России, подавляющая часть печатной продукции выпускалась в одном городе. В Аргентине, например, все русские издания печатались только в столице – Буэнос-Айресе [31]. Особенностью Финляндии было издание книг в нескольких городах (два книжных центра – Хельсинки (Гельсингфорс) и Выборг) и даже в небольших поселках, где жили русские эмигранты. При этом типографии, выполнявшие заказы на печать изданий, могли находиться даже за пределами Финляндии. Так, многие валаамские издания реально выходили в Сортавале (Сердоболе), но не всегда этот факт отражался на титульных листах. Единственным крупным издательством в Финляндии был издательский дом «Библион».

ФИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Издательская деятельность русской эмиграции в Финляндии в период первой волны – малоизученная тема. Первопроходцем в разработке этой темы был финляндский исследователь, доктор лингвистики, профессор Хельсинкского университета Бен Хеллман, опубликовавший на английском языке статью о гельсингфорсском издательском доме «Библион» [50], [51], где также упоминается издательство «Фундамент». Поэтому многие исследователи концентрируют свое внимание именно на этих издательствах 1920-х годов. Он же в соавторстве с Юханом Челлбергом составил указатель «Библиография русской литературы, изданной в Финляндии, 1817–1972» [52], на котором основываются почти все историко-книговедческие работы. Отметим и более позднюю статью Б. Хеллмана «Русская печать в Финляндии» [43]. Подчеркнем значение непревзойденного справочника «Распространение русской печати в мире, 1918–1939 гг.» американского библиографа Войцеха Залевского и кандидата филологических наук, научного сотрудника Российской национальной библиотеки Евгения Александровича Голлербаха [20]. В нем указано 25 русских книжных магазинов в городах и поселках Финляндии, хотя на самом деле их было больше. Выделим и интересную газетную статью финского исследователя Эдуарда Хямяляйнена «Выборг – город печатного слова» о периодике, публицистах и журналистах [44].

В работах финских ученых, посвященных истории русской диаспоры в Финляндии, есть упоминания о русских издательствах и периодике. Характерна в этом отношении совместная монография доктора философии, филолога, профессора Натальи Владимировны Башмаковой и доктора философии, лингвиста, профессора Марьи Лейнонен (1946–2019) «Russian life in Finland 1917–1939: A local and oral history» ([47], см. также [12]). Финский исследователь Юлитта Суомела еще в 2001 году в монографии «Зарубежная Россия: Идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской эмигрантской прессы в 1918–1940 гг.» (переведена на русский язык в 2004 году) [38] дала краткий обзор прессы русской диаспоры в Финляндии, сосредоточившись только на русских газетах в Хельсинки [38: 62–72]. Есть краткие упоминания о русской печати в Финляндии в книге финского исследователя Пекки Невалайнена «Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939)» в разделе «От “Голоса русской колонии” до “Тоукомиес”» [34: 287–291].

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В России первой к разработке данной темы обратилась старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН Лариса Аркадьевна Еськина. Сначала она опубликовала обзорные статьи о русских издательствах в Финляндии для энциклопедии «Книга» [16], [18] и для второго тома «Литературной энциклопедии русского зарубежья» [19]. Л. А. Еськина – один из немногих авторов, кто рассмотрел деятельность русских эмигрантов не только в столице Финляндии, но и в других населенных пунктах:

«За первые два года независимости страны (Финляндии. – *П. Б.*) в Гельсингфорсе, Выборге, Териоках и Борго вышло 20 изданий; их подготовили частные лица: литератор из Териок полковник Тимофей Бунякин, художник из Куоккалы Илья Репин, предприниматель А. Минкович из Выборга, литераторы К. Самсонов из Келломяк и А. Янсон из Каннельярви. Свыше 50 книг было издано в Выборге, Териоках, Каннельярви, Борго, Келломяки, Оллила, Капгасале как частными издательствами, так и различными обществами, в том числе монастырским Братством преподобных Сергия и Германа в Сердоболе и Библейским обществом в Сортавале» [19: 483].

В другой статье Л. А. Еськина сообщает, что

«в довоенный период книги на русском языке издавались в Выборге (русским обществом “Взаимопомощь”; русским журналом “Христианский поборник”, 1920–1922), в Сердоболе (Обществом внутренней миссии Финской лютеранской церкви, Братством преподобных Сергия и Германа, *Минтульским* (выделено мною. – *П. Б.*) Свято-Троицким женским монастырем), в Териоках (Т. В. Бунякин), в Тампере (Обществом улучшения пород западно-финского скота), в Каннельярви (издательством А. И. Янсона), в Борго (издательством В. Седерстрема), в Келломяках (издательством К. В. Самсонова), в Куоккале (издателем И. Е. Репиным), в Сортавале (издательством Библейского общества) и в других городах» [18: 574].

Как это иногда бывает с московскими исследователями, плохо представляющими географию Северо-Запада России и Карелии, Л. А. Еськина сделала классическую ошибку: Сердоболь и Сортавала – это один и тот же город. Никогда не было и Минтульского Свято-Троицкого женского монастыря, а был и вновь существует Линтульский Свято-Троицкий женский монастырь (от Линтула, ныне Корабельная Роща, под Рощино Ленинградской области). Кроме того, И. Е. Репин в Куоккале ничего не издавал, Л. А. Еськина перепутала его с сыном – Юрием Ильичом. С большой натяжкой можно назвать литераторами протестантского проповедника С. К. Самсонова (а не К. В., кстати) и монархиста А. И. Янсона. Единственной книгой, к которой имел отношение полковник Тимофей Васильевич Бунякин (1858–1925), был маленький рассказ «Финские дети» (9 с.), напечатанный в Гельсингфорсе в 1918 году с иллюстрациями и наклейками под псевдонимом «Дядя Тим» [52: 11]. Обзорные публикации Л. А. Еськина преобразовала в новую статью «Русское книгоиздание в Гельсингфорсе в 1918–1939 гг.» [17], в которой освещаются главным образом издательства «Фундамент» и «Библион» и дан краткий тематический список основных книг, вышедших в Финляндии.

Определенным прорывом в изучении темы стал капитальный труд кандидата филологических наук Александра Генриховича Тимофеева «Редакционная переписка “Журнала Содружества” за 1932–1936 гг., с приложением Полной росписи журнала: Из истории русской эмиграции в независимой Финляндии» [35]. В нем представлена панорама литературно-издательской деятельности, есть и упоминания о выборгских брошюрах. Предшествовала этой книге статья «Из истории русской печати в Финляндии. “Журнал Содружества”: начало пути (1933–1934)» [21]. А. Г. Тимофеев смог выявить издания, отсутствующие в указателе Б. Хеллмана – Ю. Челлберга. Об этом повествуют его статьи «О неизвестных брошюрах, изданных в Финляндии» [41], которые были обнаружены в Ленинградском областном государственном архиве в Выборге, и «Неучтенная брошюра “Устав Общества Русская колония в Финляндии” (1918) в архиве Е. А. Ляцкого» [40], найденная в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Исследователь

интересовался проблемами распространения периодических изданий и сохранности книжных коллекций. Так, в статье «Распространение русской печати в приграничной Финляндии (по материалам архива “Журнала Содружества” за 1933–1934 годы)» речь идет о журнале, который он сравнивает с выборгским «Кличем» [42]. В статье «“Зимняя” война как источник пополнения фондов Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина» [39] он дал список всех выявленных книг с печатями выборгских библиотек и попытался раскрыть пути их приобретения.

Старший научный сотрудник Выборгского объединенного музея-заповедника Любовь Геннадьевна Волкова дополнила данные А. Г. Тимофеева в статье «Книги с печатями довоенных библиотек и учреждений г. Выборга» [13].

Редактор журнала «Иные берега» (г. Хельсинки), доцент Ульяновского государственного технического университета, кандидат филологических наук Марина Евгеньевна Крошнева регулярно публикует статьи о русской книге в Финляндии в XIX–XX веках. Среди них можно назвать следующие: «Издательская и публицистическая деятельность русских организаций в Финляндии в первые годы эмиграции» [22], «Книжная культура Русского Зарубежья. Издание произведений Ивана Савина» [24], «Тенденции книгопечатания русской литературы в Финляндии 1808–1930-х гг.» [30], «Русская книга в Финляндии в 1917–1924 гг.: динамика и тематика изданий» [28], «Проблемы появления русской печати в Финляндии» [27], «Истоки русской печати в Финляндии» [23], «Русская печать между двумя мировыми войнами» [29], «Кризис русского книгоиздания в Финляндии в 1925–1939 гг.» [25], «Предприятие, “изящно издающее достойные книги...”» [26] (о «Библионе»). Из названий статей видно, что история русской книги в Финляндии рассматривается в хронологическом порядке с начала XIX века до 1939 года. Ценность данных публикаций снижается из-за того, что автор использует фактический материал только из указателя Б. Хеллмана и Ю. Челлберга. Фактические ее статьи – это перечисление названий книг без тематико-типологического анализа. Игнорирование архивных материалов приводит к значительному сужению фактографической базы, в результате недостаточно внимания уделяется внутренней истории издательств, причинам выхода тех или иных изданий, специфике реализации планов и проектов, тиражам, особенностям оформления книг и периодических изданий. Нет ссылок на работы предшественников, кроме Б. Хеллмана и одной статьи П. Н. Базанова. Почти нет сведений о русской книге и периодике, издававшихся на Карельском перешейке и на территории Карелии.

Косвенно к теме исследования относится статья выборгского краеведа, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Выборгского объединенного музея-заповедника Юлии Игоревны Мошник «Периодическая печать Выборга в 1918–1940 гг.» [32], где дан обзор финских газет и журналов, а из эмигрантских изданий упоминается только «Журнал Содружества», зато есть список всех выборгских типографий.

Петербургский краевед, кандидат филологических наук Сергей Евгеньевич Глезеров в работе над кандидатской диссертацией «Издательская деятельность на территориях антибольшевистских правительств Северо-Запада России в период Гражданской войны 1918–1920 гг.» (СПб., 2001) выявил несколько неизвестных брошюр, изданных в 1919 году в Териоках (Зеленогорске) и Выборге, авторы которых ориентировались на Северо-Западную армию генерала Н. Н. Юденича.

Специалист по истории детского книжного дела русского зарубежья кандидат филологических наук, сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) Анна Андреевна Димяненко написала оригинальную статью «Русская детская книга в Финляндии (1917–1940 гг.)» [14]. В ней впервые представлен тематико-типологический анализ детского книгоиздания в этот период.

Кандидат исторических наук Максим Сергеевич Соловьев посвятил специальную статью проникновению через границу в СССР из Финляндии книг, брошюр и листовок: «Доставка и распространение в советской России агитационных материалов русских правых организаций в Прибалтике и Финляндии (1920 – начало 1930-х гг.)» [37]. Эту же тему он развил в монографии «“Дольше года мы ждать не можем…” (Деятельность Организации Великого князя Николая Николаевича, Русского общевоинского союза, Братства Русской правды на Северо-Западе Советской России, в Прибалтике и Финляндии в 1920-х – начале 1930-х гг.)» [36].

Упоминания об издательской деятельности в Финляндии литературоведа Евгения Александровича Ляцкого (1868–1942) есть в работах историка книги доктора филологических наук, профессора Инги Александровны Шомраковой (1931–2022). Это статьи о его начальном периоде эмиграции: «Е. А. Ляцкий – издатель Русско-

го Зарубежья (по архивным материалам)» [45] и «“Северные огни” – издательство Русского Зарубежья и его создатель Е. А. Ляцкий (по архивным материалам)» [46].

В монографии «Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.)» [33: 298–299, 307–310] доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН Вадима Ибрагимовича Мусаева упоминаются журнал «Клич», издательства «Фундамент», «Библион» и другие периодические издания русской эмиграции.

В современной историографии нет даже кратких обзоров или упоминаний об издательской деятельности русской диаспоры в Финляндии после 1945 года. Единственное исключение составляет статья доктора философских наук, профессора Александра Александровича Ермичева «О неизвестном письме Н. О. Лосского и об одном несостоявшемся религиозно-философском журнале русского зарубежья» о журнале «Лоэнгрин» (г. Хельсинки) [15], имеющая историко-философскую направленность.

С начала 2000-х годов русское книгоиздание и книгораспространение в межвоенной Финляндии исследуются доктором исторических наук, профессором П. Н. Базановым. Его публикации по данной тематике можно разделить на несколько направлений. Прежде всего это издательская и книгораспространительская деятельность политических партий русской эмиграции, которая детально рассматривается в двух изданиях монографии «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.)» [2], [3]. В книге «Братство Русской правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья» [1] отдельный сюжет представляют изучение выборгского журнала «Клич» и судьба его фактического редактора Северина Цезаревича Добровольского (1881–1946) [4], [9], [11], [48]. Книжное дело русских эмигрантов на Карельском перешейке упоминается в статьях, посвященных быту и культуре поселка Келломяки (Комарово) [5], [7]. Последний сюжет был детализирован в статьях «Русская книга на Карельском перешейке в Финляндии в 1918–1939 гг.» и «Книжное и издательское дело русского зарубежья в Выборге в 1920–1930 гг.» (соавторы – Е. В. Петров и Э. Эконен) [6], [10]. Все эти направления были объединены, переработаны и дополнены в монографии «Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.)» [8]. Данные работы были написаны с привлечением большого количества неопубликованных материалов из американских и российских архивов. Большинство изданий русской эмиграции, напечатанных в Финляндии, были визуально выявлены в Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке, Библиотеке РАН, Национальной библиотеке Финляндии и Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение издательского дела первой волны русской эмиграции в Финляндии за последние 30 лет полноценно развивается в отечественном эмигрантоведении. Характерен интерес к издательствам (особенно к «Библиону») и периодике г. Хельсинки. Практически нет публикаций о «финской провинции» русского зарубежья. Также нет исследований, посвященных издательствам и периодике русской диаспоры в Финляндии после 1945 года. Перспективной темой является изучение книжного дела русской эмиграции на территории современной Республики Карелия, особенно на Валааме и в Сортавале.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 002. Оп. 2. Картон 8. Ед. хр. 66. 23 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов П. Н. Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013. 420 с.
2. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2004. 430 с.
3. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. 468 с.
4. Базанов П. Н. Карельский перешеек – маршрут доставки эмигрантских изданий: (На примере Братства Русской Правды) // Печать и слово Санкт-Петербурга: (Сб. науч. тр.). Ч. 1: Книжное дело. Культурология. СПб., 2012. С. 75–81.
5. Базанов П. Н. Келломяки (Комарово) в эмигрантский период и культурная жизнь Русского Зарубежья // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3 (8). С. 160–165.

6. Базанов П. Н., Петров Е. В., Эконен Э. Книжное и издательское дело русского зарубежья в Выборге в 1920–1930 гг. // Историк, документ, цензура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики: Сб. ст. СПб.; Брянск, 2015. С. 108–119.
7. Базанов П. Н. Культура провинции Русского Зарубежья (поселок Келломяки, нынешнее Комарово) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 4. С. 196–205.
8. Базанов П. Н. Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2015. 183 с.
9. Базанов П. Н. Прокурор и рука с рупором: Сын Цезаря, русский фашист // Родина. 2009. № 4. С. 84–87.
10. Базанов П. Н. Русская книга на Карельском перешейке в Финляндии в 1918–1939 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 74–81.
11. Базанов П. Н. Северин Добровольский и его журнал «Клич» // Российское Зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. СПб., 2004. С. 84–95.
12. Башмакова Н. «Мы говорим на разных языках»: Из литературной жизни русских в Финляндии в межвоенные годы // Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена. Хельсинки, 1992. С. 171–173. (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III).
13. Волкова Л. Г. Книги с печатями довоенных библиотек и учреждений г. Выборга // Страницы выборгской истории. Выборг, 2020. Кн. 4. С. 332–361.
14. Димяненко А. А. Русская детская книга в Финляндии (1917–1940 гг.) // Библиотековедение. 2016. № 65 (3). С. 294–299. DOI: 10.25281/0869-608X-2016-65-3-294–299
15. Ермичев А. А. О неизвестном письме Н. О. Лосского и об одном несостоявшемся религиозно-философском журнале русского зарубежья // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 98–108.
16. Еськина Л. А. Библион // Книга: Энциклопедия. М., 1999. С. 78.
17. Еськина Л. А. Русское книгоиздание в Гельсингфорсе в 1918–1939 гг. // Мир библиографии. 2000. № 1. С. 61–66.
18. Еськина Л. А. Финляндия // Книга: Энциклопедия. М., 1999. С. 574.
19. Еськина Л. А. Финские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. II. М., 2000. С. 483–485.
20. Залевский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире, 1918–1939 гг.: Справочник. СПб., 1998. 301 с.
21. Из истории русской печати в Финляндии. «Журнал Содружества»: начало пути (1933–1934) / Вступ. ст. и публ. А. Г. Тимофеева и К. Трибла // Русская литература. 2000. № 1. С. 190–245.
22. Крошнева М. Е. Издательская и публицистическая деятельность русских организаций в Финляндии в первые годы эмиграции // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности. М., 2008. С. 109–202.
23. Крошнева М. Е. Истоки русской печати в Финляндии // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 2 (4). С. 188–192.
24. Крошнева М. Е. Книжная культура Русского Зарубежья: Издание произведений Ивана Савина // Наука о книге. Традиции и новации. Ч. 1. М., 2009. С. 479–481.
25. Крошнева М. Е. Кризис русского книгоиздания в Финляндии в 1925–1939 гг. // Современный ученый. 2017. № 7. С. 189–192.
26. Крошнева М. Е. Предприятие, «изящно издающее достойные книги...» // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2021. Т. 31, № 3. С. 564–570.
27. Крошнева М. Е. Проблемы появления русской печати в Финляндии // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2013. № 3. С. 14–16.
28. Крошнева М. Е. Русская книга в Финляндии в 1917–1924 гг.: динамика и тематика изданий // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2011. № 3. С. 107–113.
29. Крошнева М. Е. Русская печать между двумя мировыми войнами // Книга в информационном обществе. Ч. 1. М., 2014. С. 56–58.
30. Крошнева М. Е. Тенденции книгопечатания русской литературы в Финляндии 1808–1930-х гг. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2010. № 5. С. 144–150.
31. Кублицкая М. А. Русские книги, изданные в Аргентине. XX век. М.: Старая Басманная, 2013. 310 с.
32. Мошник Ю. И. Периодическая печать Выборга в 1918–1940 гг. // Страницы выборгской истории. Выборг, 2004. Кн. 2. С. 407–422.
33. Мусаев В. И. Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. 484 с.
34. Невалайнен П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журн. «Нева», 2003. 368 с.
35. Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932–1936 гг., с приложением Полной росписи журнала: Из истории русской эмиграции в независимой Финляндии / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. Г. Тимофеева. СПб.: Міръ, 2010. 1008 с.
36. Соловьев М. С. «Дольше года мы ждать не можем…» (Деятельность Организации Великого князя Николая Николаевича, Русского общевоинского союза, Братства Русской правды на Северо-Западе Советской России, в Прибалтике и Финляндии в 1920-х – начале 1930-х гг.) / М-во просвещения РФ; СПбГУ. СПб., 2008. 120 с.

37. Соловьев М. С. Доставка и распространение в советской России агитационных материалов русских правых организаций в Прибалтике и Финляндии (1920 – начало 1930-х гг.) // XX век. Две России – одна культура: Сб. науч. ст. по материалам 14-х Смирдинских чтений. СПб., 2006. С. 155–162.
38. Суомела Ю. Зарубежная Россия: Идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб.: Коло, 2004. 352 с.
39. Тимофеев А. Г. «Зимняя» война как источник пополнения фондов Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина // Деятели книги: М. Н. Куфаев (1888–1948): Сб. науч. тр. по материалам 15-х Смирдинских чтений. СПб., 2010. С. 252–263.
40. Тимофеев А. Г. Неучтенная брошюра «Устав Общества Русская колония в Финляндии» (1918) в архиве Е. А. Ляцкого // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010. С. 486–495.
41. Тимофеев А. Г. О неизвестных брошюрах, изданных в Финляндии // Русская литература. 2008. № 4. С. 207–213.
42. Тимофеев А. Г. Распространение русской печати в приграничной Финляндии (по материалам архива «Журнала Содружества» за 1933–1934 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, № 2. С. 158–162.
43. Хеллман Б. Русская печать в Финляндии // Библиография и книговедение. 2016. № 4. С. 126–132.
44. Хямяляйнен Э. Выборг – город печатного слова // Русская мысль. Париж, 2001. 19/25 июля, № 4373. С. 12.
45. Шомракова И. А. Е. А. Ляцкий – издатель Русского Зарубежья (по архивным материалам) // Книга. Исследования и материалы. М., 2002. Сб. 80. С. 346–364.
46. Шомракова И. А. «Северные огни» – издательство Русского Зарубежья и его создатель Е. А. Ляцкий (по архивным материалам) // Книга. Культура. Общества. СПб., 2002. С. 179–186.
47. Baschmakoff N., Leinonen M. Russian life in Finland 1917–1939: A local and oral history. Helsinki, 2001. 485 p. (Studia Slavica Finlandensia; Vol. 18).
48. Bazanov P. Kenraalimajuri Severin Tsezarevits Dobrovolski // Sotavangit ja internoidut / Kansallisarkiston artikkelikirja; Toim. L. Westerlund. Helsenki, 2008. S. 556–567.
49. Hellman B. Biblion: A Russian publishing house in Finland // Studia Slavica Finlandensia. 1985. T. 2. S. 1–48.
50. Hellman B. Biblion: A Russian publishing house in Finland // Hellman B. Meetings and clashes: Articles on Russian literature. Helsinki, 2009. С. 175–198.
51. Hellman B., Kjellberg J. Библиография русской литературы, изданной в Финляндии, 1817–1972. Helsinki, 1988. 96 с. (Publications of the Helsinki University Library; 52).

Поступила в редакцию 11.07.2022; принята к публикации 22.08.2022

Review article

Petr N. Bazanov, Dr. Sc. (History), Professor, St. Petersburg State Institute of Culture (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9634-9068; bazanovpn@list.ru

RECENT STUDIES OF RUSSIAN EMIGRANTS' PUBLISHING BUSINESS IN INTERWAR FINLAND

Abstract. The paper presents the first-of-its-kind analytical review of research works addressing the history of the Russian émigré publishing business in interwar Finland. This topic has not been specifically studied before. The articles introduced into scientific circulation were derived from the publications practically inaccessible to Russian readers. The study objectives are to provide a review of existing publications on this topic and to substantiate their role and significance in the development of national emigration studies. The author reveals the main directions of research, as well as some shortcomings and blank spots in the study of the history of the Russian emigrants' publishing business in Finland. It is shown that most of the studies deal with the "metropolitan" press and the publishing houses of Russian emigrants (in Helsinki), and not the "provincial" ones (in other towns of Finland). The paper gives a comprehensive analysis of the key works of the authors studying this issue, establishes their advantages and pitfalls proving the biased nature of the existing research, and raises the question about new promising topics and directions for study.

Keywords: historiography, book publishing, Russian emigration, Finland, Karelia, Vyborg, Helsinki

For citation: Bazanov, P. N. Recent studies of Russian emigrants' publishing business in interwar Finland. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(6):33–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.805

REFERENCES

1. Bazanov, P. N. The Brotherhood of Russian Truth, the most mysterious organization of the Russian émigré community. Moscow, 2013. 420 p. (In Russ.)
2. Bazanov, P. N. Publishing activities of the Russian émigré political organizations (1917–1988). St. Petersburg, 2004. 430 p. (In Russ.)

3. Bazanov, P. N. Publishing activities of the Russian émigré political organizations (1917–1988). 2nd ed. St. Petersburg, 2008. 468 p. (In Russ.)
4. Bazanov, P. N. The Karelian Isthmus – a route for the delivery of emigrants' publications: (the case of the Brotherhood of Russian Truth). *Press and word of St. Petersburg: (Collection of research papers). Part 1: Publishing business. Culturology.* St. Petersburg, 2012. P. 75–81. (In Russ.)
5. Bazanov, P. N. Kellomyaki (Komarovo) in the period of the emigre russian cultural life and abroad. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture.* 2011;3:160–165. (In Russ.)
6. Bazanov, P. N., Petrov, E. V., Ekonen, E. Book and publishing business of the Russian diaspora in Vyborg in 1920–1930. *Historian, document, censorship. Source study and historiographical aspects of studying the history of Russian and foreign periodicals: Collection of research papers*. Petersburg; Bryansk, 2015. P. 108–119. (In Russ.)
7. Bazanov, P. N. The culture of the Russian abroad (the Kellomyaki village, today Komarovo). *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities.* 2012;13(4):196–205. (In Russ.)
8. Bazanov, P. N. Essays on the history of Russian emigration on the Karelian Isthmus (1917–1939). St. Petersburg, 2015. 183 p. (In Russ.)
9. Bazanov, P. N. Prosecutor and a hand with a mouthpiece: Caesar's son, Russian fascist. *Rodina.* 2009;4:84–87. (In Russ.)
10. Bazanov, P. N. Russian book on the Karelian Isthmus in Finland in 1918–1939. *Bulletin Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture.* 2014;2(19):74–81. (In Russ.)
11. Bazanov, P. N. Severin Dobrovolsky and his magazine called *Klich* (*Cry*). *Russian diaspora in Finland between the two world wars.* St. Petersburg, 2004. P. 84–95. (In Russ.)
12. Bashmakova, N. "We speak different languages": The literary life of Russians in Finland in the interwar years. *Issues of Russian literature and culture.* (L. Byckling, P. Pesonen, Eds.). Helsinki, 1992. P. 171–173. (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III). (In Russ.)
13. Volkova, L. G. Books with the seals of pre-war libraries and institutions of Vyborg. *Pages of Vyborg history.* Vyborg, 2020. Book 4. P. 332–361. (In Russ.)
14. Dimianenko, A. A. Russian book for children in Finland (1917–1940). *Bibliotekovedenie [Russian Journal of Library Science].* 2016;65(3):294–299. DOI: 10.25281/0869-608X-2016-65-3-294–299 (In Russ.)
15. Ermichev, A. A. The unknown letter of N. O. Lossky and one failed religious and philosophical journal of the Russian abroad. *Topics in the Study of Philosophy.* 2015;7:98–108. (In Russ.)
16. Eskina, L. A. Biblion. *Book: Encyclopedia.* Moscow, 1999. P. 78. (In Russ.)
17. Eskina, L. A. Russian book publishing in Helsingfors in 1918–1939. *World of Bibliography.* 2000;1:61–66. (In Russ.)
18. Eskina, L. A. Finland. *Book: Encyclopedia*. Moscow, 1999. P. 574. (In Russ.)
19. Eskina, L. A. Finnish publishing houses. *Literary Encyclopedia of the Russian diaspora.* Moscow, 2000. Vol. 2. P. 483–485. (In Russ.)
20. Zalevsky, V., Gollerbach, E. Distribution of the Russian press in the world,1918–1939: Reference book. St. Petersburg, 1998. 301 p. (In Russ.)
21. The history of the Russian press in Finland. *The Journal of the Commonwealth*: the beginning (1933–1934). *Russian Literature.* 2000;1:190–245. (In Russ.)
22. Kroshneva, M. E. Publishing and journalistic activity of Russian organizations in Finland in the first years of emigration. *Book culture. Experience of the past and problems of the present*. Moscow, 2008. P. 109–202. (In Russ.)
23. Kroshneva, M. E. The origins of Russian book publishing business in Finland. *Volga Region Pedagogical Search.* 2013;2(4):188–192. (In Russ.)
24. Kroshneva, M. E. Book culture of the Russian Diaspora: Edition of the works of Ivan Savin. *Science of the Book. Traditions and innovations.* Part 1. Moscow, 2009. P. 479–481. (In Russ.)
25. Kroshneva, M. E. Crisis of Russian book publishing in Finland in 1925–1939. *Modern scientist.* 2017;7:189–192. (In Russ.)
26. Kroshneva, M. E. Publishing house, "excellently publishing worthy books...". *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology.* 2021;31(3):564–570. (In Russ.)
27. Kroshneva, M. E. Issues of the emergence of Russian press in Finland. *Vestnik of UlSTU.* 2013;3:14–16. (In Russ.)
28. Kroshneva, M. E. Russian books in Finland in 1917–1924: dynamics and themes of publications. *News of Higher Educational Institutions. Problems of Printing and Publishing.* 2011;3:107–113. (In Russ.)
29. Kroshneva, M. E. Russian press between the two world wars. *Book in the information society.* Part 1. Moscow, 2014. P. 56–58. (In Russ.)
30. Kroshneva, M. E. Printing trends of Russian literature in Finland in 1808–1930s. *News of Higher Educational Institutions. Problems of Printing and Publishing.* 2010;5:144–150. (In Russ.)
31. Kublitskaya, M. A. Russian books published in Argentina. XX century. Moscow, 2013. 310 p. (In Russ.)
32. Moshnik, Yu. I. Periodical press of Vyborg in 1918–1940. *Pages of Vyborg history.* Vyborg, 2004. Book 2. P. 407–422. (In Russ.)

33. Musaev, V. I. Russia and Finland: Migration contacts and the status of the diasporas (late XIX century – the 1930s). St. Petersburg, 2007. 484 p. (In Russ.)
34. Nevalainen, P. Outcasts: Russian refugees in Finland (1917–1939). St. Petersburg, 2003. 368 p. (In Russ.)
35. Editorial correspondence of *The Journal of the Commonwealth* in 1932–1936 with the full lists of contents: The history of Russian emigration in independent Finland. (A. G. Timofeev, Ed.). St. Petersburg, 2010. 1008 p. (In Russ.)
36. Solovyov, M. S. "We cannot wait any longer…" (Activities of the Organization of the Grand Duke Nikolai Nikolaevich, the Russian All-Military Union, the Brotherhood of Russian Truth in the North-West of Soviet Russia, in the Baltic states and Finland in the 1920s and the early 1930s). St. Petersburg, 2008. 120 p. (In Russ.)
37. Solovyov, M. S. Delivery and distribution of propaganda materials of the Russian right-wing organizations from the Baltic States and Finland in Soviet Russia (in the 1920 and the early 1930s). *XX century. Two Russias – one culture: Proceedings of the XIV Smirdin Readings.* St. Petersburg, 2006. P. 155–162. (In Russ.)
38. Suomela, J. Foreign Russia: Ideological and political views of the Russian émigré community on the pages of the Russian European press in 1918–1940. St. Petersburg, 2004. 352 p. (In Russ.)
39. Timofeev, A. G. The "Winter" war as a source for replenishment of the funds of the Saltykov-Shchedrin State Public Library. *Prominent figures of book publishing: M. N. Kufaev (1888–1948): Proceedings of the XV Smirdin Readings*. St. Petersburg, 2010. P. 252–263. (In Russ.)
40. Timofeev, A. G. Unaccounted brochure *The Charter of the Society of the Russian Colony in Finland* (1918) in E. A. Lyatsky's archive. *The 2007–2008 yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House.* St. Petersburg, 2010. P. 486–495. (In Russ.)
41. Timofeev, A. G. Unknown brochures published in Finland. *Russian Literature.* 2008;4:207–213. (In Russ.)
42. Timofeev, A. G. Distribution of Russian press in the border areas of Finland (based on the materials from the archive of *The Journal of the Commonwealth* for 1933–1934). *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* 2011;10(2):158–162. (In Russ.)
43. Hellman, B. Russian printing in Finland. *Bibliography and Book Science.* 2016;4:126–132. (In Russ.)
44. Hämäläinen, E. Vyborg – the city of the printed word. *Russian thought.* Paris, 2001. July 19/25, No 4373. P. 12. (In Russ.)
45. Shomrakova, I. A. E. A. Lyatsky – a publisher of the Russian émigré diaspora (based on archival materials). *Book. Research and materials.* Moscow, 2002. Book 80. P. 346–364. (In Russ.)
46. Shomrakova, I. A. Northern Lights – the publishing house of the Russian émigré diaspora and its founder E. A. Lyatsky (based on archival materials). *Book. Culture. Society.* St. Petersburg, 2002. P. 179–186. (In Russ.)
47. Baschmakoff, N., Leinonen, M. Russian life in Finland 1917–1939: A local and oral history. Helsinki, 2001. 485 p. (Studia Slavica Finlandensia; vol. 18).
48. Bazanov, P. Kenraalimajuri Severin Tsezarevits Dobrovolski. *Sotavangit ja internoidut* / *Kansallisarkiston artikkelikirja*; Toim. L. Westerlund. Helsenki, 2008. P. 556–567.
49. Hellman, B. Biblion: A Russian publishing house in Finland. *Studia Slavica Finlandensia.* 1985;2:1–48.
50. Hellman, B. Biblion: A Russian publishing house in Finland. *Meetings and clashes: Articles on Russian literature.* Helsinki, 2009. P. 175–198.
51. Hellman, B., Kjellberg, J. Bibliography of Russian literature published in Finland, 1817–1972. Helsinki, 1988. 96 p. (Publications of the Helsinki University Library; 52).

Received: 11 July, 2022; accepted: 22 August, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 42–50 2022

Научная статья Историография, источниковедение, методы исторического исследования
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.806
УДК 930.1, 97(47)

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9776-0038; tzhukovskaya@yandex.ru

НАУЧНЫЕ АМБИЦИИ VS ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ: ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ А. Е. ПРЕСНЯКОВА

Аннотация. Оценивая творческий путь ученого, важно обратить внимание на пересечение внешних факторов и внутренних мотиваций, определявших его общественно-политическую позицию, непосредственные и отдаленные результаты деятельности, наличие учеников и последователей, на его образ, сохранившийся в коллективной памяти научного сообщества. Все это формирует вневременную научную репутацию деятеля науки. На примере историка А. Е. Преснякова автор показывает, из чего эта репутация складывалась: из качеств личности, прежде всего интеллектуальных дарований, работоспособности, круга специальных интересов, формирующих научные горизонты и глубину научной эрудиции, общефилософских и политических воззрений. Внушительные послужной и библиографический списки ученого недостаточны для представления его научного портрета и, в конечном счете, адекватной историко-научной характеристики. Историческую науку как поле профессиональной реализации и область приложения духовных сил невозможно представить без аксиологической составляющей. Автор отмечает в случае А. Е. Преснякова, что направленность и зигзаги академической траектории определялись не столько внешними обстоятельствами, которые историк преодолевал и которыми управлял, сколько его профессиональной и личной этикой. Определяющим фактором как «жизнестроительства», так и академической стратегии Преснякова, как представляется, стали рано сформулированные конкретные и твердые этические принципы и жизненные приоритеты. Следуя за его характеристиками и оценками, данными в письмах к самым близким людям, матери и жене, автор представляет в основных чертах особенности его научного поведения, объясняет те или иные жизненные решения и повороты академической карьеры. В этих эго-документах отражены поиски гармонического равновесия научного и жизненного мира Преснякова как интеллектуала и публичного человека, который избрал историческую науку в качестве основного, но не единственного поля приложения своих творческих сил.

Ключевые слова: Александр Евгеньевич Пресняков, петербургская историческая школа, история Санкт-Петербургского университета, коммуникации, научная повседневность, этические нормы российских историков

Для цитирования: Жуковская Т. Н. Научные амбиции vs этические принципы: особенности академической карьеры А. Е. Преснякова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 42–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.806

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ, ИСТОЧНИКИ

Исторические взгляды и научно-методологические подходы известного историка Александра Евгеньевича Преснякова (1870–1929) не раз становились предметом историографического анализа в биографических работах и в дискуссиях о «петербургской исторической школе» конца XIX – начала XX века. Отличительные особенности этой школы, которые более столетия представляются исследователям смыслообразующими в научных классификациях, Пресняков емко сформулировал в речи на докторском диспуте в 1918 году: «...Конкретное непосредственное отношение к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции»[1]. Парадокс в том, что сам Пресняков в начале научной карьеры ощущал скованность чисто источниковедческой направленностью своих исследований, посвященных Московским летописям XVI века, его увлекало построение широких концепций, интересовали и более близкие эпохи – история России XVIII–XIX веков, ее взаимоотношений с Западом.

Пресняков как объект историографической рефлексии в последние десятилетия оказался как бы в тени своих формальных учителей,

© Жуковская Т. Н., 2022

а точнее, «старших» коллег по исторической школе – С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова. За исключением В. С. Брачева [2] исследователи не посвящали ему монографических исследований. В то же время в постсоветской историографии на наших глазах произошло эффектное «открытие» имен этих крупнейших русских историков после прежнего замалчивания. Развернулась републикация их трудов, эпистолярного наследия, вводились в научный оборот их научные архивы. Пресняков же, на первый взгляд, ни в 1930-е, ни в 1960–1970-е годы не выпадал из «списка цитирования», признавался «историком-марксистом» в противоположность вышеназванным ученым [3]. Но и широкого переосмысления его научного наследия в последние десятилетия не наблюдалось. Его столетний юбилей прошел практически незамеченным. К 150-летию историка в 2020 году Санкт-Петербургский институт истории РАН провел однодневные научные чтения, а также издал третий том лекций Преснякова, подготовленный его учеником Б. А. Романовым еще в 1940 году и пролежавший в корректуре восемьдесят лет [6]. Издание семейной переписки Преснякова, далеко не полное ввиду ее огромного объема, которое было осуществлено в 2005 году [7], остается недооцененным: к этому уникальному комплексу эго-документов историки науки обращаются не столь часто, как он того заслуживает.

Основанием для наших наблюдений и обобщений является главным образом упомянутый комплекс писем и дневников Преснякова. Ценность данного материала состоит в многообразии отразившихся в нем исторических, научных, индивидуально-биографических событий, пропущенных через сознание «человека науки». Данные эго-документы складываются в непрерывную летопись своего времени, отражают подробности «историографического быта», взаимоотношений в научной и университетской среде, дружеском кругу, демонстрируют отношение Преснякова к профессии, политике, его настроения, этические принципы. Этот обширный проект, охватывающий в основном комплекс семейной переписки из личного фонда Преснякова в Научном архиве СПбИИ РАН[2], нельзя считать завершенным, поскольку в значительной части не изданной остается обширная научная и дружеская переписка историка начиная со студенческих лет [5].

Обдуманные, точные и вполне зрелые размышления 20–25-летнего молодого человека о своем будущем в науке, своих интересах, способностях, перспективах, а также об учителях, академических нравах, научной этике открывают социальную проекцию науки рубежа XIX–XX веков, но актуальны и сегодня. В эпистолярном наследии А. Е. Преснякова с редкой откровенностью, детализацией и беспристрастностью отражается социология науки и интеллектуальной деятельности вообще и, в частности, научный быт сообщества петербургских историков того времени. Но, конечно, ярче всего в нем отражается личность пишущего, человека чрезвычайно и разносторонне талантливого, много работающего, который избрал путь историка и университетского преподавателя как одну из нескольких возможных социальных траекторий. При этом он сделал свой выбор далеко не сразу, после серьезных сомнений, разочарований, смены форм деятельности, на фоне внешних вызовов, личных и семейных происшествий.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПУТАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ А. Е. ПРЕСНЯКОВА

Биограф не может не задаться вопросом: как много, в сравнении с коллегами по цеху, успел Пресняков за 35 лет активной творческой и педагогической деятельности? Что содействовало и что препятствовало его научной карьере? Как оценить его научную продуктивность, научное влияние, особенно заметное на пике научно-административных успехов 1920-х годов, когда он возглавил кафедру русской истории в ЛГУ и одновременно преподавал в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, Институте красной профессуры, руководил Историческим научно-исследовательским институтом при университете, наконец, стоял у истоков Ленинградского отделения РАНИОН и его русской секции?

Преснякова отличали широта интеллектуального горизонта, способность работать в нескольких научных направлениях, интерес к научной методологии и философии. Он, по общему признанию, был человеком универсального диапазона интересов, искал глубокого исторического и философского знания, выходя за тематические рамки одной проблемы, предполагаемой «диссертации». При этом ему было присуще чрезвычайно взыскательное отношение к себе и коллегам по цеху. Свои убеждения и представления об академических отношениях, их нормах и границах, как и свое кредо в науке, Пресняков сформировал очень рано, еще в студенчестве, чему в немалой степени способствовало раннее и тесное вхождение в круг своих учителей и стар-

ших коллег. С этими представлениями он соотносил свои карьерные и жизненные решения как в молодости, так и в зрелые годы.

Что касается черт личности Преснякова, то в его научном поведении и в отношении к жизненной повседневности наблюдается редкое единство. Научный и «жизненный» миры Преснякова нераздельны, а стержнем, организующим началом этого единства оказывается достаточно строгая этика. Его отличал идеализм общественных взглядов, которым он, несомненно, был обязан воспитанию матери-«шестидесятницы», Марии Пафнутьевны, а также раннему приобщению к демократической литературе и журналистике. При этом жизнелюбивому, отличавшемуся разносторонними духовными запросами юноше было присуще стремление к гармонизации и эстетизации жизни. Его принадлежность к историческому сообществу задавала направление деятельности, но горизонты духовного мира Преснякова были много шире исторической науки как поля приложения сил. Архив Преснякова открывает его как разностороннюю личность, интеллектуала-гуманитария, педагога, публичного человека с либеральной общественной позицией и обширными связями, притом – человека культуры Серебряного века, утонченного ценителя музыкального искусства, живописи, литературы. Эстетизм Преснякова ярко отражен в его дневниках и переписке. Концертам и музыкальным вечерам в дружеском кругу молодой Пресняков уделяет не меньше времени, чем занятиям историей. Он, безусловно, был человеком музыкально одаренным, но не как исполнитель, а как слушатель. Он не решался петь в собраниях кружка профессора-скандинависта Г. В. Форстена, где разбирались партитуры новых опер и устраивалось совместное музицирование, но Форстен советовал ему учиться пению. Пресняков в юности был завсегдатаем Тифлисской оперы, музыкальных залов Петербурга, в зрелые годы дружил с актерами МХАТа В. В. Лужским и И. М. Москвиным. Это был искушенный театрал, ценитель литературных новинок, живописи, пластического искусства, что можно понять из его дневников и писем. Живой эмоциональный интерес к искусству историк сохранял на протяжении всей жизни. А. Л. Шапиро, бывший в середине 1920-х годов студентом Преснякова в Педагогическом институте им. А. И. Герцена[3] и наблюдавший его в последние годы жизни не только на кафедре, но и в повседневном общении, говорил, что о музыке он мог беседовать часами. По тонкости и точности его характеристик произведений не только музыки, литературы, но и живописи можно судить о том, что при желании Пресняков мог бы выступать в амплуа театрального и литературного критика постоянно, а не эпизодически, как это было в действительности. Разумеется, его живо интересовала современность. Те или иные политические события и потрясения он понимал и интерпретировал глубоко, с позиций демократически мыслящей и европейски ориентированной интеллигенции, не только в письмах, но и в печатных выступлениях. Известны его отклики на думские дебаты в умеренно-либеральных газетах «Дело», «Речь» и др. Особенно внимательно он отслеживал дискуссии по польскому вопросу. По своей позиции и общественным связям он был близок «академической группе» в Государственной думе.

Еще одно важное качество личности Преснякова – независимость. Он формировался как свободный человек, не имевший нужды кланяться, искать протекции, говоря современным языком, «пробиваться». Дворянин, сын крупного чиновника, начальника Закавказской железной дороги, Евгения Львовича Преснякова, в студенческие годы он не нуждался в заработке, получая постоянное содержание от отца. Эти выплаты были сохранены по окончании обучения, когда Пресняков создал собственную семью, имел троих детей, преподавал, и продолжались вплоть до смерти отца. Независимость как черта характера естественным образом переходит в независимость научного мышления и профессионального поведения. Неслучайно Пресняков без пафоса пишет о фактах научной повседневности: диспутах, рефератах, новых книгах коллег, без хвастовства или ложного кокетства – о собственных достижениях. Уже по студенческим письмам можно заметить, что в мотивации его профессиональных действий и жизненных решений нет места тщеславию и карьеризму. Перегруженный такими отношениями официальный, внешний образ науки Преснякова совсем не вдохновлял. Вот что сообщал он в августе 1893 года из Вильны, с IX Археологического съезда, где впервые выступил перед широкой аудиторией с результатами своих исследований о Московских летописных сводах:

«Пребывание на археологическом съезде – самое нелепое времяпрепровождение, которое можно себе представить. Утром и вечером заседания, в промежутке обед, после – чаепитие и болтовня, писать некогда, да и трудно, потому что настроение раздробленное, сосредоточиться нет никакой возможности, читать не-

мыслимо, даже думать отвыкнешь. Толчея и толчея, суета сует. Приобретешь тут немного, кроме впечатлений от разных лиц, впечатлений любопытных, даже ценных, и впечатлений от ученой среды, грустных и неприятных. Ученое чинопочитание и ученое генеральство, закулисные счеты и расчеты, – этим добром хоть пруд пруди. На съезде читают рефераты, то плохие, то так себе, а совсем хороших было 2–3» [7: 106].

Столь критически молодой историк отнесся к научным коммуникациям 1890-х годов, которые объединяли всех, занимавшихся восточноевропейскими древностями: историков, филологов, источниковедов, археологов.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИЛИ НАУКА?

Проявлением стремления к независимости было то, что в начале пути Пресняков не собирался быть только кабинетным ученым и преподавателем. Наука поначалу казалась молодому человеку лишь игрой ума наряду с другими не менее интересными занятиями и увлечениями. Главное, в его представлении наука не должна была ограничивать полноту семейного счастья, тем более что научные штудии и преподавание как раз не обещали прочного материального положения. Об этом молодой Пресняков мыслил реалистически. Потому-то замедлилось и фактически на десятилетие задержалось его вхождение в научное сообщество, хотя все условия для его «посвящения в науку» сложились уже в 1893 году, когда получила признание мэтров (К. Н. Бестужева-Рюмина и Н. П. Лихачева) его студенческая работа о «Царственной книге», и он как наиболее способный из сокурсников был оставлен Платоновым на кафедре. Однако для самого Преснякова выбор еще не был ясен.

После блестящего начала Пресняков вступил в десятилетие «расточения сил», на что сам постоянно сетовал. Это было вызвано необходимостью обеспечивать семью: спустя два года по окончании университета состоялась его женитьба на Ю. П. Кимонт, которой он долго добивался.

Пресняков не противопоставлял карьеру кабинетного ученого карьере профессора, «увлекающего» аудиторию, не пренебрегал и «ремеслом», трудом ради заработка. Он писал в конце 1892 года:

«Писать все-таки – если есть что – пожалуй, желательнее и существеннее, чем читать. Во всяком случае, второе и должно идти за и рядом с первым. Резюме: надо много учиться, не претендуя пока на высокое учительство профессора, и надо жить – ergo взяться за ремесло, которое в то же время хорошее и живое дело – учительство гимназии, жить не в пыли архивов, а с людьми, с милыми, дорогими людьми» [7: 63].

В декабре 1892 года он писал матери: «Я не такой преданный науке субъект, чтобы только ею наполнить свою жизнь – заметь: не профессурой, не преподаванием – а наукой, личными учеными занятиями» [7: 67]. Зато его вкус к «учительству» проявился быстро. Если в год окончания университета, получив первые уроки в гимназии, Пресняков побаивался преподавания и тяготился им, то вскоре эта форма самореализации, абсолютно отвечавшая его открытой натуре, глубоким знаниям и концептуальности мышления, стала потребностью. В 1890-х – начале 1900-х годов он одновременно преподавал в Женском педагогическом институте, Сиротском институте императора Николая I, частных гимназиях кн. А. А. Оболенской и С. Л. Таганцевой, давал уроки сыновьям великого князя Константина Константиновича, читал лекции на Бестужевских курсах и в Народном университете.

Особенностью профессиональной траектории Преснякова-историка стало движение от проблем преподаваемых курсов к их научному осмыслению. Примерно к 1900 году, сдав все магистерские экзамены и пробыв год стипендиатом Академии наук, наполовину написав диссертацию о позднем Московском летописании, Пресняков постепенно отошел от этой темы. Он охладел к слишком кабинетной узко-источниковедческой теме магистерской диссертации, хотя много времени продолжал уделять работе в Академии наук по изданию Полного собрания русских летописей. Еще через несколько лет, начав в 1907 году преподавание в университете в статусе приват-доцента, он переключился на политическую историю древнейшего периода русской истории, из чего выросла магистерская диссертация «Княжое право в древней Руси», защищенная в 1909 году.

Каков был образ Преснякова как человека за профессорской кафедрой? А. Л. Шапиро, готовя в последние годы жизни переиздание своего лекционного курса по историографии, оставил содержательные заметки о Преснякове-профессоре. Шапиро особо отмечал логику лекций Преснякова, его способность в немногих положениях выразить суть проблемы, говорить просто о сложном. Широта научного диапазона Преснякова привлекала к нему и «красное студенчество» 1920-х годов, и «академистов». По словам Шапиро, Пресняков признавался, что ему все интересно, «от доистории – до Ленина». Автор

курса «Русская историография» высоко оценивал долговременное влияние Преснякова на последнее поколение учеников – через его семинарий и личное общение. Младшими учениками А. Е. Преснякова можно по праву считать самого А. Л. Шапиро, а также Б. Г. Плющевского (1912–1998). Последний преподавал в Ижевском пединституте, а затем в Удмуртском университете до 1990-х годов, оставив сильную школу историков русского Средневековья и русского крестьянства [4].

Преснякову все больше нравились многолюдные аудитории, популяризация исторических знаний. В 1910-х годах он читал лекции в спортивно-просветительском обществе «Маяк», в так называемом «народном университете», выезжал с лекциями на летние учительские курсы в Рязань (1913), в только что открытый Саратовский университет и т. д. Как преподаватель Пресняков привлекал не только логикой и точностью формулировок, которые отражают его опубликованные лекции, но и одушевленностью, яркой манерой изложения, отличавшей его, например, от суховатого «догматика» Лаппо-Данилевского. Недостатки и достоинства преподавания Лаппо-Данилевского он ясно видел, посещая его лекции в 1892 году в числе немногих:

«Он большая умница, с разносторонней ученостью и с философским складом ума, слишком логичного и систематичного, чтобы быть широким, но очень сильного. Бестужев прав, сравнивая его с Чичериным, а это сравнение почетное, хотя и незавидное, п[отому] что такие догматики, как Чичерин и Лаппо, не имеют живого влияния, хотя и дают хорошую школу» [7: 112].

Собственное преподавание Преснякова шло не в узком кругу учеников, его лекции адресовались широкой аудитории: студентам, слушательницам Высших женских курсов (ВЖК) и Женского педагогического института (ЖПИ).

ВНУТРИ «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИКОВ»

Пресняков «перерос» свою магистерскую диссертацию и остыл к ней эмоционально задолго до ее завершения, которое все откладывалось: из-за перегруженности посторонними занятиями, семейными делами, преподаванием, научными заказами вроде энциклопедического словаря или участия в юбилейных изданиях. Однако на «вторые роли» внутри того научного направления, к которому он считал себя принадлежащим, он не был согласен. При этом Преснякову быстро становится тесен сюртук «платоновского ученика». Он стал так же необходим Платонову, как Платонов ему, отношения их превратились в отношения научного равенства и партнерства. Постоянно возвращаясь в письмах 1890-х годов к разговору о причинах замедления своей ученой карьеры, Пресняков считал важнейшими из них «не внешние, а внутренние»:

«Я люблю свою науку и вовсе не отстаю от нее, но люблю ее такой, как я ее понимаю, а это совсем не платоновская наука. Не моя вина, что без глубоко философского элемента, с одним геллертерством – история меня не увлекает. Исправиться от этого прегрешения я не могу, ибо я, конечно, прав в своем понимании дела. И близкие для меня по интересам – это Милюков, Лаппо-Данилевский, отчасти Форстен. Учеником Платонова в настоящем смысле слова – я не могу быть. Я очень ценю его, учусь у него многому, но все это для меня второстепенно, материал, а не наука. <…>. Если из меня что-нибудь может выйти, то не потому, что я protégé Платонова» [7: 305].

Привлекательными чертами личности Преснякова были общительность, доброжелательность, веселый нрав. Неслучайно его научные контакты всегда оживлялись, дополнялись неформальным общением, а последнее давало новые творческие импульсы. Если верно, что «наука есть… совокупность форм повседневной жизни, которой живут люди, именующие себя учеными» [1: 5], то социально-бытовые рамки научной повседневности, качество ученых коммуникаций, безусловно, отражаются на научных результатах. «В келье под елью не много сделаешь», – шутил Пресняков [7: 114]. И действительно, роль «кружков» в его педагогической и академической работе была велика, как и его роль в этих кружках, начиная от кружка «русских историков» Платонова, кружка «форстенят», чьи интересы выходили далеко за рамки науки и преподавания; впоследствии круга его собственных учеников, который сложился на исходе 1910-х годов. Этот последний в первые советские годы пересекался с «кружком молодых историков» Петрограда, группой научной молодежи, которая сложилась в руководимой Пресняковым русской секции Ленинградского отделения Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. В 1919/20 академическом году, когда аудитории университета были пусты и не отапливались, его «семинарий», превращенный в «кружок», собирался на квартире Преснякова на Надеждинской улице. В сравнении с «платоновским» кругом это сообщество было более открыто, включало молодых ученых, специализировавшихся по истории Запада и международных отношений, истории русского революционного движения. Эти научные

направления увлекли в последнее творческое десятилетие и самого Преснякова. Пресняков мог не быть официальным научным руководителем участников своего семинария, но впоследствии люди совершенно разных научных интересов и политических взглядов, такие как А. Н. Шебунин, Н. Ф. Лавров, А. В. Предтеченский, М. Н. Мартынов, отмечали важность своего научного общения с ним. Ближайшими же его учениками, с которыми были выстроены долговременные отношения, были Б. А. Романов и С. Н. Чернов.

ЛЮБОВЬ И СЕМЬЯ КАК ОСНОВАНИЕ НАУЧНОГО УСПЕХА

В течение всей жизни Пресняков берег как главные ценности и опоры не только свой дружеский, но и семейный круг. Это отношение не отвлекало его от науки, а, напротив, мотивировало. Амбициозным ли человеком и ученым был Пресняков (амбициозность, конечно же, условие научной продуктивности и научного влияния). Конечно, да. Но эта амбициозность была своеобразной. Скромный, самокритичный, беспристрастно оценивающий и даже часто преуменьшающий свои способности и результаты, Пресняков старался стать «научной величиной», прежде всего чтобы оправдать надежды самых близких людей: матери и жены, Юлии Петровны. Эта интенция преобладала в пору его научного становления, примерно 15 лет, включая переход на историко-филологический факультет университета и утверждение его позиций как ведущего преподавателя ВЖК, ЖПИ и ведущего сотрудника Археографической комиссии по изданию летописных памятников. Это было своеобразное «превращенное» честолюбие. «Ю. П. – мое честолюбие», – откровенно писал он матери в 1894 году, задолго до свадьбы [7: 142]. Это объяснение касается всех профессиональных, жизненных дел и успехов, освещенных светом любви. Наверное, Юлия Петровна была достойна такого отношения. Она поддерживала Преснякова, погружалась в его дела, дружила с его друзьями. Именно ею собраны, сохранены, а затем переданы в архив все письма мужа.

Это «превращенное честолюбие», пожалуй, и есть главная доминанта в творчестве Преснякова, отличавшая его от многих коллег. Главным мотиватором творчества, источником вдохновения и сил для него стала любовь, единственная, пожизненная, всепоглощающая, а также способность жить не только своими амбициями, но и интересами друзей, а впоследствии и учеников. Такие люди, живущие «не для себя», причем легко и естественно, умеют быть счастливыми.

Пресняков по складу своей личности инстинктивно искал внутренней гармонии и находил ее. Счастье и душевное равновесие неизменно отражаются на том, что и как человек делает. А счастьем взаимной любви была окрашена вся жизнь Преснякова, и это тоже «индивидуальный» фактор его творчества. Семейное счастье сложилось, несмотря на огромные препятствия, которые пришлось преодолеть на пути к браку с Ю. П. Кимонт, девушкой из консервативной польской дворянской семьи. Семья с трудом могла примириться с выбором дочери. Принять в дом русского, а не поляка, да еще не помещика и не чиновника, а молодого ученого без видов на серьезную карьеру Кимонтам вначале казалось решительно невозможным. Однако Пресняков добился согласия родителей возлюбленной, сумел создать условия для семейного счастья, которое стало главным стержнем его «приватного» мира и условием научной активности. Гармоничный мир семьи удавалось сохранить несмотря на то, что горе ее не миновало: двое из пятерых сыновей Пресняковых, в том числе первенец Петр, умерли в раннем детстве. И все же о Преснякове вспоминают как о редкостно счастливом человеке. Точнее было бы сказать, что благодаря найденной гармонии семейных и дружеских отношений он в любых обстоятельствах обнаруживал способность быть счастливым. Он сам это прекрасно понимал:

> «Хорошо тому, у кого в сердце своем есть что-то спасающее от подавленности, свой родимый источник любви к жизни, к людям, любви и веры в них, в жизнь и людей. <...> А много ли таких, незаслуженно одаренных счастьем, полных любовью, радостью и болью, жизнью и жаждой жизни, верой глубокой – сердца, что бьется постоянно и полно дорогим именем?» [7: 782].

ЭТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Репутация ученого, в отличие от успехов, выражаемых количественными показателями, – вещь более стойкая, она формируется в течение всей жизни и закрепляется посмертно. Научные принципы и стиль научного поведения Преснякова в коллективной памяти сообщества историков остались как безупречные. То, что путь ученого не усеян розами, Преснякову было очевидно еще в студенчестве. Завершение процесса институционализации человека в науке он обоснованно связывал с получением профессорской кафедры, высшей позиции в университетской научной ие-

рархии. Ни магистерство, ни приват-доцентство в то время не могли дать прочного профессионального положения и сносного достатка, избавляющего от беготни по урокам. Рефлексируя на эту тему, он объяснял родителям, далеким от научной среды, но ожидающим блестящих и скорых успехов от сына, что путь к профессорскому званию, которое открывает возможность чтения «общих курсов» и формирования собственной научной школы, длительный и трудный.

Причиной неизбежных сложностей в ученой карьере Пресняков считал свое понимание целей науки и средств, приемлемых для него на пути к успеху. Он писал:

«Я на это дело так смотрю: наука, умственные интересы и т. д. – это одно, а ученая карьера – другое, которая должна сама к первому приложиться, а гнуть первое под второе – дело нежелательное. Надо стать в самом деле ценной величиной, и тогда более широкий путь сам собою откроется. А иначе – не стоит. Неужели ты, мамочка, хотела бы видеть твоего Саню профессором, который пролез в это звание с трудами, написанными ради получения ученой степени, но посредственного достоинства? Я не хочу умножать числа quasi-ученых, написавших книгу и читающих лекции, хотя им – по совести – нечего сказать с кафедры. Я учусь и учусь, а что из этого выйдет – это как Богу угодно» [7: 305–306].

Однако «идеальная наука» и система отношений в ученой среде для него не одно и то же. В своем понимании науки как мира абсолютных ценностей Пресняков – продукт эпохи позитивизма. Он идеалист в той мере, в какой отдавал предпочтение бескорыстному отношению к науке, был готов к интеллектуальной самоотдаче и требовал того же от других. Подобный максимализм отличал не только его, но и других талантливых представителей петербургской школы. Лаппо-Данилевскому, например, был свойствен еще более жесткий максимализм в определении целей науки и критериев научности, что привело его к гипертрофированному критицизму и бесконечным поискам в области методологии.

Причины замедленности научной карьеры, видимого «неуспеха» на этом пути для Преснякова прежде всего субъективные, этического порядка. В своих представлениях о целях науки, о профессионализме историка Пресняков категоричен и притом совершенно современен. Его замедленное по понятиям исторического сообщества карьерное восхождение – не только следствие стремления вначале обеспечить семью, а уже затем создавать себе имя в науке. Это и оборотная сторона универсализма умственных интересов, потребности освоить смежные области знания, полидисциплинарности его научного мышления. Добавим выраженное в поведении Преснякова отношение к науке не как «кормушке» или «служебной лестнице», а как к служению идеалу. Не один Пресняков обречен на тернистый путь из-за своего максимализма и разносторонности интересов, многие его товарищи по университету и друзья-«форстенята» следовали в той же академической колее. При этом Пресняков сознавал, что его трудности в значительной степени порождены неразработанностью русской истории как научного поля. «Наша наука вовсе не наука, и я мучаюсь над попытками выделить из ее задач то, что хоть сколько-нибудь научно», – писал он [7: 118]. Ему иногда казалось, что в другой области он сделал бы больше, с меньшей затратой сил. В одном из писем матери он сетовал, что, в отличие от зарубежной историографии, значительно продвинувшейся по пути специализации исследований, что открыло простор для обобщения «фактов», российским историкам приходится заниматься «критикой отдельных источников», как это принято в петербургской школе, что затрудняло поиск исследовательской перспективы [7: 72]. Неудивительно, что его поиск затянулся на полтора десятилетия. При постоянном тяготении к истории средневековой Руси, источниковедческим исследованиям Пресняков в это же время задумывался то об исследовании правления Елизаветы Петровны, то об истории Сената. Не однажды он пересматривал направление своей «диссертации», продолжая каждодневную работу над изданием русских летописей.

Выбирая науку, Пресняков ощущал огромную ответственность и часто сомневался в своих силах, не только интеллектуальных, но и нравственных:

«Наука, что сцена; если быть тенором – так на первые роли, а петь лакеев да юнцов не стоит. <…> Вопрос в том, может ли моя голова вырабатывать свои оригинальные мысли или нет. <…> Вся суть в том, какую “научную величину” из себя представляешь, есть ли в тебе что-ниб[удь] ценное, интересное, свое, оригинальное. Тут вопрос может быть решен после многолетней работы над собой, когда разовьешь и в систему сложишь то, что в голове зародилось и бродит. <...> А то, чем я буду жить, и над чем я буду работать – это учительство и учительство» [7: 69].

В диалоге с матерью Пресняков не отождествлял науку с общественной миссией, как делали ее популяризаторы вроде Т. Н. Грановского. Наука – совокупность процедур, кропотливая работа с источниками, система критического мышления.

Он писал в 1892 году по этому поводу, что романтическая приверженность к «красивым мыслям» осталась в прошлом и не соответствует позитивистским канонам «доказательности» и «скептического анализа», на основе которых «можно построить систему взглядов – и хороших, и научных» [7: 90]. Профессор-историк, по его мнению, должен «преподавать взрослым цельную выработанную систему воззрений», философски обоснованных и имеющих научный характер. «Без того мало толку торчать на кафедре», – отмечал он. Такое состояние ума, считал Пресняков, может быть достигнуто в результате многолетней кабинетной работы, что ставило перед ним вопрос:

«Можно ли профессуру ставить целью, программой всей жизни? Это идеал, почти мечта, которую можно, нужно иметь в виду, но в счет практических соображений для плана жизни вводить нельзя» [7: 62–63].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, качества личности, этические и научные основания академической траектории, избранной и пройденной Пресняковым, оказались тесно и гармонично взаимосвязаны. В каждый момент своего научного пути он стремился к равновесию между личными амбициями и научными принципами, к соответствию между своими научными силами и ожиданиями со стороны близких, учителей и коллег. Необходимость такого равновесия мыслилась им как условие самоуважения и, в конечном счете, идеальной жизни. Тщеславию и карьеризму на этом пути не было места. Эти максимы были высказаны многократно и приняты в качестве жизненной программы в самом начале пути в профессию, в годы студенчества и магистерства.

Спустя полтора десятилетия после блестящего начала ученой карьеры, наполненных ежедневным трудом, научными поисками, прорывами и отступлениями, в 1907 году Пресняков без особого трепета воспринял свое вступление на университетскую кафедру в скромном статусе приват-доцента. Он начал чтение лекций по истории Киевской Руси и обрел нескольких учеников в объявленном им «семинарии». В 1908 году он стал экстраординарным профессором ВЖК и только в июне 1918 года, после защиты докторской диссертации, был утвержден ординарным профессором историко-филологического факультета Петроградского университета. К тому времени Пресняков достиг пика своей научной продуктивности, сформировал собственную научную школу, получил признание как крупнейшая величина в области русской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пресняков А. Е. Речь на защите докторской диссертации // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. XXX. Пг., 1920. С. 5.

[2] Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1–10.

[3] В 1924–1927 годах А. Л. Шапиро участвовал в семинаре Преснякова в Пединституте. В начале 1990-х годов он попытался составить воспоминания о своем учителе. Среди отрывочных и, к сожалению, немногочисленных записей о нем была и такая: «Ему присущи замечательные человеческие качества, присущие далеко не всякому ученому... Добрые, внимательные глаза. Сразу располагал к себе доброжелательностью. Никогда не чувствовалась дистанция. Учил самостоятельности мысли. И относился с уважением к нашим первым робким, а иногда претенциозным заключениям и выводам».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–32.
2. Брачев В. С. А. Е. Пресняков и петербургская историческая школа. 2-е изд. СПб.: Астерион, 2011. 239 с.
3. Жуковская Т. Н. А. Е. Пресняков и марксизм: опыт историографической демифологизации // Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию Р. Ш. Ганелина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 28–40.
4. Историки Петрограда-Ленинграда (1917–1934) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3262-plusevskij-boris-grigorevic.html?ysclid=l7ouba7jqg877200437 (дата обращения 21.06.2022).
5. Переписка А. Е. Преснякова с друзьями 1890–1899 / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. Т. Н. Жуковской // Мир историка: Историографический сборник / Ред. В. П. Корзун, А. В. Якуб. Вып. 3. Омск, 2007. С. 376–438.
6. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Северо-Восточная Русь и Московское государство / Подгот. к изд. Б. А. Романова (1940), подгот. к публ. А. В. Карпова (2020) по коррект. Б. А. Романова; Под ред. Б. С. Кагановича и В. Г. Вовиной-Лебедевой. СПб.: Нестор-История, 2020. 356 с.
7. Пресняков А. Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 967 с.

Поступила в редакцию 27.06.2022; принята к публикации 22.08.2022

Original article

Tatiana N. Zhukovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9776-0038; tzhukovskaya@yandex.ru

SCHOLARLY AMBITIONS VS ETHICAL PRINCIPLES: FEATURES OF ALEXANDER PRESNYAKOV'S ACADEMIC CAREER

A b s t r a c t . Assessing the results of a researcher's life, the author underlines the importance of paying attention to the intersection between the external factors of his activities and the inner motivations that determined his socio-political position, as well as to the immediate and long-term results of his work, the presence of students and followers, and his image preserved in the collective memory of the academic community. All this forms the timeless reputation of a researcher. Using a historian A. E. Presnyakov as an example, the author demonstrates what comprises such reputation: personal qualities, namely intellectual talents, working efficiency, a range of special interests that open the researcher's horizons and determine the depth of his scholarly erudition, general philosophical and political views. The impressive track record and bibliography of the researcher are insufficient to paint his academic portrait and adequately capture his historical and academic characteristics. Historical science as a field of professional development and an area for the application of spiritual forces cannot be imagined without an axiological component. In the case of Alexander Presnyakov, the author asserts that the aims and turns of his academic career were determined not so much by the external circumstances that the historian overcame and managed, as by his adherence to the principles of professional and personal ethics. The determining factor of both Presnyakov's life-building and academic strategies seems to have been a set of specific strong ethical principles and life priorities that he developed early in his life. Following his characteristics and assessments given in the letters to his closest people, mother and wife, the author outlines the features of his behavior, explains some of his life decisions, and the turns of his academic career. These ego-documents reflect the search for a harmonious balance between the academic world and the life world of Presnyakov as an intellectual and a public person who chose historical science as the main but not the only field for the application of his talents.

K e y w o r d s : Alexander Presnyakov, St. Petersburg school of historical thought, history of St. Petersburg University, communications, academic everyday life, ethics of Russian historians

F o r c i t a t i o n : Zhukovskaya, T. N. Scholarly ambitions vs ethical principles: features of Alexander Presnyakov's academic career. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(6):42–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.806

REFERENCES

1. A l e x a n d r o v , D . A . Historical anthropology of science in Russia. *Studies in the History of Science and Technology*. 1994;4:3–32. (In Russ.)
2. B r a c h e v , V . S . A. E. Presnyakov and the St. Petersburg school of historical thought. St. Petersburg, 2011. 239 p. (In Russ.)
3. Z h u k o v s k a y a , T . N . A. E. Presnyakov and Marxism: an attempt of historiographical demythologization. *Russia in the XIX–XX centuries: Collection of research papers dedicated to the 70th anniversary of R. S. Ganelin*. St. Petersburg, 1998. P. 28–40. (In Russ.)
4. Historians of Petrograd and Leningrad (1917–1934). Available at: https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3262-plusevskij-boris-grigorevic.html?ysclid=l7ouba7jqg877200437 (accessed 21.06.2022). (In Russ.)
5. Correspondence between A. E. Presnyakov and his friends. 1890–1899 (T. N. Zhukovskaya, Ed.). *The World of the historian: Collection of historiographical works*. (V. P. Korzun, A. V. Yakub, Eds.). Omsk, 2007. Issue 3. P. 376–438. (In Russ.)
6. P r e s n y a k o v , A . E . Lectures on Russian history. Northeastern Russia and the Moscow State (B. S. Kaganovich, V. G. Vovina-Lebedeva, Eds.). St. Petersburg, 2020. 356 p. (In Russ.)
7. P r e s n y a k o v , A . E . Letters and diaries. 1889–1927. St. Petersburg, 2005. 967 p. (In Russ.)

Received: 27 June, 2022; accepted: 22 August, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 51–59 2022

Научная статья Историография, источниковедение, методы исторического исследования
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.807
УДК 930

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ КОЖЕВИН
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии исторического факультета
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9486-5205; kozhevin@rambler.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР ГЕНЕРАЛА А. И. АНДОГСКОГО: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Рассматривается одна из актуальных проблем историографии Гражданской войны в России, включающая анализ социального поведения и жизненных стратегий офицерства старой русской армии в 1917–1922 годах на материалах исследований, посвященных судьбе генерала А. И. Андогского. Данная проблема сегодня является достаточно дискуссионной, поэтому обращение к истории изучения политического выбора генерала А. И. Андогского выходит за рамки частного аспекта современной историографии офицерства периода русской Смуты, способствуя решению ряда масштабных научных задач. Автор выявляет и сравнивает существующие концепции относительно политического выбора А. И. Андогского, анализируя убедительность приводимой историками аргументации. С этой целью привлекаются не только историографические, но и конкретно-исторические источники. В статье отчасти получили отражение собственные позиции автора по рассматриваемому вопросу. Это относится к таким сюжетам, как время и причины осуществления генералом своего политического выбора. Автор подчеркивает, что более точное и обоснованное представление об этих и иных аспектах социального поведения А. И. Андогского может дать масштабное историко-биографическое исследование, которое системно охватит самые разнообразные аспекты жизнедеятельности этой неординарной личности.

Ключевые слова: Академия Генерального штаба, русская армия, большевики, Гражданская война в России, мотивация, политический выбор, офицерство, социальное поведение

Для цитирования: Кожевин В. Л. Политический выбор генерала А. И. Андогского: к историографии проблемы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 51–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.807

ВВЕДЕНИЕ

С конца 1980-х годов в отечественной историографии активно разрабатывались проблемы, связанные с жизненным выбором русского офицерства в период революции 1917 года и Гражданской войны. В центре внимания оказался комплекс вопросов, связанных с мотивацией поведения русских офицеров в условиях русской Смуты. На рубеже XX–XXI столетий в рамках данного направления исследований интерес историков вызвала и фигура генерал-майора Александра Ивановича Андогского (1876–1931). С одной стороны, судьба А. И. Андогского была довольно схожа с судьбами многих русских офицеров, оказавшихся, в конечном счете, в антибольшевистском лагере, принимавших участие в войне на стороне белых и закончивших свои дни на чужбине. С другой – генерал несколько месяцев провел на службе у большевиков, возглавляя Николаевскую Военную академию (Академию Генерального штаба РККА) и выполняя указания руководства Красной армии. К тому же сами обстоятельства перехода академии на сторону белогвардейцев заставляют и по сей день сомневаться в твердости политической позиции А. И. Андогского в контексте гражданского вооруженного противостояния на территории России. Неудивительно, что в современной исторической литературе сформировались различные оценки социального поведения генерала, анализ которых позволяет прояснить характер исследовательских подходов к проблеме жизненных позиций, проявившихся в ходе русской Смуты у такой значимой категории российского офицерства, как генштабисты.

© Кожевин В. Л., 2022

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СУДЬБЫ А. И. АНДОГСКОГО

Еще со времен Гражданской войны социальное поведение генштабистов как особой общественной группы стало предметом освещения в исторической литературе. К началу 2000-х годов в рамках расширения проблематики и усиления концептуализаии истории русского офицерства, а также набиравшей обороты популярности биографического подхода в фокусе исследовательского интереса оказалась фигура начальника Военной академии генерал-майора А. И. Андогского. При этом обозначились два важных направления в изучении жизнедеятельности генерала. Первое касалось вопросов, с одной стороны, об оценке самого факта службы А. И. Андогского в РККА, а с другой – присоединения персонала и курсантов академии к лагерю антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани в июле – августе 1918 года. Второе направление акцентировало взимание на рефлексии генерала по поводу общей проблемы мотивации русских офицеров, поступавших на службу к большевикам, что собственно и произошло с самим А. И. Андогским. Данное направление фактически предопределило обращение к научному наследию А. И. Андогского как историка русской и Красной армии периода Гражданской войны.

В статье А. М. Лосунова освещались события периода правления на востоке России адмирала А. В. Колчака, связанные с расследованием «дела Андогского» как начальника Академии Генерального штаба, служившего большевистской власти на протяжении девяти месяцев [21]. Автор проводит тезис о том, что А. И. Андогский изначально прикладывал массу усилий для того, чтобы ослабить большевиков и максимально сосредоточиться на подпольном участии академии в борьбе с ними. Другое существенное заключение А. М. Лосунова состояло в том, что, несмотря на интриги недоброжелателей генерала в «белом» лагере, участники расследования не смогли найти оснований для серьезных обвинений против А. И. Андогского. Соответственно получается, что политический выбор генерала изначально был сделан в пользу антибольшевистских сил.

Ю. И. Кораблев (1918–1996) в работе «Советская власть и военные специалисты», опубликованной посмертно, писал о «борьбе мотивов» среди офицерства в период Гражданской войны. Исследуя психологию офицерства, ученый опирался на выводы, сделанные генералом А. И. Андогским в одной из его работ (1921 года), где тот выделил шесть групп русского офицерства, руководствовавшихся различными основаниями при переходе на службу к большевикам. Ю. И. Кораблев высоко оценил результаты размышлений «белого» генерала, подчеркивая преимущества его точки зрения по отношению к существовавшей в советской историографии упрощенной трактовке проблемы. «С примерной классификацией офицеров, данной Андогским, – убежденно подчеркивал исследователь, – можно согласиться» [20: 315]. Данное направление исследований получило продолжение гораздо позже, когда фигура и социальное поведение А. И. Андогского оказались в центре исследовательской дискуссии по поводу судеб и политического выбора представителей офицерства, принадлежавшего к Генеральному штабу в период Гражданской войны.

В 2010-х годах в исследовательской литературе фокус внимания к судьбе А. И. Андогского сместился в сторону освещения отдельных значимых эпизодов его биографии, в частности деятельности в качестве начальника Военной академии, начиная с избрания на эту должность. Процедура выборов, проводившихся среди офицеров Генштаба, формально выглядела демократичной. Но последнее слово оставалось за военным министром, что позволяло А. Ф. Керенскому маневрировать. В итоге из двух ведущих по результатам выборов кандидатов – генерал-майора, профессора, начальника штаба Румынского фронта Н. Н. Головина (410 голосов) и полковника, управляющего делами академии А. И. Андогского (373 голоса) – во главе академии оказался менее популярный среди генштабистов, но более покладистый по отношению к власти человек. Сам по себе факт назначения 7 августа 1917 года А. И. Андогского, полковника, имевшего небольшой опыт командования на фронте, к тому же достаточно молодого 40-летнего кандидата, на столь значимый пост наиболее подробно осветил А. В. Ганин. Исследователь подчеркнул, что выборы начальника академии проходили в условиях политизации и даже раскола корпорации генштабистов, а А. Ф. Керенский, вероятно, опасался оппозиции со стороны академии, которую мог возглавить фронтовой генерал. А. В. Ганин справедливо указывает:

> «С этой точки зрения, Андогский казался Керенскому более лояльным, чем представитель далекого Румынского фронта Головин. Определенные опасения могла вызвать и популярность Головина» [3: 74].

Эпизод с карьерным возвышением А. И. Андогского в августе 1917 года оказался существенным для понимания его социального поведения и дальнейшего жизненного пути, но отнюдь не главным для историков русского офицерства времен Гражданской войны. Важным сюжетом в историографии темы политического выбора офицеров в условиях масштабного военного противостояния различных политических сил, которое в течение нескольких лет вовлекало в свою орбиту миллионы людей, стало обращение к факту перехода Военной академии на сторону антибольшевистских сил после многомесячной службы в составе вооруженных сил Советской России. В советской исторической литературе и вплоть до современности переход большинства слушателей, а также всего преподавательского состава академии на сторону противников советской власти за редким исключением рассматривался как показатель, иллюстрировавший соответствующие политические настроения значительной части русского офицерства [1], [11]. В работе А. В. Ганина «Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг.» особо подчеркивалось, что это был наиболее массовый случай подобного рода [9: 167].

Интерес к судьбе А. И. Андогского вызывался не просто потребностями масштабного изучения истории Военной академии, он был напрямую связан с проблемами социального поведения офицерства в 1917–1922 годах. Политическая позиция генерала, проявившаяся в указанный момент его биографии, оказалась в центре исследовательской дискуссии. В специальной работе, посвященной жизненному пути генерала, В. В. Каминский подчеркнул противоречивость фигуры А. И. Андогского, его склонность к интригам и готовность в любых политических обстоятельствах всемерно отстаивать интересы Военной академии. Однако в основе социального поведения генерала, по мнению автора, все же лежало другое:

«Свойственные Андогскому “изворотливость” и “легкая приспособляемость к обстоятельствам” и даже его борьба за сохранение статуса Академии в “смутное время” конца 1917–1918 годов в немалой степени были обусловлены социально-бытовыми, семейными (генералу приходилось содержать многочисленную семью. – *В. К.*) мотивами» [12: 93].

КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЙ

В исследованиях, относившихся к истории офицеров-генштабистов, первоначально оказавшихся на службе советской власти, а затем перешедших из РККА на сторону антибольшевистских сил, В. В. Каминский обосновывает существование устойчивой тенденции, которая характеризовала жизненные стратегии представителей этой социальной группы. Согласно концепции автора, социальное поведение генштабистов уже с момента падения монархии в России и на протяжении Гражданской войны было обусловлено прежде всего «материально-бытовой мотивацией», означавшей доминирование материальных устремлений и усилий, направленных не только на обеспечение жизненного достатка, безопасности семейств, но и особого, довольно высокого статуса в армейской среде. В первую очередь это относилось к периоду пребывания генштабистов в Красной армии, руководство которой (включая Л. Д. Троцкого) лояльно относилось к военным специалистам высокой квалификации [14], [15], [16], [18], [19]. Патриотическая мотивация (что характеризовало поведение офицеров, стремившихся защитить интересы Советской России в ходе противостояния с вооруженными силами Германии и Польши), а также идеологические основания данной категории офицерства, не принимавшего большевизм и политику его лидеров, оказывались, таким образом, вторичными по отношению к «материально-бытовой мотивации» генштабистов.

Отверг В. В. Каминский и выдвинутый в зарубежной историографии тезис о том, что генштабисты «служили в РККА в основном из профессиональных соображений», следуя своему «профессиональному долгу» и считая, что опыт и знание военного дела можно с успехом применить и при новой власти и даже восстановить статус корпуса офицеров Генштаба, равный дореволюционному. Полемизируя со сторонниками данного тезиса, историк утверждает:

«Все дело в том, однако, что восстановление собственного служебного положения в новой армии волновало выпускников Академии далеко не только (зачастую и не столько) как возможность профессионального продвижения, но прежде всего как средство разрешения многочисленных “социально-бытовых проблем”, как-то: получение более высоких окладов и более удобных должностей, обеспечение собственного здоровья и социального благополучия для своих семей» [17: 45].

В итоге, если, согласно мнению В. В. Каминского, служба в РККА соответствовала этим потребностям, присоединение персонала и слушателей Военной академии во главе с ее начальником к вооруженным формированиям Сибирской армии и Комуча в июле – августе 1918 года при подобной интерпретации выгля-

дит едва ли не случайностью, простым стечением обстоятельств, вынудивших генштабистов решиться на такой шаг. Подтверждая соответствующую трактовку событий, по крайней мере по отношению к единичным переходам генштабистов из РККА в ряды антибольшевистских сил, автор отмечал:

«Выбор конкретными генштабистами того или иного из противостоящих лагерей в 1918–1919 гг. был обусловлен прежде всего не политическими симпатиями, а стечением различных обстоятельств» [9: 123].

На данный историографический факт, а также иные доводы В. В. Каминского относительно жизненных стратегий русских генштабистов в начале 2000-х годов отреагировал А. В. Ганин, что собственно и стало одной из важных причин длительной и бескомпромиссной дискуссии между двумя исследователями. Полемика охватила очень широкий спектр проблем, связанных с изучением образцов социального поведения генштабистов в условиях революции 1917 года и Гражданской войны. В контексте рассматриваемой нами проблемы уже на начальном этапе дискуссии А. В. Ганин выдвинул и обосновал ряд существенных положений, противоречивших позиции В. В. Каминского. По мнению историка,

«офицеры Генштаба, принадлежавшие к элите русской армии, делали свой выбор вполне осознанно, как правило, исходя из своих нравственных ориентиров <…>. Причины поступления “лиц Генерального штаба” в РККА не сводятся к пресловутым социально- и материально-бытовым мотивам: они многообразны. В начале 1918 г. не последнюю роль играли и надежда продолжить борьбу с германцами, и опасения за судьбу своих близких в связи с принятой большевиками практикой заложничества, и желание проникнуть в руководство РККА, чтобы оказывать содействие единомышленникам за линией фронта, и ряд других» [7: 101, 108].

Со временем В. В. Каминский несколько скорректировал свою позицию, отмечая, что в тех или иных ситуациях при переходе к «белым» общая причина – «социально-бытовая мотивация» – уступала место другим основаниям. Речь идет о поиске офицерами своих родственников:

«…другие же, – пишет автор, – покидали РККА именно в тот период, когда положение большевиков на данном участке фронта казалось особенно безвыходным, и одновременно появлялась явная возможность без особых затруднений перейти в противоположный лагерь (опять-таки. – *В. К.*) с тем, чтобы там при новых “хозяевах” найти более-менее приемлемую для своего статуса должность» [14: 195].

ОБЪЯСНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА А. И. АНДОГСКОГО

По мнению А. В. Ганина, как служба генштабистов в РККА, так и их переходы к «белым» могли обусловливаться различными причинами. В своих трудах, опирающихся в том числе на соответствующие историко-публицистические и очерковые работы белогвардейских авторов, историк назвал около десятка таких причин, но без определения того, что все же доминировало в рамках данного процесса. Возвращаясь к перипетиям судьбы А. И. Андогского, отметим, что в различных работах А. В. Ганина биография генерала получила многостороннее освещение. Нас же в первую очередь интересует интерпретация проблемы политического выбора начальника Военной академии. В данном случае, однако, автор рассуждает крайне осторожно, чаще всего ограничиваясь цитированием документов современников генерала. Например, приводится данная А. И. Андогскому характеристика Г. Х. Эйхе – «смертельный враг Советской власти» [6: 526]. Вместе с тем историк отмечает: «…современники считали Андогского беспринципным оппортунистом» [4: 49]. И все же, несмотря на то, что «и красные, и белые считали Андогского двурушником и врагом», по мнению А. В. Ганина, переход генерала в лагерь противников большевиков вовсе не был случайным и произошел отнюдь не вопреки его политическим устремлениям [8: 56]. В современной исследовательской литературе данная точка зрения была высказана и более определенно. Как подчеркнули С. Ф. Фоминых и А. О. Степнов, А. И. Андогский «был обречен стать врагом большевиков, а потому и путь конфронтации с большевизмом был для генерала во многих отношениях предрешенным» [22: 87].

В построениях историков, полагающих, что А. И. Андогский в конечном счете не намеревался сохранять верность Советской России, до поры лишь создавая видимость добровольного сотрудничества с нею, а в действительности искренне симпатизируя противникам большевиков, есть несколько аспектов, остающихся непроясненными. Понятно, что взятие власти большевиками создало для генштабистов, да и для значительной части русского офицерства в целом, обстановку неопределенности и рисков, существенно замедлявших акт политического выбора. К тому же продолжалась мировая война, предстоял созыв Учредительного собрания и т. д. Характеризуя данную ситуацию, когда Военная академия, включая преподавателей, слушателей,

обслуживающий персонал и материальную базу, достались большевикам в качестве наследства от предыдущего режима, А. В. Ганин подчеркивает, что учебное заведение просто не могло сколько-нибудь быстро «затормозить», дабы изменить цели и порядок своей работы.

«По инерции, – пишет историк, – учебный процесс продолжался и после смены власти, в результате чего Красная армия весной 1918 г. пополнилась выпускниками ускоренных курсов 2-й очереди» [5: 33].

В этой связи резонно поставить вопрос: до каких пор могла длиться эта инерция, не окажись Военная академия вместе с ее начальником вблизи фронта? Пример Николаевской инженерной и Михайловской артиллерийской академий показывает, что этот процесс привел к тому, что оба учебных заведения постоянно и исправно выполняли свое предназначение при новой власти в условиях относительной отдаленности от театра военных действий. Причем стремление руководства и преподавателей этих академий «сделать вид», что произошедшие политические перемены их не касаются, запереться в «башне из слоновой кости» было ничуть не меньшим, чем у персонала Военной академии. Так, начальник Главного управления высших учебных заведений РККА Д. А. Петровский в вышедшей еще в 1924 году книге «Военная школа в годы революции» констатировал: «О своей неприкосновенности и автономии особенно заботились Артиллерийская и Инженерная академии»[1].

Таким образом, возникает следующий вопрос: к какому моменту биографии А. И. Андогского относится сам акт политического выбора? Этот вопрос довольно сложен, поэтому следует обратиться к началу революционных событий 1917 года, учитывая при этом особенности социального поведения и личностные черты генерала. Впервые российское офицерство как самостоятельная политическая сила сделало свой выбор в конце февраля – первых числах марта 1917 года. Но это был выбор немногих. Его осуществила верхушка командования русской армии в лице командующих фронтами и начальника штаба Верховного главнокомандующего. Если отречение 2 марта 1917 года от престола Николая II формально освобождало армию от присяги императору, то отречение его брата Михаила фактически узаконивало в России либеральный порядок с последующим решением ее судеб Учредительным собранием. В данной ситуации практически весь офицерский корпус освобождался от прежних обязательств, связанных с присягой государю, и вынужден был принять новые реалии. Соответственно многим офицерам неожиданно пришлось адаптироваться к сложившимся обстоятельствам. Что же происходит с А. И. Андогским?

В февральско-мартовские дни 1917 года управляющий делами Военной академии А. И. Андогский (тогда еще не ее начальник, но фактически, из-за слабых административных способностей руководителя академии и разговоров о его компрометирующей связи с Распутиным, – глава учреждения) моментально пытается разобраться в политической ситуации, выяснить, в чьих руках находится реальная власть, по крайней мере в сфере военного управления, черпая информацию из разных источников. Как вспоминал профессор академии М. А. Иностранцев, 27 февраля несколько слушателей академии «с разрешения Андогского, успели сходить к Государственной думе и рассказывали свои впечатления» [10: 14]. 2 марта полковник А. И. Андогский, пытаясь добиться от военных представителей новых властей вразумительного ответа относительно ситуации, складывавшейся в армии, писал:

«Какие меры принимаются для того, чтобы одновременно с приказами Временного правительства, обязательными для всех, – не появлялись и не распространялись приказы отдельных лиц и организаций, не являющихся Временным правительством? Прошу заверения письменного от депутата Караулова, что это за приказ № 1 по гарнизону…»[2].

А. И. Андогский оказался в составе комиссии по реформированию армии и флота генерала А. А. Поливанова, члены которой были назначены военным министром А. И. Гучковым. Согласно журналу № 1 заседания комиссии от 4 марта 1917 года, среди нескольких генералов, высших офицеров флота и штатских лиц здесь присутствовало десять полковников Генерального штаба, в числе которых был и управляющий делами Военной академии[3]. Уже в первые дни революции 1917 года А. И. Андогский мог составить для себя более или менее точную картину ситуации, складывавшейся в стране и в армии. Знакомство с А. И. Гучковым и благожелательное отношение А. Ф. Керенского несомненно способствовали его усилиям по организации деятельности академии, как и карьерному росту.

После победы Октябрьского вооруженного восстания казалось, что положение академии достаточно устойчиво, а интенсивные контакты с политическим и военным руководством большевиков по-прежнему обеспечивали генералу широкий доступ к информации. Как отмечает А. В. Ганин,

«начальник академии был самым информированным о текущем положении дел в РККА и в Советской России военспецом. Вероятно, высокая степень информированности и позволила А. И. Андогскому принимать в сложной ситуации наиболее верные для академии решения» [9: 188].

Характерное для работ А. В. Ганина акцентирование внимания читателя на постоянной заботе генерала об интересах Военной академии, заботе, граничившей с самоотречением, определенным образом сближает позицию автора с точкой зрения тех историков, которые усматривали в «военном профессионализме», базировавшемся на представлении многих генштабистов о том, что главной жизненной ценностью, а соответственно, и стержнем их жизненных стратегий является прежде всего верность военному делу, как науке или искусству. Следовательно, иными основаниями социальной активности на службе у большевиков можно было бы пренебречь, установив некий компромисс с новой властью ради поддержания давно устоявшегося порядка существования генштабистов.

Данная точка зрения, в частности, получила отражение в книге М. Майзеля, посвященной истории русских генштабистов в условиях революции 1917 года. Автор подчеркивал, что многие офицеры Генерального штаба питали надежды на такой благополучный исход, указав даже временной отрезок – с апреля по июнь 1918 года, когда они были особенно сильны. «Мы уже знаем, однако, – заключил М. Майзель, – что Гражданская война положила конец таким надеждам» [24: 225]. Предложенная автором периодизация как будто соответствует и времени перехода Военной академии во главе с ее начальником на сторону большевиков. Но дело было не только в эскалации Гражданской войны. Сам факт того, что в стране установился новый режим, кардинально отличавшийся от предыдущего, обусловил утрату старой русской армией своей легитимности в роли особого государственного института. Альтернативой полному подчинению и принятию устанавливаемых новой властью правил, по многим причинам неприемлемых для корпуса генштабистов, могло быть только выступление на стороне антибольшевистских сил. В данной связи справедливым представляется предложение А. В. Ганина, указавшего на практику трансформации, а не слома большевиками структур старой армии, ввести понятие «инерционный период».

«В зависимости от сроков реорганизации того или иного штаба или учреждения старой армии, – подчеркивает автор, – период охватывает события с 25 октября 1917 по осень 1918 г.» [22: 93].

Именно в этом временном промежутке, на наш взгляд, и был сделан политический выбор генерала А. И. Андогского, который осознал, что, оставаясь в армии красных, рано или поздно по мере утверждения новых правил и форм военной службы ему придется принять и идеологию новой власти. В итоге политический выбор был сделан в пользу ее противников к моменту, когда уже возникли антибольшевистские государственные образования (Комуч и Временное Сибирское правительство).

ПОНИМАНИЕ МОТИВАЦИИ СЛУЖБЫ В КРАСНОЙ АРМИИ

Ответ на вопрос, каким образом генерал (для себя и не только) интерпретировал свое временное пребывание в РККА, отчасти содержится в его работе «Как создавалась Красная Армия Советской России. (Уроки недавнего прошлого). Критико-исторический очерк», изданной во Владивостоке в 1921 году. А. В. Ганин установил, что А. И. Андогский при объяснении причин службы офицеров старой армии у большевиков фактически воспользовался текстом статьи генерала А. Л. Носовича, опубликованной под псевдонимом А. Черноморцев в белогвардейском еженедельнике «Донская волна» еще весной 1919 года, но изменил смысл характеристики лишь шестой группы мотивов в классификации А. Л. Носовича, сделав ее, по мнению историка, «более привлекательной для белых» [2: 118]. Действительно, сравнение двух работ показывает, что А. И. Андогский местами дословно, местами близко к тексту, местами сокращая использованный им материал, изложил соображения, заимствованные у другого автора, а оценивая шестую по счету категорию офицерства, кардинально поменял акценты. Если у А. Л. Носовича первые три группы офицеров (не будем вдаваться в подробности рассуждений этого генерала) достойны снисхождения и даже оправдания, «для них необходима особая мерка», то остальные откровенно осуждаются, причем о шестой категории офицеров автор отозвался так: «люди, которые намеренно и обдуманно изменили своему долгу» [23: 492–493].

А. И. Андогский предложил в данном случае иной вариант. Сделал он это, как представляется, не столько потому, что хотел угодить «белым», сколько из стремления определить свое место среди различных групп офицеров, служивших в стане большевиков. Не обнаружив соответ-

ствующего описания мотивов у А. Л. Носовича, он сформулировал собственное определение:

«Группа шестая – офицеры, служащие в советских войсках из сознания долга содействовать образованию военной силы России и отнюдь не связанные с большевиками никакими идейными политическими принципами <…>. Они не мирятся с засильем иностранцев и разрушением России и, будучи против большевиков и веря в их неизбежный крах в ближайшем, – работают над укреплением военной мощи России <…>»[4].

По всей видимости, генерал и сам был убежден в соответствии данной интерпретации своему реальному поведению, но более точный и обоснованный ответ на этот и другие вопросы, связанные с проблемой политического выбора А. И. Андогского в 1917–1922 годах, наверняка позволит дать специальное масштабное историко-биографическое исследование, которое системно охватит самые разнообразные аспекты жизнедеятельности этой неординарной личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в историографии социального поведения офицерства старой русской армии периода Гражданской войны в России перипетии судьбы и деятельность начальника Николаевской Военной академии генерал-майора А. И. Андогского вызвали существенный интерес исследователей и привели к формированию двух взаимосвязанных направлений, заключающихся в изучении политического выбора генерала после революции 1917 года, а также его историко-публицистической рефлексии по поводу жизненных стратегий офицеров, оказавшихся на службе у большевиков. В рамках первого направления возникло несколько подходов к объяснению мотивации поведения генерала во время его пребывания в РККА и причин последующего перехода в «белый» лагерь. Сторонники одного из подходов полагают, что А. И. Андогский изначально, но до поры скрытно, выступал против советской власти и переход в стан ее противников был лишь делом времени. Согласно другой концепции, для генерала главным являлось удовлетворение собственных материальных потребностей и обеспечение безопасности семьи, а остальное не имело определяющего значения. Третий подход отображает политический выбор А. И. Андогского как сложный процесс с учетом его постоянного стремления защитить интересы Военной академии и по мере возможности сохранить устоявшиеся в ней порядки. Все три подхода, однако, оставляют недостаточно проясненными вопросы о времени и иерархии мотивов начальника академии во время осуществления его политического выбора. Анализ очерка А. И. Андогского, посвященного истории РККА, отчасти проливает свет на последний из названных вопросов, но в целом проблема политического выбора генерала А. И. Андогского в условиях революции и Гражданской войны еще требует приложения дополнительных исследовательских усилий, сохраняя простор для ее новых научных интерпретаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Петровский Д. А. Военная школа в годы революции. М.: Высш. воен. ред. совет, 1924. С. 14.
[2] Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 56. Л. 2.
[3] Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
[4] Андогский А. И. [А. Белозеров]. Как создавалась Красная Армия Советской России. (Уроки недавнего прошлого): Критико-исторический очерк. Владивосток: Тип. Военной академии, 1921. С. 28.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войнов В. Г. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 51–64.
2. Ганин А. В. «Россию погубили офицеры Генерального штаба…»? Выпускники Николаевской Военной академии между красным, белым и национальным лагерями в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 87–146.
3. Ганин А. В. Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года // Родина. 2014. № 11. С. 70–74.
4. Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.
5. Ганин А. В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2013. 47 с.
6. Ганин А. В. О книге В. В. Каминского «Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии» // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 514–536.
7. Ганин А. В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111.

8. Ганин А. В. Переход военной академии на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани (июль – август 1918 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 2 (11). С. 54–80.
9. Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с.
10. Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма. М.: Кучково поле: Издательский центр «Воевода», 2017. 928 с.
11. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. 278 с.
12. Каминский В. В. А. И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 91–100.
13. Каминский В. В. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1918 годах // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 115–126.
14. Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. 736 с.
15. Каминский В. В. Двойные «перевертыши» в Корпусе Генерального Штаба Красной Армии: подполковник А. Д. Сыромятников и его служебная карьера // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 69–82.
16. Каминский В. В. Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской Академии Генерального Штаба из Екатеринбурга в Казань 23–24 июля 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 116–131; 2012. № 3. С. 26–61.
17. Каминский В. В. Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40–51.
18. Каминский В. В. Русский «генштабист», дважды спасенный Л. Д. Троцким: Генерального штаба генерал-майор С. И. Одинцов // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 45–55;
19. Каминский В. В. Социально-бытовая мотивация в конкретных судьбах: Генерального штаба подполковник Виктор Иванович Оберюхтин – «слуга двух господ» поочередно (1918–1938 гг.) // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 66–80.
20. Кораблев Ю. И. Советская власть и военные специалисты (1918–1941 гг.) // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Юрия Ивановича Кораблева. М.: Раритет, 2002. 696 с.
21. Лосунов А. М. «Дело» генерала А. И. Андогского // Известия Омского историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 193–200.
22. Фоминых С. Ф., Степнов А. О. События гражданской войны на юго-западе России в военных сводках и публицистике начальника Николаевской академии Генерального штаба профессора А. И. Андогского // Русин. 2018. № 53. С. 82–96.
23. Черноморцев А. Бывшие офицеры // Носович А. Л. Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 489–493.
24. Mayzel M. Generals and revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution. A study in the transformation of military elite. Osnabrück: Biblio Verlag, 1979. 322 p

Поступила в редакцию 30.06.2022; принята к публикации 22.08.2022

Original article

Vladimir L. Kozhevin, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9486-5205; kozhevin@rambler.ru

THE POLITICAL CHOICE OF GENERAL ALEXANDER ANDOGSKY: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Abstract. The article deals with one of the topical problems of the historiography of the Civil War in Russia, which includes the analysis of the social behavior and life strategies of the officers of the old Russian army in 1917–1922 on the basis of research works investigating the fate of General A. I. Andogsky. This problem is quite debatable today, therefore, the appeal to the history of the study of the General's political choice goes beyond the private aspect of the modern historiography of the officers of the period of the Russian Troubles and contributes to solving a number of large-scale research problems. The author identifies and compares the existing concepts regarding the political choice of A. I. Andogsky in order to evaluate the persuasiveness of the historians' arguments. For this purpose, both historiographical and archival historical sources are involved. The article partly reflects the author's own positions on the issue under consideration. This applies to such topics as the time and reasons for the general to make his political choice. The author emphasizes that a large-scale historical and biographical study, which systematically covers the most diverse aspects of the life of this extraordinary personality, can lead to more accurate and reasonable characteristics of Andogsky's social behavior.

K e y w o r d s : General Staff Academy, Russian army, Bolsheviks, Russian Civil War, motivation, political choice, officers, social behavior

F o r c i t a t i o n : Kozhevin, V. L. The political choice of General Alexander Andogsky: historiography of the problem. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(6):51–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.807

REFERENCES

1. V o i n o v , V . G . The officer corps of the White Armies in the east of the country (1918–1920). *Russian History.* 1994;6:51–64. (In Russ.)
2. G a n i n , A . V . "Russia was destroyed by the officers of the General Staff..."? Graduates of the Nikolaev Military Academy between the Red, White and national camps during the Civil War, 1917–1922. *Nikolaev Academy of the General Staff (1832–1918).* St. Petersburg, 2018. P. 87–146. (In Russ.)
3. G a n i n , A . V . The General Staff and pre-election technologies. How the head of the Military Academy was chosen in the summer of 1917. *Rodina.* 2014;11:70–74. (In Russ.)
4. G a n i n , A . V . The decline of the Nikolaev Military Academy, 1914–1922. Moscow, 2014. 768 p. (In Russ.)
5. G a n i n , A . V . The personnel of the General Staff during the Civil War in Russia. Author's abstract of Diss. Cand. Sc. (History). Moscow, 2013. 47 p. (In Russ.)
6. G a n i n , A . V . The book *Graduates of the Nikolaev Academy of the General Staff in the Red Army* by V. V. Kaminsky. *Russian collection. Studies on the history of Russia.* Vol. 11. Moscow, 2012. P. 514–536. (In Russ.)
7. G a n i n , A . V . The role of the General Staff officers in the Civil War. *Topics in the Study of History.* 2004;6:98–111. (In Russ.)
8. G a n i n , A . V . Joining of Military Academy to anti-Bolshevist's forces in Yekaterinburg and Kazan' (July–August, 1918). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2014;2(11):54–80. (In Russ.)
9. G a n i n , A . V . Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between the command personnel. 1917–1922. Moscow, 2019. 318 p. (In Russ.)
10. I n o s t r a n s t e v , M . A . Memories. The end of the Empire, the Revolution and the beginning of Bolshevism. Moscow, 2017. 928 p. (In Russ.)
11. K a v t a r a d z e , A . G . Military specialists serving the Republic of Soviets. 1917–1920. Moscow, 1988. 278 p. (In Russ.)
12. K a m i n s k y , V . V . A. I. Andogsky in the days of the "Russian Troubles" in 1917–1919. *Topics in the Study of History.* 2008;11:91–100. (In Russ.)
13. K a m i n s k y , V . V . Brother against brother: The General Staff officers in 1917–1918. *Topics in the Study of History.* 2003;11:115–126. (In Russ.)
14. K a m i n s k y , V . V . Graduates of the Nikolaev Academy of the General Staff in the Red Army. St. Petersburg, 2011. 736 p. (In Russ.)
15. K a m i n s k y , V . V . Double "switchers" in the corps of the General Staff of the Red Army: Lieutenant Colonel A. D. Syromyatnikov and his career. *Modern History of Russia.* 2016;1:69–82. (In Russ.)
16. K a m i n s k y , V . V . Some particulars of the "voyage" of the Nicolas Academy of the General Staff from Ekaterinburg to Kazan (July 23–24, 1918). *Modern History of Russia.* 2012;1:116–131; 2012;3:26–61. (In Russ.)
17. K a m i n s k y , V . V . Russian General Staff officers in 1917–1920. Results of the study. *Topics in the Study of History.* 2002;12:40–51. (In Russ.)
18. K a m i n s k y , V . V . Russian "General Staff officer", saved twice by L. D. Trotsky: General Staff Major-General S. I. Odintsov. *Modern History of Russia.* 2017;4:45–55. (In Russ.)
19. K a m i n s k y , V . V . Everyday motivation at concrete biographies: General Staff Lieutenant-Colonel Viktor Ivanovich Oberiukhtin – "the servant of two misters" serially (1918–1938). *Modern History of Russia.* 2013;1:66–80. (In Russ.)
20. K o r a b l e v , Y u . I . Soviet power and military specialists (1918–1941). *The Civil War in Russia: events, opinions, assessments. In memory of Yuri Ivanovich Korablev.* Moscow, 2002. 696 p. (In Russ.)
21. L o s u n o v , A . M . The "case" of General A. I. Andogsky. *Proceedings of the Omsk State History Museum.* 1999;7:193–200. (In Russ.)
22. F o m i n y k h , S . F . , S t e p n o v , A . O . Events of the Civil War in the south-west of Russia in military reports and journalism of the head of the General Staff Academy (Imperial Russia), Professor A. I. Andogsky. *Rusin.* 2018;53:82–96. (In Russ.)
23. C h e r n o m o r t s e v , A . Former officers. *Nosovich A. L. White agent in the Red Army: Memoirs, documents, articles.* Moscow; St. Petersburg, 2021. P. 489–493. (In Russ.)
24. M a y z e l , M . Generals and revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution. A study in the transformation of military elite. Osnabrück, 1979. 322 p.

Received: 30 June, 2022; accepted: 22 August, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 60–66 **2022**

Научная статья **Историография, источниковедение, методы исторического исследования**
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808
УДК 930.1

МАРИНА ФЕДОРОВНА РУМЯНЦЕВА
кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2448-3417; m_roumiantseva@hse.ru

КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ МЕДУШЕВСКОЙ: ИТОГИ / ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Анализируется концепция когнитивной истории О. М. Медушевской (1922–2007) в контексте исторической культуры 2010–2020-х годов. Актуальность работы обусловлена необходимостью утверждения концепции истории как строгой науки в условиях ренарративизации – тренда современной исторической культуры, сопровождающегося углублением разрыва исторической науки и социально ориентированного историописания. Новизна работы – в рассмотрении неоклассической модели исторической науки на стыке двух исторических культур, в ситуации резкой трансформации исторической культуры от постмодерна к постпостмодерну. Проблема исследования – определить место концепции когнитивной истории в контексте современной исторической культуры. Цель – эксплицировать факторы недовостребованности концепции когнитивной истории при несомненной актуальности неоклассической модели исторического познания в ситуации преодоления парадигмы постмодерна. Задачи работы – рассмотреть концепцию когнитивной истории в двух ракурсах: как завершение более чем вековой традиции развития феноменологической структурной концепции источниковедения, восходящей к русской версии неокантианства (А. С. Лаппо-Данилевский), и с точки зрения ее дальнейшей перспективы в социальном знании XXI века. Особое внимание уделяется имманентным свойствам базового концепта когнитивной истории «эмпирическая реальность исторического мира», завершающего трансформацию объекта источниковедения от исторического источника через систему видов исторических источников к макрообъекту исторического познания, дающего эмпирическую основу истории как строгой науки. Работа выполнена в методологии когнитивной истории с опорой на феноменологическую концепцию источниковедения историографии и на концепт «историческая культура», сформированный в проблемном поле интеллектуальной истории. В результате исследования выявлены препятствующие распространению теории факторы как в области исторической культуры, так и имманентные самой концепции. Предложены направления дальнейшего развития концепции – корректировка конфигурации ее сопряженности с актуальной исторической культурой, базовым фактором которой является процесс ренарративизации. Акцентировано внимание на феноменологической составляющей концепта «эмпирическая реальность исторического мира» и на его имманентной структуре, осмысливаемой в источниковедении как проблема классификации исторических источников.

Ключевые слова: когнитивная история, эмпирическая реальность исторического мира, макрообъект исторической науки, неоклассическая модель науки, феноменологическая концепция источниковедения, историческая культура, О. М. Медушевская

Для цитирования: Румянцева М. Ф. Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: итоги / перспективы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808

ВВЕДЕНИЕ

6 октября 2022 года – сто лет со дня рождения Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007), самобытного ученого, методолога, профессора Историко-архивного института. Я считаю Ольгу Михайловну своим Учителем, однако настоящая статья – не только дань уважения ученому, но попытка посмотреть на ее оригинальную концепцию исторического познания в контексте актуальной исторической культуры. Столетие со дня рождения – самодостаточная причина обращения к научному наследию / анализа того, что принято называть «вклад в науку», но суть не в этом, а в том, что концепция когнитивной

© Румянцева М. Ф., 2022

истории О. М. Медушевской в социокультурной ситуации 20-х годов XXI века обретает особую актуальность, но парадоксальным образом остается при этом недовостребованной. Можно назвать всего несколько статей, в которых предпринимается попытка осмыслить теорию когнитивной истории, причем преимущественно с социологической точки зрения [10], [11], [12] или с позиции профессиональной этики / значения для профессионального сообщества гуманитариев [14], [15]. Но Ольга Михайловна вполне определенно заявляла: «Когнитивная история – это прежде всего история, поскольку именно эта наука располагает репрезентативным для изучения феномена человека и человеческого мышления макрообъектом» [8: 269]. Однако применение концепции в качестве методологической основы исторического исследования разработано в еще меньшей степени (например, [17]). На мой взгляд, мало осознана необходимость инструментализации применения концепции. Трансформация теории в метод и далее – в методику / инструментарий исследовательской работы историка полностью соответствует подходу самой Медушевской, которая считала (позволю здесь личные воспоминания о разговорах с Ольгой Михайловной), что один из критериев научности концепции – ее способность к передаче в качестве метода, и ссылалась при этом на Э. Гуссерля, его программную статью «Философия как строгая наука» (1911). Отчасти эту задачу мы (содружество авторов, преимущественно принадлежащих к Научно-педагогической школе источниковедения) попытались реализовать в концептуально обновленном учебном пособии «Источниковедение» [1][1].

Соответственно, вижу задачу настоящей статьи в том, чтобы попытаться выявить причины этой недовостребованности и обозначить перспективы концепции. Знак слеш использован в заглавии статьи (вопреки традиции), поскольку в современном русском языке, имея статус небуквенного орфографического знака, он заменяет одновременно союзы и / или[2], что, на мой взгляд, максимально точно выражает проблему места концепции когнитивной истории в современной исторической культуре: концепция когнитивной истории О. М. Медушевской – это итог развития феноменологической структурной концепции источниковедения, восходящей к русской версии неокантианства, или концепция исторического познания, выходящая за пределы собственно источниковедения и предлагающая перспективу научного познания в XXI веке? Скорее, все-таки и то, и другое. Постараемся уловить момент этого перехода.

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО О. М. МЕДУШЕВСКОЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Естественно, в рамках данной статьи я могу обозначить только основные вехи интеллектуальной биографии О. М. Медушевской[3], но здесь важно синхронизировать ее научное творчество с контекстами исторической культуры второй половины XX – начала XXI века. Медушевская – ученица Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959), ученика и последователя Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), создавшего на эпистемологической основе русской версии неокантианства оригинальную концепцию исторического познания, в основе которой методология источниковедения, опирающаяся на понимание исторического источника как «реализованного продукта человеческой психики…» [3, т. 2: 38]. Эвакуированный из блокадного Ленинграда, А. И. Андреев привнес в Историко-архивный институт концепцию А. С. Лаппо-Данилевского, дальнейшее развитие которой было связано с Научно-педагогической школой источниковедения Историко-архивного института [13]. По работам Медушевской можно проследить все этапы развития Научно-педагогической школы, обнаруживающие тесную, но иногда сложную по своей конфигурации связь с основными трендами развития исторического знания второй половины XX – начала XXI века.

В 1950–1960-е годы Научно-педагогическая школа разрабатывает систему видов исторических источников и видовые методики их анализа. В 1959 году Медушевская публикует лекцию «Воспоминания как источник по истории первой русской революции 1905–1907 гг.»[4], в 1962 году – учебное пособие «Документы профессиональных союзов как источники по истории советского общества»[5]. Казалось бы, рутинная учебно-методическая работа. Но она полностью вписана в общую разработку структурной концепции источниковедения, трансформирующей источниковедение из составляющей методологии истории в самостоятельную научную (суб)дисциплину, имеющую собственный объект исследования – систему видов исторических источников. И в этом контексте у работ Ольги Михайловны своя новаторская специфика: обращение к мемуаристике, которая в позитивистских рамках по причине своей субъективности традиционно считалась «третьесортным» источником, а в феноменологической концепции источниковедения проявила свой богатейший информационный ресурс; анализ источников советского времени (что само по себе уже новаторство) и обращение к массовым источникам как к целостному комплексу.

Концептуальный итог этой работе подводит учебное пособие 1998 года «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» [2][6], где О. М. Медушевская выступила фактическим руководителем проекта и написала разделы по теории, истории и методу источниковедения [2: 19–168]. В то же время она переходит от фундаментальной разработки истории, теории и метода источниковедения к завершению формирования эпистемологической концепции когнитивной истории, которая фиксирует трансформацию источниковедения как (суб)дисциплины исторической науки в научное направление[7].

Таким образом, движение источниковедения от составляющей методологии истории к (суб)дисциплине исторической науки со своим объектом исследования – системой видов исторических источников и далее – к научному направлению, базирующемуся на разработанном О. М. Медушевской понятии «эмпирическая реальность исторического мира», получило концептуальное воплощение в ее научном творчестве. Научное творчество О. М. Медушевской не просто непосредственно связано со становлением и развитием структурной феноменологической концепции источниковедения в Советском Союзе / России (и на постсоветском пространстве, особенно в Белоруссии и на Украине), но и во многом обусловило / фундировало это развитие, создав ему теоретическую базу.

КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ: ИТОГИ

Так случилось, что две ключевые работы, во многом подводящие итог разработки О. М. Медушевской структурной феноменологической концепции источниковедения, восходящей к методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского, были опубликованы уже после смерти Ольги Михайловны в 2008 [8], [9] и в 2010 [7] годах. В этих работах был сформулирован и обоснован концепт «эмпирическая реальность исторического мира» как основание когнитивной истории и истории как строгой науки.

Двадцатая, юбилейная, конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ (31.01–02.02.2008) была задумана как подводящая промежуточный итог развития Научно-педагогической школой источниковедения триединой системы: вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории. К этой конференции Ольга Михайловна подготовила программный доклад, посмертно опубликованный в материалах конференции. Именно в этом докладе был теоретически разработан концепт «эмпирическая реальность исторического мира» как «макрообъект истории в широком смысле», который «изучается наукой истории в своем глобальном единстве синхронного функционирования или в его эволюционном развитии в ходе исторического процесса» [9: 24].

Что делает этот концепт прочным фундаментом научной теории? На мой взгляд, его фундированность / связь с имманентным свойством человека, которое О. М. Медушевская определяет как способность объективировать себя вовне и тем самым осуществлять опосредованный информационный обмен:

> «Главное отличительное свойство человеческого мышления – способность целенаправленно создавать продукт в виде материального образа и осуществлять опосредованный информационный обмен с себе подобными, что и создает возможность взгляда со стороны и, следовательно, создания собственной истории» [9: 24].

Если искать интеллектуальные истоки (именно истоки, а не источники) этого подхода, то парадоксальным (по крайней мере, для самой Ольги Михайловны) образом мы их обнаружим в антропологической концепции Карла Маркса [5], который видел суть природы человека в опредмечивании себя вовне. Анализируя отчуждение труда как фактор антигуманности капитализма, Маркс выявляет истинную природу человека:

> «Практическое созидание *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа <…> человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее <…> именно в переработке предметного мира человек впервые утверждает себя как *родовое существо*» [5: 566].

Экономическо-философские рукописи Маркса были введены в научный оборот только в 1932 году (на англ. яз. в 1959 – советское издание и 1961 – издание Э. Фромма), что вызвало всплеск интереса к марксизму у западноевропейских интеллектуалов, особенно на рубеже 1950–1960-х годов, парадоксально – в период расцвета структурной истории (Вернер Конце в Германии, Фернан Бродель, второе поколение Школы «Анналов» во Франции).

Значение именно «концепции человека» в системе марксизма подчеркивал, например, Э. Фромм, впервые издавший ранние произведения Маркса в переводе на английский язык [16]. Э. Фромм писал о том, что Маркс уже в своих ранних произведениях рассматривал ключевое для его теории понятие «труд» как «реализацию человеческой индивидуальности» [16: 394]. Борясь против некорректных / упрощенных интерпретаций концепции К. Маркса, Э. Фромм замечал:

«Для понимания Марксовой концепции деятельности очень важно вникнуть в его представления о взаимоотношениях субъекта и объекта. Они находятся в неразрывной связи. Каждая вещь может служить усилению собственных способностей субъекта» [16: 390].

Трудно удержаться, чтобы не провести здесь параллели с концепцией О. М. Медушевской. В итоговом труде «Теория и методология когнитивной истории» [8] она отводит обширную первую главу рассмотрению «феномена человека», в центре рассмотрения – понятия «деятельность» и «интеллектуальный продукт».

Итак, концепт «эмпирическая реальность исторического мира», понимаемый как макрообъект исторического познания и основа истории как строгой науки, логично венчает развитие феноменологической концепции источниковедения. О. М. Медушевская осмыслила объект источниковедения как макрообъект исторического познания, тем самым, подчеркнем еще раз, переведя источниковедение из статуса (суб)дисциплины исторической науки в статус направления исторического познания, что открыло перед ним новые перспективы.

КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ

Вполне очевидно, что при выходе из ситуации постмодерна на рубеже XX–XXI веков концепция истории как строгой науки в контексте неоклассической модели науки не может не быть востребованной (см. [4: 250 и след.]). Но, как уже было отмечено в самом начале, неоклассическая по своей сути концепция когнитивной истории очевидно недовостребована. Что же препятствует широкомасштабной рецепции концепции когнитивной истории в актуальном историческом познании, а также переводу ее на уровень метода и исследовательского инструментария?

Возьму на себя смелость эксплицировать несколько факторов, как относящихся к специфике актуальной исторической культуры, так и имманентных самой концепции когнитивной истории. Уже во Введении к «Теории и методологии когнитивной истории» автор определяет позицию концепции когнитивной истории в актуальной исторической культуре:

«Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм <…> По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания <…> Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания, не общепризнана и представлена исключениями» [8: 15–16].

И здесь практически невозможно оспорить позицию автора, но я все-таки предложила бы одно уточнение: соглашаясь с «сосуществованием», не стала бы говорить о «противоборстве». К концу 2000-х годов становится все более очевидным, что выход из ситуации постмодерна, маркерами которой являются кризис доверия к метанарративу (по утверждению Ж. Ф. Лиотара[8]) и своего рода мода на микроисторию, обусловил процесс ренарративизации и борьбы / войны нарративов (см., например: [6: 170–253]). К 2020-м годам стало еще более ясно, что ренарративизация – ведущий тренд актуальной исторической культуры. Если так, то есть ли смысл ему «противоборствовать»? Возможно, стоит попытаться самоопределиться по отношению к нему. При этом необходимо учитывать, что на рубеже XX–XXI веков, как раз при выходе из ситуации постмодерна, происходит фактически разрыв социально ориентированного историописания, представленного по преимуществу нарративами разных уровней, и истории как строгой науки[9]. Каждый из типов исторического знания занимает свою собственную социокультурную нишу. Фактически мы имеем дело с параллельным существованием постнеклассической модели науки, занимающейся «социальным конструированием реальности»[10], и неоклассической модели, стремящейся к строгой научности. И в этих условиях одна из существенных задач истории как строгой науки – проводить деконструкцию нарративов в предметном поле источниковедения историографии / изучать их с «позиции вненаходимости», а не вступать с ними в полемику / «противоборство».

В характеристиках самой концепции я бы выделила два аспекта: один, относящийся к определению исторического источника, второй – к классификации исторических источников, то есть фактически к определению внутренней структуры *макрообъекта исторической науки* – «эмпирической реальности исторического мира».

О. М. Медушевская акцентирует внимание на эмпирическом характере макрообъекта исторической науки, меньше внимания уделяя его феноменологической составляющей:

«Главное, что важно здесь, это вещественность, эмпирическая данность объекта, существующего стабильно, независимо от исследователя, как вещь сама по себе. Следовательно, именно эмпирически данные объекты и составляют общую совокупность, которую изучает историческая наука» [8: 246].

И далее:

«Макрообъект когнитивной истории реально существует, имеет свою эмпирическую основу. Ее составляет универсум интеллектуального продукта, представляющего собой воплощенный в материальный объект набор идей» [8: 284].

Эмпирический характер макрообъекта, конечно же, неоспорим. Но есть существенный нюанс. А. С. Лаппо-Данилевский, а именно от его концепции источниковедения отталкивается О. М. Медушевская, действительно определял исторический источник как «реализованный (то есть объективированный / овеществленный. – *М. Р.*) продукт человеческой психики…» [3, т. 2: 38], но далее он пишет:

«Всякий, кто утверждает, что исторический источник есть продукт человеческой психики, должен признать, что исторический источник в известной мере есть уже его построение. В самом деле, то психическое значение, которое историк приписывает материальному образу интересующего его источника, в сущности не дано ему непосредственно, т. е. недоступно его непосредственному чувственному восприятию; он построяет психическое значение материального образа источника, заключая о нем по данным своего опыта…» [3, т. 2: 38].

Таким образом, и в этом случае мы имеем дело со своего рода «социальным конструированием реальности». Учет этого обстоятельства, на мой взгляд, может способствовать эффективности противостояния (именно противостояния, то есть стояния на своей позиции, а не противоборства) истории как строгой науки постнеклассическим концепциям исторического познания.

О. М. Медушевская провела глубокий анализ имманентной структуры макрообъекта исторического познания:

«Совокупность <…> объектов на данном эмпирическом уровне может быть определенным способом структурирована <…> Исследователь, проведший такую работу <…> в результате уже имеет дело не с “хаосом” исторических остатков, но с определенными по месту и времени своего создания культурными объектами. Следовательно, время, которое эти продукты фиксируют, оказывается отнюдь не прошлым, а непосредственно наблюдаемым. Более того, за каждым интеллектуальным продуктом <…> стоит определенная цель – человеческий замысел, реализованный и состоявшийся» [8: 248].

И далее О. М. Медушевская утверждает имманентность структурированности самому макрообъекту исторической науки:

«В качестве общего положения можно говорить о том, что совокупный интеллектуальный продукт, созданный в ходе исторического процесса, не представляет собой неструктурированной массы, но, напротив, обладает имманентным свойством структурированности и взаимосвязанности. Интеллектуальные продукты, создаваемые людьми, структурированы в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены» [8: 258].

Таким образом, в качестве основы структурирования макрообъекта исторической науки О. М. Медушевская выделяет целеполагание создателя интеллектуального продукта и социальную функцию создаваемой вещи. И здесь невозможно не согласиться с тем, что автор структурирует объект по его фундаментальным характеристикам. Но для специалиста, знакомого с теорией источниковедения, заметно, что проведенный анализ применим скорее к видовой структуре корпуса исторических источников, их типология остается несколько в тени, тогда как очевидно, что исторический тип культуры (социальной памяти) тесно связан в первую очередь с письменными источниками, но визуальный, а затем и вещный (вещественный) повороты также требуют осмысления в контексте анализа структуры макрообъекта исторической науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще раз подчеркну, что высказанные соображения не носят характер критики концепции когнитивной истории: автор концепции, естественно, имела право акцентировать внимание на тех аспектах, на которых считала нужным сосредоточиться, и нельзя не признать, что это действительно принципиально важные аспекты, особенно в противостоянии «культу текста» и «смерти автора» в ситуации постмодерна. Но развитие отмеченных выше аспектов, на мой взгляд, создает дополнительные перспективы истории как строгой науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первое издание: Источниковедение: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская; Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.

[2] Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. § 114, п. 1.

[3] Подробнее см.: Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Медушевская О. М. Теория исторического познания: Избр. произведения / Сост. И. Л. Беленький; Науч. ред. И. И. Ремезова. СПб.: Университетская книга, 2010. С. 534–564.

[4] Медушевская О. М. Воспоминания как источник по истории первой русской революции 1905–1907 гг.: Пособие по источниковедению истории СССР: [Лекция]. М., 1959. 43 с.

[5] Медушевская О. М. Документы профессиональных союзов как источники по истории советского общества: Пособие по источниковедению истории СССР советского периода. М., 1962. Ч. 1: 1917–1920 гг. 52 с.
[6] Учебное пособие переиздавалось в 2000 и 2004 годах.
[7] Дефиниции понятий «дисциплина исторической науки», «научное направление» см.: Теория и методология исторической науки: Терминол. словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. С. 93–94, 311–312.
[8] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. С. 10.
[9] Подробнее см.: Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 252 с.
[10] Понятие разработано в знаковой для постнеклассической науки книге 1966 года: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источниковедение: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков [и др.]; Отв. ред. М. Ф. Румянцева. 2-е изд., испр. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 685 с.
2. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие для гуманитарных специальностей / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
3. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1–2.
4. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 339 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. С. 517–642.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
7. Медушевская О. М. Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1. С. 23–84.
8. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 358 с.
9. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: В 2 ч. М.: РГГУ, 2008. С. 24–34.
10. Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22.
11. Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92.
12. Медушевский А. Н. Российская социологическая мысль: ключевые концепции в свете когнитивной теории // Мир России. 2015. № 3. С. 108–132.
13. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сборник / Сост.: Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева; Отв. ред. В. А. Муравьев. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 227 с.
14. Сабенникова И. В. Научная школа Ольги Михайловны Медушевской: момент истины в российском гуманитарном познании // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 584–596. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-2-584-596
15. Сабенникова И. В. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской: точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // Вестник РУДН. Серия: История России. 2015. № 2. С. 17–27.
16. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375–414.
17. Юдин К. А. Когнитивная история и применение информационно-когнитивного подхода к истории сталинизма в новейшей историографии // На пути к гражданскому обществу: Научный журнал. 2015. № 3 (19). С. 82–92.

Поступила в редакцию 09.02.2022; принята к публикации 30.06.2022

Original article

Marina F. Rumyantseva, Cand. Sc. (History), Associate Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2448-3417; m_roumiantseva@hse.ru

OLGA MIKHAILOVNA MEDUSHEVSKAYA'S CONCEPT OF COGNITIVE HISTORY: RESULTS / PROSPECTS

Abstract. The concept of cognitive history offered by O. M. Medushevskaya (1922–2007) is analyzed in the context of the historical culture of the 2010s and the 2020s. The relevance of the work is due to the need to establish the

concept of history as a rigorous science in the context of renarrativization, a trend of modern historical culture accompanied by a deepening gap between historical science and socially oriented historiography. The novelty of the work lies in the consideration of the neoclassical model of historical science at the junction of two historical cultures amid the drastic shift of historical culture from postmodern to post-postmodern. The problem of the study is to determine the place of the concept of cognitive history in the context of modern historical culture. The aim of the study is to explicate the factors determining the insufficient demand for the concept of cognitive history despite the undoubted relevance of the neoclassical model of historical cognition in the context of overcoming the postmodern paradigm. The objectives of the work are to consider the concept of cognitive history from two perspectives: as the completion of more than a century-old tradition of the development of the phenomenological structural concept of source studies dating back to the Russian version of neo-Kantianism (A. S. Lappo-Danilevsky), and from the point of view of its future prospects for the social knowledge of the XXI century. Special attention is paid to the immanent properties of such a basic concept of cognitive history as the "empirical reality of the historical world", which completes the transformation of the object of source studies from a historical source through a system of types of historical sources to the macro object of historical cognition establishing the empirical basis of history as a rigorous science. The research uses the methodology of cognitive history based on the phenomenological concept of source studies of the historiography and the concept of "historical culture" formed in the problem field of intellectual history. The research resulted in revealing the factors preventing the spread of the theory pertaining to the field of historical culture and immanent to the concept itself. The paper offers the directions for the further development of the concept – namely, adjusting the configuration of its conjugacy with the actual historical culture, the basic factor of which is the process of renarrativization. The focus is on the phenomenological component of the concept of the "empirical reality of the historical world" and on its immanent structure, interpreted by source studies as the problem of classification of historical sources.

K e y w o r d s : cognitive history, empirical reality of the historical world, macro object of historical science, neoclassical model of science, phenomenological concept of source studies, historical culture, O. M. Medushevskaya

F o r c i t a t i o n : Rumyantseva, M. F. Olga Mikhailovna Medushevskaya's concept of cognitive history: results / prospects. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(6):60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808

REFERENCES

1. Source studies: study guide. Danilevsky, I. N., Dobrovolsky, D. A., Kazakov, R. B. et al. (M. F. Rumyantseva, Ed.). Moscow, 2019. 685 p. (In Russ.)
2. Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History: study guide for humanitarian majors. Danilevsky, I. N., Kabanov, V. V., Medushevskaya, O. M., Rumyantseva, M. F. Moscow, 1998. 702 p. (In Russ.)
3. L a p p o - D a n i l e v s k y , A . S . Methodology of history: [In 2 vols.]. Moscow, 2010. Vol. 1–2. (In Russ.)
4. L u b s k y , A . V . Alternative models of historical research. Moscow, 2005. 339 p. (In Russ.)
5. M a r x , K . Economic and philosophic manuscripts of 1844. *Marx, K., Engels, F. Selected early works.* Moscow, 1956. P. 517–642. (In Russ.)
6. M e g i l l , A . Historical epistemology. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.)
7. M e d u s h e v s k a y a , O . M . Methodology of history as a rigorous science. *Lappo-Danilevsky, A. S. Methodology of history: [In 2 vols.].* Moscow, 2010. Vol. 1. P. 23–84. (In Russ.)
8. M e d u s h e v s k a y a , O . M . Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
9. M e d u s h e v s k a y a , O . M . Empirical reality of the historical world. *Auxiliary historical disciplines – source studies – methodology of history in the system of humanitarian knowledge: Proceedings of the XX international research conference. Moscow, January 31 – February 2, 2008: in 2 parts.* Moscow, 2008. P. 24–34. (In Russ.)
10. M e d u s h e v s k y , A . N . Cognitive information theory in modern humanitarian cognition. *Russian History.* 2009;4:3–22. (In Russ.)
11. M e d u s h e v s k y , A . N . Cognitive information theory as a new philosophical paradigm of humanitarian cognition. *Voprosy filosofii.* 2009;10:70–92. (In Russ.)
12. M e d u s h e v s k y , A . N . Russian sociological thought: key concepts in light of cognitive theory. *Universe of Russia.* 2015;3:108–132. (In Russ.)
13. Scientific and pedagogical school of source studies of the Historical and Archival Institute: collection of works. (R. B. Kazakov, M. F. Rumyantseva, Comp., V. A. Muravyov, Ed.). Moscow, 2001. 227 p. (In Russ.)
14. S a b e n n i k o v a , I . V . Research school of Olga Mikhailovna Medushevskaya: the moment of truth in the Russian humanitarian knowledge. *Herald of an Archivist.* 2022;2:584–596. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-2-584-596 (In Russ.)
15. S a b e n n i k o v a , I . V . Theory of O. M. Medushevskaya's cognitive history: precise knowledge in humanities and professional choice of academic community. *RUDN Journal of Russian History.* 2015;2:17–27. (In Russ.)
16. F r o m m , E . Marx's concept of man. *Fromm, E. The soul of man.* Moscow, 1992. P. 375–414. (In Russ.)
17. Y u d i n , K . A . Cognitive history and the application of the information and cognitive approach to the history of Stalinism in modern historiography. *Towards a Civil Society: Academic Journal.* 2015;3:82–92. (In Russ.)

Received: 9 February, 2022; accepted: 30 June, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 67–74 2022

Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.798
УДК 9.94(519)

Всеобщая история

ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ СМЕРТИН
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения факультета истории, социологии и международных отношений
Кубанский государственный университет
(Краснодар, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0432-0197; usmer@hotmail.com

ИСТОРИЯ КОРЕЙСКОГО ТЕАТРА СИНПХА: РОЖДЕНИЕ НОВОГО ЖАНРА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Актуальность работы определяется слабой изученностью и недостаточным осмыслением процессов трансформации культурных ориентиров корейского общества в условиях колониальной зависимости от Японии. Научная новизна состоит в том, что в отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные становлению и развитию театра Синпха. В западной исторической науке есть только отдельные упоминания об этом культурном феномене или краткие статьи в театральных энциклопедиях и справочниках. Цель статьи – исследовать процесс становления современной (в отличие от традиционной) театральной культуры Кореи на примере театра Синпха в условиях колониальной зависимости от Японии. Для достижения цели решаются следующие задачи: во-первых, определить степень влияния японской культуры на корейское колониальное общество; во-вторых, проследить процесс возникновения и становления корейского Синпха; в-третьих, проанализировать приемы и способы воздействия актеров на зрительскую аудиторию. Заявленная проблема рассматривается в связи с внешне- и внутриполитическими условиями колониальной Кореи. В работе использовались принцип историзма, подразумевающий исследование событий и явлений прошлого с учетом исторических особенностей и причинно-следственных связей, и цивилизационный подход к изучению истории, который применялся при рассмотрении культурных особенностей корейского общества, влиявших на процессы его модернизации в начале XX века. Показано, что, несмотря на японское происхождение театра Синпха, его воспроизведение и модификация в Корее отвечали запросам общества, стремившегося выйти из многовековой культурной изоляции. Сделан вывод, что театр Синпха заложил основы корейского театрального искусства, а жанр мелодрамы стал во многом определяющим для параллельно развивавшегося киноискусства.

Ключевые слова: Корея, Япония, театр, Синпха, культура, традиции, модернизация

Для цитирования: Смертин Ю. Г. История корейского театра Синпха: рождение нового жанра в начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 67–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.798

ВВЕДЕНИЕ

История корейского театра Синпха начинается в Японии периода реставрации Мэйдзи, ставшей на путь реформирования политических и социально-экономических институтов. Перемены коснулись и культуры; их целью было внедрение новых, частично вестернизированных ценностей в сознание городского населения, которому предстояло сделать Страну восходящего солнца конкурентоспособной в глобализировавшемся мире. В 1880-х годах эти тенденции нашли выражение в создании нового театра, получившего название *синпа* (‘новая школа’), а традиционные театральные жанры, в частности кабуки, были отнесены к *кюха* (‘старая школа’). Основателями театра Синпа стали отставной полицейский Судо Садаори и драматург Каваками Отодзиро, оба члены Либеральной партии (основана в 1881 году), выступавшей за демократизацию всех сторон жизни общества [14]. Нововведения касались прежде всего репертуара, спектакли стали более реалистическими, они отражали современные события в Японии, критиковали социальные предрассудки, отсталость традиционного быта и т. п. Многие драмы Синпа изображали проблемы нового среднего класса, например, историю главного героя, преодолевающего свое низкое социальное положение, определенное происхождением. Актеры носили костюмы эпохи Мэйдзи и воспроизводили поведение обычных людей, но в более простой и преувеличенной форме, а сюжеты от-

© Смертин Ю. Г., 2022

личались мелодраматизмом [12: 45]. Также адаптировалась западная классика, в частности творчество Шекспира, и нашумевшая в Европе пьеса «Монте-Кристо», созданная А. Дюма и О. Маке по мотивам знаменитого романа.

Продолжительность спектаклей резко сократилась по сравнению с представлениями Кабуки. Однако по-прежнему использовались традиционные музыкальные инструменты и театральные маски, спектакли давали мужские труппы оннагата, хотя иногда на сцене стали появляться женщины. Первоначально пьесы сочинялись актерами труппы и дорабатывались во время представлений. Пик популярности театра Синпа приходится на начало 1890-х годов, когда стали ставиться пьесы, адаптировавшие произведения японских писателей Идзуми Кёка, Одзаки Коё, Токотуми Рока, последний встречался в Ясной Поляне с Львом Толстым, повлиявшим на его жизнь и творчество. Однако, несмотря на обновление репертуара, Синпа «широко использовал коллективную память о прошлых [традиционных] драмах» [7: 16]. Это были попытки переплести классические японские формы театральных представлений с западными текстами. В этих мелодраматических пьесах часто использовались традиционные для Кабуки приемы конфликта социальных обязательств с любовью или другими чувствами.

История японского театра Синпа и его влияние на кинематограф отражены в работах М. Поултона [14], Д. Бернарди [4]. При изучении становления и развития *Синпха* (корейское произношение японского названия *Синпа*) в Корее прежде всего следует выделить труд корейских исследователей Но Сынхи [18] и Ан Чхонхва [15], исследующих феномен нового корейского театра в процессе его становления и развития. О влиянии Синпха на современный корейский театр писали Чо Огон [5], Ли Духён [16]. Ли Сунчжин [10] подробно рассматривает, как театральная мелодрама стала органической частью корейского кинематографа в колониальный период. Со Ёнхо исследует феномен Синпха в контексте социальной и культурной истории. Он справедливо считает, что театр является «средством выражения духа своего времени» [19: 19]. Ценные сведения по этой теме содержатся в корейской периодической печати того времени.

ЯПОНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ

В Корее, которую на Западе называли «королевством-отшельником» за многовековую самоизоляцию, в конце XIX – начале XX века происходили драматические перемены. В 1876 году она была вынуждена подписать договор о содружестве и торговле с Японией, а затем подобные договоры были заключены с западными державами и Россией, что означало открытие границ. В 1905 году был подписан договор о протекторате Японии над Кореей, по которому последняя лишалась права на самостоятельную внешнюю политику и, по существу, потеряла свою независимость. Началось переселение японцев на корейские земли.

Японские чиновники и торговцы обустраивались в Сеуле, в районах Мёндон, Чунмуро и Намдэмун. В то время в столице проживали около 199 тысяч человек. Из них 16 643 были японцами [20: 379]. Они нуждались в развлечениях, поэтому строили театры в своих районах и приглашали японские театральные труппы Синпа в Корею.

«Открытие» Кореи привело к притоку новых идей. Популярным и модным становится понятие *син*, которое в корейском языке, как и в японском, означало ‘новый’ и символизировало прогресс. Этим термином обозначалась всякая новизна: новая литература, новые идеи, новая цивилизация. В соответствии с этими переменами театр тоже должен был измениться. Газета «Тэхан мэиль синбо», издававшаяся еще формально независимыми корейскими властями, провозглашала, что новый театр должен знакомить зрителей с

> «волнующей историей героев, посмотрев которую даже человек без образования будет чрезвычайно впечатлен. Можно посмотреть историю верного патриота, которая учит человека быть более усердным»[1].

Таким образом, герой и его достижения были на первом плане, а в качестве образца, каким должен быть театр, предлагался японский театр Синпа. Эти идеи нашли благодатную почву у части корейской общественности. Корейский театр эпохи перемен стал называться Синпха.

В Корее были свои популярные представления театрального типа – *пхансори*, возникшие в начале XVIII века из шаманских ритуалов и постоянно совершенствовавшиеся. Архетипичные сюжеты пьес черпались из народных легенд, сказаний, китайского классического романа «Троецарствие» и т. п. Представление, длившееся 6–8 часов, состояло из песенных частей, разговорных пассажей и не нуждалось в специально оборудованной сцене. Единственный актер *квандэ* под барабанный ритм играл роли мужчин и женщин всех возрастов и даже озвучивал природные явления. При этом он мог импровизировать и отходить от текста, вводить элементы непритязательного юмора и социальной сатиры, приспосабливаясь к аудитории. Зрители-слушатели бурно реагировали на происходившее,

хлопали в ладоши, стучали ногами, особенно в конце спектакля. Отчасти можно согласиться с мнением Ким Джуми, что эти спектакли были «средством катарсиса для низших классов, недовольных коррупцией аристократии и нобилитета» [9: 28]. Однако для простонародья это было прежде всего развлечением.

В Корее, как и в Китае, существовал радикальный разрыв между культурой малочисленных образованных верхов общества, базировавшейся на письменном китайском языке (*ханмуне*), и культурой неграмотного простонародья, в основе которой лежало устное слово. Естественно, что пхансори, тесно связанное с устным народным творчеством, считалось вульгарным развлечением с точки зрения высших классов. Эта пропасть между высокой и низкой культурами стала несколько уменьшаться благодаря интеллектуальному движению Сирхак (‘реальные знания’), в котором участвовали многие корейские ученые в XIX веке. Они стремились отказаться от традиционной и безусловной ориентации на Поднебесную империю в духовной сфере и пытались строить государственную политику и идеологию на исконно корейских ценностях и институтах, что не исключало заимствований как из Китая, так и с Запада.

Движение Сирхак стимулировало развитие пхансори, и эта форма искусства приобрела широкую популярность среди разных слоев общества, включая высшие. Некоторые устные пьесы обрели текстуальное оформление и некий более глубокий смысл, чем тот, что лежал на поверхности народной легенды [13: 66].

С возникновением Синпха театр Пхансори стал маркироваться как Купха (‘Старая школа’), и отношение к этому жанру становилось у образованного класса негативным. «Тэхан мэиль синбо» писала:

> «Подобные развлечения, где бестактные мужчины и глупые женщины развратно танцуют и зачитывают распутные юмористические рассказы, пагубны для страны»[2].

Япония, уже долгое время осваивавшая западные технологии и пользовавшаяся поддержкой Запада, решила играть роль гегемона в Восточной Азии. В 1910 году она вынудила корейское правительство подписать «Корейско-японский договор о соединении», что означало аннексию Корейского полуострова и колониальное подчинение Страны утренней свежести [1: 766]. Поначалу японцы установили в Корее так называемый сабельный режим (1910–1919) [2: 70], при котором осуществлялась жесткая, а подчас и жестокая, политика подавления любых патриотических движений, насаждения японского языка в образовании, искоренения корейской культуры. Это вызвало в 1919 году общенациональное сопротивление, в основном ненасильственного толка, известное как Первомартовское движение, объединившее самые разные слои общества, выступавшие за независимость. Размах восстания заставил колониальные власти пересмотреть наиболее одиозные аспекты политики, задуматься о расширении своей социальной базы. Часть интеллектуальной и деловой корейской элиты, получив низшие административные должности и возможность заниматься бизнесом, пошла на сотрудничество с японцами. Такой коллаборационизм имел и идейные основания. Один из ведущих литературных критиков Им Хва (1908–1953) так обосновывал этот феномен: «Запад был слишком далек и незнаком, и только слова “Япония” и “Токио” ассоциировались с “цивилизацией” и “современностью”» [12: 43].

«Сабельный режим» сменился эпохой «гуманного правления» (1919 – начало 1930-х годов).

> «В это время появляются кинематограф и радио, современная медицина и парфюмерия, горожане начинают отдавать предпочтение европейскому типу одежды, неотъемлемой частью повседневной жизни становятся газеты и журналы. <…> Корейцы стали лучше жить и в бытовом отношении, повысился уровень их культуры и благосостояния, медицинского обслуживания и образовательных услуг, увеличилась продолжительность жизни, неуклонно росла доля грамотного населения»,

– отмечает известный кореевед И. А. Толстокулаков [3: 50]. Не только влиятельные люди, но и значительная часть корейского общества еще не ощущали «гуманное» колониальное правление как трагедию. Они надеялись изменить страну, используя японский опыт в модернизации традиционного общества.

СТАНОВЛЕНИЕ КОРЕЙСКОГО СИНПХА

В 1911 году был основан корейский театр Синпха. Актер Им Сонгу (1887–1921) создал театральную труппу Хёксиндан (Группа новаторов) и поставил спектакль под названием *«Пурхё чхонболь»* (Небесное наказание за непочтение к родителям) на сцене театра Намсон-са. Им Сонгу знал японский язык, и это была переделанная пьеса японского театра Синпа «Навязчивая идея змеи». Основатель нового театра вместе с единомышленниками выдвигал лозунги «поощрения добра и наказания зла», «просвещения», «приверженности патриотизму», «улучшения нравов». Сюжеты большинства спектаклей этой труппы неизвестны, но, судя по их названиям – «Слезы», «Человек, сделавший себя сам», «Снег на фрон-

те», деятели Хёксиндан следовали провозглашенным ценностям [22: 178].

Можно сказать, что корейский театр Синпха начала 1910-х годов – это пересадка на корейскую почву японского Синпа. Поначалу в основном ставили спектакли в стиле Кабуки, мужчины исполняли женские роли, применялась импровизация, «звездная система» (когда внимание уделяется только главному герою). Декорации и реквизит были японскими, поскольку почти все театральные здания в Корее принадлежали японцам, и труппы Синпха использовали их имущество [15: 98–99]. Литературной основой пьес стали переделанная японская проза и сценарии японского Синпа. Это были мелодрамы, сосредоточенные на эмоциональном конфликте между добром и злом, отжившими традициями и социальными новациями[3].

В 1912 году появились новые труппы театра Синпха, такие как Юильдан (Единственная группа) и Мунсусон (Литературная звезда), основанные интеллектуалами, получившими образование в Японии в период пика популярности Синпа. У них были эстетические расхождения с Им Сонгу. Юн Пэннам (1888–1954), основатель Юильдан, настаивал на соблюдении традиций японского Синпа, невзирая на культурные и социальные различия аудиторий двух стран. Он осуждал труппу Хёксиндан за то, что их пьесы отклонялись от правильных норм жанра [6: 145–146]. Однако эти пуристы также рассматривали свою деятельность как социальную функцию, стремились просвещать народ, улучшать общественные нравы. Но они не смогли добиться той популярности, которой пользовались спектакли Хёксиндан [16: 62].

Самой жизнеспособной труппой театра Синпха оказалась Хёксиндан. В 1912 году Им Сонгу поставил спектакль *«Юкхёльпхо кандо»* (Вооруженное ограбление) с захватывающим сюжетом, что укрепило интерес к театру Синпха. Наибольший зрительский отклик получали военные и детективные спектакли. Это были переделки японских синпа. В них персонажи и драматические ситуации заменялись корейскими элементами, что напоминало зрителям об их национальной идентичности [12: 49].

Как и в японских спектаклях синпа, главной темой был призыв к совершению добрых дел, отказу от консервативных обычаев, интеллектуальному развитию народа, максимальному трудолюбию. В те времена сами актеры были весьма расположены к этим темам. Они полагали, что герои спектакля должны быть необычными, выдающимися личностями. Можно привести в пример спектакль *«Юкхёльпхо кандо»*, который пользовался огромной популярностью у зрителей. Главный герой, полицейский (его играл Им Сонгу), очень переживал из-за случившегося вооруженного ограбления. Он считал, что долг полицейского – охранять благочестивых граждан, но поймать грабителя было нелегко, он испытывал «безграничные трудности». В итоге он настиг злодея, а сам погиб от пули [21: 154]. Главные герои других спектаклей также побеждали врагов, преодолевали все беды, доказывали верность родине, защищали мирных жителей от негодяев. Какие бы препятствия ни выпадали на их долю, они оставались героями и выдающимися личностями, всегда выполнявшими свой долг. Поэтому исполнявший главную роль Им Сонгу, даже будучи в образе рикши, был одет в блестящий шелковый наряд[4], что свидетельствовало о его неординарности.

Другой особенностью театра Синпха была уникальная роль лидера труппы. Он руководил актерами, отвечал за сценарий и выбор пьесы, декорацию сцены, грим, рекламу и даже распечатку билетов [17: 69]. Для привлечения зрительского интереса он должен был обеспечить богатый репертуар и иметь возможность поменять его в любое время в случае падения популярности спектакля. Из-за нестабильности репертуара оставалось мало времени на репетиции, и распределение ролей проводилось через так называемое краткое изложение рассказа, где в общих чертах оговаривались действия актеров на сцене, а также уход со сцены. Во время спектакля, по обыкновению, царила импровизация. Поняв сюжет, актеры не опирались на сценарий и были свободны в своих действиях на сцене. По этой причине один и тот же спектакль мог длиться в один день 40 минут, а в другой – больше часа [9: 87]. Такой тип спектаклей не нуждался в длительных репетициях, так как был рассчитан на личные способности актера. Но для некоторых сцен проводились специальные репетиции. Например, в то время в театре Синпха самыми популярными были «сцены драки». В этом случае актеры заранее тщательно сверяли и просчитывали свои движения. Эти сюжеты были настолько популярны, что зрители, прежде чем купить билеты, проверяли наличие «сцен драки».

МАСТЕРСТВО АКТЕРА

Актерское мастерство было главным элементом театра Синпха. В целом оно основывалось на трех моментах. Во-первых, за основу было взято актерское мастерство театра Кабуки. Оно было в большей степени стилизованным и искусствен-

ным. Игра актеров, то, как они плачут, смеются, говорят и двигаются, зависит от пола, возраста и положения в обществе. Японский театр Синпа с самого начала подражал стилю Кабуки. В свою очередь начинающие труппы Синпха в Корее делали то же самое. Во время спектакля, наполненного импровизацией и красноречивыми текстами, актеры обращались не друг к другу, а исключительно к зрителю [18: 103]. Во-вторых, надо учитывать, что «звездная система» также оказала влияние на театр Синпха. Главный ее секрет заключался в том, что успех или провал спектакля зависел от игры исполнителя главной роли. Как правило, главный герой произносил огромный монолог в возвышенном поэтическом стиле, пытался проявить свою актерскую технику, умение говорить и старался выставить жизнь героя в привлекательном свете. Им Сонгу был большим мастером таких монологов и, кого бы он ни играл, всегда вознаграждался аплодисментами. В роли грабителя он был похож на Робин Гуда, в роли воина – на благородного вассала, в роли друга – на великодушного человека. Поэтому зрители ходили на спектакли в основном ради Им Сонгу[5]. В-третьих, тогдашние театральные условия и культура просмотра также оказали влияние на актерское поведение. Чтобы удержать зрителей в театре, в шумной атмосфере, без акустики, актеры изо всех сил выкрикивали текст и старались подчеркнуть действие движениями тела. У театра Синпха не было литературной драматической структуры, он не мог привлечь внимание зрителей содержанием, поэтому пытался удержать их зрительными и слуховыми эффектами, а также режиссерским изобретательством. Типичный способ – это использование так называемого монолога лидера. Чтобы зрителю не было скучно, главный герой произносил свои монологи хрипловатым голосом и в преувеличенной манере.

РАЗВИТИЕ СИНПХА

Синпха внес свой вклад в создание новой культуры корейского театра, отделил область нового театрального искусства от традиционного стиля представлений. Приблизившись к народу, он имел развлекательный характер, но выполнял и просветительскую роль, взяв на себя распространение идей новой культуры. Однако самое главное состоит в том, что театр Синпха многое сделал для создания новой пьесы.

В начале 1910-х годов сценарий не был основой спектаклей театра Синпха. Главным было умение говорить. Вначале актер знакомился с характером роли, а затем, в соответствии с ситуацией, сочинялся текст спектакля, в основе которого была переделка японского произведения. Структура и персонаж оригинала оставались нетронутыми, а пьеса дополнялась новыми идеями. Позже в сценарии стали вноситься новые образы и идеи, почерпнутые из корейской художественной литературы и романов «с продолжением», печатавшихся в газетах. Впервые героями постановок становятся обычные люди. Однако, как отмечают исследователи Синпха, отображение внутренней психологии простого человека было еще наивным и прямолинейным[6]. Сценарии были краткими. Часто они умещались на небольшом листке бумаги и представляли собой непосредственный отклик на текущие события, даже газетные новости. Пьес, основанных на авторских сценариях, практически не было.

Однако такое положение дел не могло продолжаться долго, поскольку крепнущее корейское самосознание требовало от театра новых идей, далеких от подражания японским образцам. Первой авторской стала пьеса Чо Ильдже *«Пёнчжа самин»* (Трое больных, 1912). Таким образом, в рамках театра Синпха рождалась новая корейская драма, которая получит свое развитие в следующие десятилетия.

Синпха повлиял и на корейское кино. Некоторые актеры этого театра, такие как Им Сонгу, Ким Досан и Ли Гисе, стали снимать немые мелодрамы. По закону жанра они были сентиментальными, строились на конфликтах между сильным и слабым, богатым и бедным, любовью и долгом.

И новый театр, и немые фильмы в стиле Синпха пользовались большой популярностью. Зрители сопереживали главным героям, уходили от негативных переживаний. Такие драмы «легко воспринимались публикой <…> которая, находясь в ситуации потери своей государственности, достигала консенсуса слез»[7]. Набиравшая силу корейская киноиндустрия как коммерческое предприятие использовала увлеченность публики мелодраматическими сюжетами театра Синпха. С 1923 года, времени становления корейского кинематографа, до 1939 года, когда оккупационные власти ужесточили отношение к национальной культуре, были сняты 84 фильма-синпха (65,6 % от всех произведенных картин) [11: 33]. Наиболее националистически ориентированные корейцы проецировали обыгрывавшиеся житейские конфликты на политическую ситуацию и укреплялись в стремлении противостоять колониальному подчинению.

У Синпха были и есть свои критики. Представители корейской прогрессивной интеллигенции в период оккупации обвиняли Синпха

в подражании японскому искусству, уклонении от обсуждения злободневных проблем, связанных с освобождением страны, уходе в мещанскую повседневность и т. п. В 1945 году с уходом японцев из Кореи этот театр прекратил свое существование. Некоторые современные корейские исследователи считают, что эти мелодрамы отражали ранние тенденции корейской популярной культуры, которая в условиях колониальной действительности легко вырождалась в «пораженческое самобичевание» или жалость к себе в мрачных реалиях. Такие спектакли умело использовались в качестве идеологического инструмента для облегчения и легитимизации японского колониального правления на Корейском полуострове под маской современности, а это было препятствием для строительства свободной нации[8]. Но большинство ученых считают, что спектакли Синпха перебросили мост между традиционным и реалистическим театрами и определили основные тенденции развития современного популярного театра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Колониальный период в истории Кореи – явление сложное и многоплановое. Это эпоха утраты государственного суверенитета, гонений на национальную культуру, социальной фрустрации. Но также это время знакомства с более передовой культурой Японии, вставшей на путь заимствования и адаптации западных достижений в различных областях жизни. Многие представители образованного класса, сотрудничая с японцами, надеялись извлечь пользу для себя и страны и совершить цивилизационный рывок в новый мир.

Театр Синпха вначале был репликой японского Синпа, пересадкой элементов чужой культуры на корейскую почву. Этот мелодраматический жанр привлекал многих корейцев своей новизной, обращением к современным проблемам, осуждением отживших традиций и т. п. 1910–1920-е годы были по-своему плодотворными для Синпха. Корейские режиссеры и актеры стали вводить в спектакли корейские реалии, инсценировать национальные литературные сюжеты, что находило горячий отклик у публики. В значительной степени популярность театра основывалась на актерском мастерстве его лидера. В это время были заложены основы современного театра и популярной культуры. Современные южнокорейские дорамы во многом используют методы и приемы театра Синпха.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Daehan Maeil Sinbo. 29.11.1907.
[2] Daehan Maeil Sinbo. 12.07.1908.
[3] Daehan Maeil Sinbo. 12.07.1908.
[4] Maeil Sinbo.23.05.1912.
[5] Maeil Sinbo. 23.04.1916.
[6] Ким Чун Юн. Произведения русских писателей на корейской сцене 1910–1930-х годов: Автореф. дис. … канд. искусствоведения. СПб., 1998. 179 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/proizvedeniya-russkikh-pisatelei-na-koreiskoi-stsene-1910-1930-e-gody (дата обращения 22.02.2022).
[7] Hanguk Minjok Munhwa Daebaekgwasajeon (Большая энциклопедия корейской национальной культуры). 1995 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0036702 (дата обращения 22.02.2022).
[8] Cho, Eunson. Transnational Modernity, National Identity, and South Korean Melodrama (1945–1960s): Ph. D diss. Los Angeles: Graduate School University of Southern California, 2006. P. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пак М. Н. История и историография Кореи: Избранные труды. М.: Восточная литература, 2003. 911 с.
2. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2. Двадцатый век. М.: Наталис, 2011. 498 с.
3. Толстокулаков И. А. Общество и модернизационные тенденции в Корее в колониальный период // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2012. № 1. С. 42–52.
4. Bernardi J. Writing in light: The silent scenario and the Japanese pure film movement. Detroit: Wayne State University Press, 2001. 354 p.
5. Cho Oh-kon. Korea // Banham M. (ed.). The Cambridge guide to theatre. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 608–611.
6. Cho Oh-Kon. Korean theatre: From rituals to the avant-garde. Fremont: Jain Publishing Company, 2015. 332 p.
7. Kamiyama Akira. The dynamics of melodrama: Shinpa // SOAS Occasional Translations in Japanese Studies. 2014. № 6. P. 1–33.
8. Kim Bok-rae. History of Korean popular culture; from its embryonic stage to Hallu (Korean cultural wave) // American International Journal of Contemporary Research. 2018. Vol. 8, № 4. P. 13–26.

9. Kim Jumi. Experiencing Korean P'ansory as a western-style singer. Muncie: Ball State University, 2012. 139 p.
10. Lee Soon-jin. The genealogy of Shinpa melodramas in Korean cinema // Refiguring American film genres: Theory and history. N. Brown (ed.). Berkeley: University of California Press, 1998. P. 37–44.
11. Min Eungjun, Joe Jinsook, Han Ju Kwak. Korean film. History, resistance, and democratic imagination. London: Praeger, 2003. 208 p.
12. Oh Saejoon. The implantation of western theatre in Korea: Hong Hae-sŏng (1894–1957), Korea's first director. PhD dissertation. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College, 2007. 260 p.
13. Pihl M. The Korean singer of tales. Cambridge: Harvard University Asia Center, 1994. 298 p.
14. Poulton M. C. "Shinpa" // Cody G. H. and Sprinchorn E. (ed.). Columbia encyclopedia of modern drama. New York: Columbia University Press, 2007. P. 1241–1242.
15. An Chong-hwa, Singeuksa Iyagi. (История Сингык). Seoul: Chinmunsa, 1995. 216 p.
16. Yi Du-hyon. Hanguk Singeuksa Yeongu (Новая история корейской драмы). Seoul: Seoul daehakkyo chulpanbu, 1990. 269 p.
17. Kim Jong-su. Hangukjok umjigimgwa hwasurui mosaek: 1910–1920 (В поиске корейского [сценического] движения и искусства разговора: 1910–1920 гг.). Seoul: Sonmyun munhwasa, 2000. 137 p.
18. No Seung-hee. Chongubaek pallyeon buto chongubaek osimnyeon kkaji hanguk keundaegeuk yeonchul (Становление корейского нового театра, 1908–1950) // Hanguk keunhyeondae huigok baennyeonsa (Столетняя история корейских новых пьес). Seoul: Chimpundanpachu, 2009. P. 96–107.
19. Seo Yon-ho. Hanguk Yongeuksa (История корейского театра). Seoul: Yeongeukkwaingan, 2003. 369 p.
20. Soon Jong-mok. Hanguk gaehangi dosi sahwoe gyeonjesa yeongu (Исследование социально-экономической истории в период открытия порта Кореи). Seoul: Pogosa, 1982. 425 p.
21. Hanguk yeongeuk imyeonsa (Иная история корейского театра). Seoul: Sonmyunmunhwasa, 2006. 230 p.
22. Chang Han-gi. Hanguk Yeongeuksa (История корейского театра). Seoul: Hagyeonsa, 2001. 456 p.

Поступила в редакцию 22.03.2022; принята к публикации 22.08.2022

Original article

Yuri G. Smertin, Dr. Sc. (History), Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0432-0197; usmer@hotmail.com

THE HISTORY OF KOREAN SHINP'A THEATER: THE BIRTH OF A NEW GENRE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The relevance of research is determined by the insufficient study and comprehension of the cultural landmarks transformation processes within the Korean society during its colonial dependence on Japan. The research novelty lies in the fact that there are no works in Russian historiography addressing the formation and development of the Shinp'a theatre. Western historical science barely mentions this cultural phenomenon or narrows it down to the brief articles in theatrical encyclopedias and reference books. The purpose of this paper is to investigate the formation of modern Korean theater culture (as opposed to the traditional one) during the Japanese colonial rule. Achieving this goal requires solving the following problems: first, to indicate the impact of Japanese culture on the Korean colonial society; second, to trace the emergence and formation of the Korean Shinp'a theater; third, to analyze the techniques and methods of the actors' influence on their audience; and fourth, to identify the main trends of the new theater. These issues are investigated in connection with foreign and domestic policy conditions of colonial Korea. The following research methods were used: the principle of historicism, which implies the study of events and phenomena of the past with regard to their historical features and cause-effect relations, and the civilizational approach to the study of history used to study the cultural characteristics of Korean society that influenced the processes of its modernization in the early twentieth century. The article shows that, despite the Japanese origin of the Shinp'a theatre, its reproduction and modification in Korea met the needs of the society that was striving to overcome the centuries-long cultural isolation. It is concluded that the Shinp'a theatre laid the foundations of the Korean theater art, and the genre of melodrama largely determined the modern popular cinema art, which was developing at the same time.

Keywords: Korea, Japan, theater, Shinp'a, culture, tradition, modernization

For citation: Smertin, Yu. G. The history of Korean Shinp'a theatre: the birth of a new genre at the beginning of the twentieth century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):67–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.798

REFERENCES

1. Park, M. N. History and historiography of Korea. Selected works. Moscow, 2003. 911 p. (In Russ.)
2. Tikhonov, V. M., Kan, Mangil. History of Korea. In 2 vols. Vol. 2. The twentieth century. Moscow, 2011. 498 p. (In Russ.)

3. Tolstokulakov, I. A. Community and modernization trends in Korea during the colonial period. *Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences.* 2012;1:42–52. (In Russ.)
4. Bernardi, J. Writing in light: The silent scenario and the Japanese pure film movement. Detroit, 2001. 354 p.
5. Cho, Oh-kon. Korea. (M. Banham, Ed.). *The Cambridge Guide to Theatre.* Cambridge, 1995. P. 608–611.
6. Cho, Oh-Kon. Korean theatre: From rituals to the avant-garde. Fremont, 2015. 332 p.
7. Kamiyama, Akira. The dynamics of melodrama: Shinpa. *SOAS Occasional Translations in Japanese Studies.* 2014;6:1–33.
8. Kim, Bok-rae. History of Korean popular culture; from its embryonic stage to *Hallu* (Korean cultural wave). *American International Journal of Contemporary Research.* 2018;8(4):13–26.
9. Kim, Jumi. Experiencing Korean P'ansory as a western-style singer: PhD dissertation. Muncie, 2012. 139 p.
10. Lee, Soon-jin. The genealogy of Shinpa melodramas in Korean cinema. *Refiguring American film genres: Theory and history.* (N. Brown, Ed.). Berkeley, 1998. P. 37–44.
11. Min, Eungjun, Joe, Jinsook, Han, Ju Kwak. Korean film. History, resistance, and democratic imagination. London, 2003. 208 p.
12. Oh, Saejoon. The Implantation of Western Theatre in Korea: Hong Hae-sŏng (1894–1957), Korea's first director. PhD dissertation. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College, 2007. 260 p.
13. Pihl, M. The Korean singer of tales. Cambridge, 1994. 298 p.
14. Poulton, M. C. "Shinpa". (G. H. Cody, E. Sprinchorn, Eds.). Columbia Encyclopedia of Modern Drama. New York, 2007. P. 1241–1242.
15. An, Chong-hwa. Singeuksa Iyagi [The stories of Singeuk]. Seoul, 1995. 216 p.
16. Yi, Du-hyon. Hanguk Singeuksa Yeongu [Modern history of Korean drama]. Seoul, 1990. 269 p.
17. Kim, Jong-su. Hangukjok umjigimgwa hwasurui mosaek: 1910–1920 [In search of Korean [stage] movement and the art of conversation: 1910–1920]. Seoul, 2000. 137 p.
18. No, Seung-hee. Chongubaek pallyeon buto chongubaek osimnyeon kkaji hanguk keundaegeuk yeonchul [Formation of the Korean new theater, 1908–1950]. Hanguk keunhyeondae huigok baennyeonsa [A centennial history of Korean new plays]. Seoul, 2009. P. 96–107.
19. Seo, Yon-ho. Hanguk Yongeuksa [History of Korean theatre]. Seoul, 2003. 369 p.
20. Soon, Jong-mok. Hanguk gaehangi dosi sahwoe gyeonjesa yeongu [A study of the socio-economic history of the opening of the port of Korea]. Seoul, 1982. 425 p.
21. Hanguk yeongeuk imyeonsa [A different history of Korean theater]. Seoul, 2006. 230 p.
22. Chang, Han-gi. Hanguk Yeongeuksa [The history of Korean theatre]. Seoul, 2001. 456 p.

Received: 22 March, 2022; accepted: 22 August, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 75–82 2022

Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.799
УДК 930.2:94(470.22)"1941/1944"

Отечественная история

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, директор Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@petrsu.ru

ФИНСКАЯ ОККУПАЦИЯ КАРЕЛИИ В 1941–1944 ГОДАХ: ДИСКУССИИ МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ И ФИНЛЯНДСКИМИ ИСТОРИКАМИ

Аннотация. Актуальность обращения к вопросу финской оккупации Карелии в 1941–1944 годах вызвана усилением дискуссий между российскими и финляндскими историками о сущности финского оккупационного режима, его влиянии на положение гражданского населения, оказавшегося на занятой противником части территории Карело-Финской ССР. В основе дискуссий – вопрос о геноциде финской администрации против мирных граждан Карелии. Большинство финляндских исследователей, признавая факты преступлений в отношении гражданского населения, отрицают сам термин «геноцид», считая, что финский оккупационный режим в Карелии существенно отличался от нацистского режима, установленного Германией на оккупированных территориях Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Выделяются и другие дискуссионные вопросы: концлагеря и трудовые лагеря, численность людей, погибших в местах принудительного содержания, факты коллаборационизма среди местного населения и др. Материалами для написания статьи послужили российские и финляндские исследования по данной проблеме, мемуарная литература. Новизна исследования определяется введением в научный оборот рассекреченных архивных документов из фондов российских государственных и ведомственных архивов.

Ключевые слова: финская оккупация, Карелия, Великая Отечественная война, историография, концлагеря, геноцид

Для цитирования: Веригин С. Г. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 75–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.799

ВВЕДЕНИЕ

Проблема оккупационной политики финской администрации на захваченной территории Советской Карелии в годы Великой Отечественной войны (в Финляндии война между СССР и Финляндией в 1941–1944 годах называется «война-продолжение»), преступлений финского режима против мирного гражданского населения до настоящего времени является важной и актуальной как с научной, так и политической точки зрения. Ее освещение началось еще в военный период, когда Финляндия выступила против СССР на стороне нацистской Германии. В 1944 году и в Финляндии, и в СССР вышли книги на финском языке – Вели Мерикоски «Финское военное руководство в Восточной Карелии в 1941–1944 гг.» [22] и Отто Вилле Куусинена «Финляндия без маски» [19]. Цель этих изданий – представить определенное мнение о Финляндии на международной политической арене.

Профессор В. Мерикоски, бывший в период военных действий сотрудником Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), попытался доказать отсутствие фактов нарушения Финляндией международных норм обращения с гражданским населением, акцентируя внимание на лояльном отношении финского оккупационного режима к родственному (финно-угорскому) населению, при этом тяжелое положение русского (не национального) населения явно отошло на второй план. Основной упор он сделал на тезисе о том, что Финляндия в 1941–1944 годах вела против СССР отдельную войну от Германии («войну-продолжение»), а потому финский оккупационный режим в Карелии нельзя отождествлять с немецко-нацистским режимом, установленным в других оккупированных регионах СССР. Этот тезис лег в основу концепции финляндской историографии о финском оккупационном режиме в Карелии, которая господствовала вплоть до середины 1980-х годов.

© Веригин С. Г., 2022

Противоположную позицию по этому вопросу занимал видный деятель международного коммунистического и рабочего движения Отто Вилле Куусинен, который после поражения революции в Финляндии в 1918 году эмигрировал в Советскую Россию. В 1920–1930-е годы он работал в Коминтерне. В период Великой Отечественной войны занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. В книге «Финляндия без маски» Куусинен, опираясь на широко известные факты, показал, что Финляндия была верной союзницей нацистской Германии и вела захватническую войну против СССР. Он привел многочисленные примеры преступлений финского оккупационного режима против мирных граждан, оказавшихся в зоне оккупации финских войск на территории Советской Карелии.

* * *

В послевоенный период вплоть до конца 1980-х годов и в финляндской, и в советской историографии тема финского оккупационного режима на территории Советской Карелии в 1941–1944 годах, и особенно преступлений финнов против мирного гражданского населения, не считалась важной и актуальной для научных исследований. Это было вызвано прежде всего тем, что на основе Договора 1948 года о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Финляндией сложились прочные добрососедские отношения. В 1950–1980-е годы в советской пропаганде постоянно подчеркивалось, что в период холодной войны эти отношения были хорошим примером взаимодействия стран с различным социально-общественным строем. Обе стороны старались не затрагивать сложные и болезненные вопросы советско-финляндской истории, к которым несомненно относилась и проблема финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 годах.

На слабом изучении данной проблемы в 1950–1980-е годы сказывалась и узость источниковой базы. Правда, на заключительном этапе Второй мировой войны и сразу после ее окончания в СССР были опубликованы сборники документов Чрезвычайной государственной комиссии по преступлениям финских захватчиков на временно оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах[1]. Однако по вышеуказанным политическим причинам эти документы оказались не востребованы. Сказалось также и то обстоятельство, что финские военные преступники не проходили по Нюрнбергскому трибуналу – международному процессу над бывшими руководителями нацистской Германии в 1945–1946 годах, а по договоренности между руководством СССР и Финляндии судебные процессы над финскими военными преступниками были отнесены к финляндскому правосудию. Но в 1950–1980-е годы и в СССР, и в Финляндии выходили немногочисленные исследования, которые затрагивали проблему финского оккупационного режима в Советской Карелии в годы войны. В финляндской историографии следует выделить публикацию в 1982 году докторской диссертации Антти Лайне «Два лица Великой Финляндии. Положение гражданского населения Восточной Карелии[2] при финском оккупационном режиме 1941–1944» [20]. Следует подчеркнуть, что Лайне освещает финский оккупационный режим в Карелии в 1941–1944 годах не только как последовательность конкретных действий и мероприятий ВУВК, но и как результат осуществления на оккупированной территории Восточной Карелии идеи Великой Финляндии, сформировавшейся в Финляндии еще в начале XX века. Он отмечает, что в основу финской оккупационной политики был положен принцип разделения местного населения на национальное (финно-угорское) и не национальное (русское и другое не финно-угорское) население. Этнически родственных финнам жителей Восточной Карелии (карел, вепсов, ингерманландцев, советских финнов) пытались воспитать достойными гражданами Великой Финляндии, их включали в политическую и хозяйственную деятельность, для них создавалась медицинская система, организовывалось школьное образование и т. д. Русское и другое не финно-угорское население изолировалось в концлагеря с целью последующего выселения за границы Великой Финляндии [20: 484–485]. Лайне был одним из первых финских исследователей, кто затронул тему финских концлагерей для мирного гражданского населения. К недостаткам данной работы следует отнести то, что в силу сложившихся тогда обстоятельств автор не смог привлечь к исследованию документы из советских архивов.

В 1970-е годы проблемой оккупационной политики Финляндии на территории Восточной Карелии в 1941–1944 годах стал заниматься военный историк, бывший подполковник финской армии Хельге Сеппяля. Во время войны Финляндии против СССР он был солдатом оккупационных войск в захваченном финнами Петрозаводске, охранял заключенных, отправленных на принудительные работы на Онежский завод. Возможно, его собственный опыт оказал влияние на объективное освещение финской оккупацион-

ной политики в Карелии в 1941–1944 годах. Уже в начале 1970-х годов в своих трудах он сформулировал ее суть как реализацию экспансионистского по своей природе проекта создания Великой Финляндии [25]. В отличие от многих других финских военных историков Сеппяля работал с российскими документальными материалами, а также опрашивал малолетних узников финских концлагерей в Петрозаводске. В 1980-е годы он опубликовал две работы – «Финляндия как агрессор» [26] и «Финляндия как оккупант» [27], последняя была переведена на русский язык и опубликована в двух номерах журнала «Север» за 1995 год [14]. В этих и других своих работах о финской оккупации Карелии Сеппяля стремился в комплексе показать политические, идеологические и экономические цели финской администрации на оккупированной территории Карелии.

В советской историографии 1950–1980-х годов, так же как и финляндской, тема финского оккупационного режима не нашла широкого освещения. Так, в вышедшем в 1964 году фундаментальном историческом труде «Очерки истории Карелии. Том 2», который охватывал период истории края от Октябрьской революции 1917 года до середины 1960-х годов, финскому оккупационному режиму в Карелии отведено всего три страницы [11]. В качестве исключения можно привести только монографию карельского историка К. А. Морозова «Карелия в годы Великой Отечественной войны», вышедшую в Петрозаводске в издательстве «Карелия» в 1983 году [10]. Несмотря на некоторую узость источниковой базы (не все архивные документы были доступны автору в тот период) и неизбежность учета идеологических ограничений 1970-х – середины 1980-х годов, данная книга остается единственным в советский период комплексным исследованием истории Карелии в годы Великой Отечественной войны и представляет несомненную ценность и для современных исследователей. В книге отдельно выделен раздел об оккупационной политике ВУВК на захваченной территории республики в 1941–1944 годах, большое внимание уделяется описанию финских концлагерей, созданных как для гражданского населения, так и для военнопленных. В указанный период в Карелии была фактически закрыта и тема малолетних узников финских концлагерей, проживавших в это время на территории республики и за ее пределами.

Период перестройки и гласности в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов снял идеологические ограничения на исследование ранее закрытых проблем, открыл доступ исследователям к прежде секретным архивным документам советских государственных и ведомственных архивов. Появилась возможность по-новому взглянуть на военные события на Севере в период Второй мировой войны, в том числе и на политику Финляндии на оккупированной территории Советской Карелии в военные годы. Все это способствовало появлению монографий и статей карельских историков, рассматривавших различные стороны финского оккупационного режима, в том числе и его преступления против мирного гражданского населения [1], [2], [4], [9], [15], [16], [17].

Значительное расширение тематики исследований по истории Карелии периода Второй мировой войны в 1990-е – начале 2000-х годов, включая проблему финского оккупационного режима в Карелии, активизировали научные исследования по данной теме и в соседней Финляндии. Многие из трудов финляндских историков были переведены на русский язык и переизданы в России. Среди них выделим монографию Юкки Куломаа «Яанислинна. Годы финской оккупации Петрозаводска, 1941–1944» [18], вышедшую в 1989 году и посвященную всестороннему изучению финского оккупационного режима в Петрозаводске, переименованном финнами в военный период в г. Яанислинна («Крепость на Онего»). В 2006 году в Петрозаводске книга Юкки Куломаа была переведена на русский язык и переиздана Военно-историческим обществом Республики Карелия [5]. В ней содержится обширная информация о концентрационных и переселенческих лагерях в Петрозаводске, о деятельности оккупационной администрации в сфере использования узников в качестве рабочей силы, дается анализ санитарного состояния, заболеваемости и причин смертности в петрозаводских концлагерях. Различные стороны финского оккупационного режима нашли отражение в работах А. Лайне, Э. Пиэтола, Т. Вихавайнена, Н. Лаппалайнена и др. [3], [6], [7], [8], [12], [21]. Особое место в финляндской литературе занимает работа Марьи-Леены Миккола «Потерянное детство: в плену у финских оккупантов в 1941–44 гг.» [23]. В ней представлены 16 свидетельств жителей Карелии, которые детьми содержались в финских концлагерях. Бывшие малолетние узники рассказали о страданиях и унижениях, через которые прошли дети во время финской оккупации.

К сожалению, приходится констатировать и тот факт, что в финляндской историографии оккупационной политики в Карелии до сих пор не прекращаются попытки «обелить» финский

оккупационный режим, стереть память о жертвах среди мирных граждан в концлагерях на оккупированной территории Карелии. В качестве примера можно назвать книгу Гуннара Розена «Финны в Восточной Карелии: сотрудничество между Военной администрацией и Финским Красным Крестом», в которой поставлена задача избавиться от травмы, нанесенной финскому народу искаженным представлением о характере «концентрационных лагерей» (автор берет их в кавычки) и оккупации Восточной Карелии [24: 10].

До сегодняшнего дня серьезной проблемой в российско-финляндском дискурсе остаются финские концлагеря для мирного гражданского населения, попавшего в зону финской оккупации. Некоторые финляндские исследователи считают, что нельзя ставить знак равенства между финскими и немецкими концлагерями. Конечной целью германских концлагерей являлось уничтожение людей на непосильных работах, в ходе медицинских экспериментов либо в газовых камерах. Задача финских концлагерей была принципиально иной – изоляция и последующее выселение некоренного населения (не националов), и это не предполагало истребления заключенных [8]. По мнению известного финляндского историка Антти Лайне, «финские концлагеря нельзя сравнивать с концлагерями в Германии. Более точное их название “лагеря для перемещенных лиц”» [20: 185]. Этой же точки зрения придерживается большинство финляндских исследователей. Одновременно А. Лайне считает, что в широком смысле финские лагеря можно охарактеризовать как лагеря для интернированного русского населения, где содержались не националы до их предстоящего выселения из Восточной Карелии [20: 125]. Однако термин «лагеря для интернированных» так и не вошел в научный оборот. С этим утверждением финских авторов трудно согласиться тем, кто пережил два с половиной страшных года в концлагерях, кто потерял и оплакивает до сих пор своих родных, близких и знакомых, безвинно погибших от голода, болезней и унижения. По мнению бывших малолетних узников финских концлагерей, в самый сложный период войны Финляндии против СССР (1941–1942 годы) финский режим на территории оккупированной Карелии ничем не отличался по жестокости от режима немецко-фашистских захватчиков. Условия финских концлагерей были таковы, что русские люди погибали без специально поставленной задачи по их уничтожению. Сейчас существует общественная организация «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» (КСБМУ), которая осуществляет неформальную заботу об этих людях, оказывает им материальную и моральную поддержку.

Еще один дискуссионный вопрос в полемике российских и финляндских исследователей – это количество советских людей, погибших в финских концлагерях для гражданского населения. До сих пор нет точных данных об этом. Финский историк А. Лайне отмечает, что «за летние месяцы 1942 г. около 4500 человек из 22 000 умерло от недоедания и болезней. Осенью ситуация стабилизировалась и уже не ухудшалась» [6: 43]. Финляндский исследователь Гуннар Розен считает, что в петрозаводских лагерях в 1942 году умерло 3017 человек, что составило около 15 % от общей численности заключенных, а во всех лагерях до конца 1942 года – 3516 человек, в основном это были старики и дети [24: 127]. Юкка Куломаа приводит свои цифры умерших в петрозаводских концлагерях в 1941–1944 годах в книге «Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944»:

> «Согласно докладу, составленному после войны по поручению Союзной контрольной комиссии, в лагерях г. Яанислинны (Петрозаводска. – *С. В.*) умерли 4003 человека, из которых 3467 человек – в 1942 г. В 1943 г. смертность в лагерях составила 442–458 человек и в период с января по июнь 1944 г. – в общей сложности 73 человека» [5: 75].

Стоит отметить, что уровень естественной смертности в финских концлагерях в 1942 году был даже большим, чем в немецко-фашистских (13,75 % против 10 %) [13: 122].

В материалах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений финских оккупантов называется цифра свыше 7 тыс. погибших за годы оккупации лишь в петрозаводских концлагерях[3]. Этой проблемой занимался карельский историк К. А. Морозов. По его данным, в результате тяжелого принудительного труда, плохого питания, голода, эпидемий, расстрелов погибло свыше 14 тыс. советских людей, или 1/5 часть оставшихся на оккупированной территории. Это не только погибшие и умершие в лагерях, но и на всей захваченной территории Восточной Карелии [10: 80]. В этой связи стоит согласиться с мнением финского военного историка Х. Сеппяля:

> «На самом деле мы не знаем, сколько советских людей умерло в наших концлагерях, не знаем, сколько находящихся на свободе людей умерло во время войны, и не знаем, сколько карелов и вепсов, увезенных в Финляндию, осталось там по окончании войны. Надо признать, что списки умерших штабом Военного управления составлены крайне небрежно. На основании

их можно сделать лишь очень приблизительные выводы, если это вообще возможно. Об именах умерших в концлагерях, датах их рождения и причинах смерти нет никаких упоминаний. Некоторые из умерших занесены в списки дважды, другие не записаны вовсе. Из списков невозможно получить сведения о количестве умерших. Сведения 1942 года еще как-то читаемы. Но сведения следующего года совершенно запутаны. Списки являются подтверждением того, насколько безразлично относились финны к заключенным» [14: 113].

Однако до сих пор большинство финляндских исследователей считают, что в концлагерях погибло около 4 тыс. мирных граждан, ссылаясь при этом на списки умерших в оккупированном Петрозаводске, которые несколько лет назад были переданы в Национальный архив Республики Карелия. Но, во-первых, эти данные охватывают только период с февраля 1942 по июнь 1944 года, а люди умирали и ранее – во второй половине 1941 года; во-вторых, сами списки умерших велись крайне небрежно, мы видим много перечеркнутых фамилий или вписанных дважды. Следует признать, что для оккупантов количество погибших русских людей не являлось существенным вопросом. Мы до сих пор не знаем точно, сколько мирного гражданского населения погибло в концлагерях на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах.

В последние три года дискуссии между российскими и финляндскими исследователями по проблеме финской оккупации Карелии в 1941–1944 годах вышли на новый уровень. Это связано с тем, что в 2019–2020 годах в Российской Федерации осуществлялся масштабный проект «Без срока давности», цель которого – сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны. Составной частью проекта являлась подготовка и издание серии сборников архивных документов «Без срока давности» в 22 регионах России, на территории которых оккупанты совершили массовые акции геноцида в отношении мирных жителей. В рамках реализации указанного проекта в Петрозаводске силами научных сотрудников Национального архива Республики Карелия с привлечением преподавателей и студентов Петрозаводского госуниверситета был подготовлен региональный том сборника архивных документов «Без срока давности», посвященный политике Финляндии на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 годах, раскрывающий преступления финского оккупационного режима против мирных граждан. В процессе подготовки составители поставили задачу расширить источниковую базу, понимая, что значительная часть архивных документов находится в ведомственных архивах Республики Карелия. Национальный архив Республики Карелия сделал официальный запрос в адрес Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия и получил положительный ответ. В середине апреля 2020 года более 4 тыс. рассекреченных архивных документов, посвященных оккупационной политике Финляндии на территории Карелии в 1941–1944 годах, в том числе и материалы о преступлениях финских оккупантов против мирных советских граждан в период Великой Отечественной войны, были переданы из ведомственного архива в Национальный архив Республики Карелия. Часть из них вошла в региональный том[4], издание которого было осуществлено в ноябре 2020 года к 75-летию Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками.

Рассекреченные архивные документы по финской оккупации Карелии в 1941–1944 годах были проанализированы и включены в книгу С. Г. Веригина и А. В. Машина «Геноцид в Восточной Карелии», которая вышла в конце 2020 года в Финляндии на финском языке [28]. Авторы отмечают, что финские оккупанты, в отличие от немцев, не расстреливали массово гражданских лиц, не применяли газовые камеры и не сжигали целые деревни, во многом поэтому их преступления на протяжении долгого времени оставались в тени преступлений нацистов. Но рассекреченные документы свидетельствуют, что оккупационная политика финских властей, включающая условия проживания, нормы питания, трудовую повинность в концлагерях, приводила к гибели тысяч мирных людей, в том числе несовершеннолетних и детей, и без применения оружия. Ее можно охарактеризовать как геноцид против мирного русского, в целом не финно-угорского населения. Преступления финского режима по своему характеру относятся к категории «преступлений против человечности», это преступления без срока давности.

После публикации РИА «Новости» в рамках проекта «Без срока давности» рассекреченных архивных документов о финских концлагерях, а также обращения в Следственный комитет РФ членов Союза бывших малолетних узников финских концлагерей (Петрозаводск) Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело о фактах геноцида финской администрации против мирного населения на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах.

Следует подчеркнуть, что новые рассекреченные архивные документы, а также факт возбуждения Следственным комитетом РФ уголовного дела по статье «Геноцид» вызвали большой интерес не только в России, но и в Финляндии. В соседней стране в дискуссию по проблемам финского оккупационного режима в Карелии включились политические и государственные деятели, журналисты и историки. Практически все они не согласны с утверждением о геноциде финской администрации против мирного гражданского населения Карелии в 1941–1944 годах. В качестве примера можно привести статью известного финского историка Антти Лайне, опубликованную 24 апреля 2020 году в газете «Ilta-Sanomat» («Вечерние новости»). Цель статьи, судя по анонсу, опровергнуть заявление Следственного комитета России о геноциде в Карелии в период финской оккупации республики в 1941–1944 годах. Лайне пишет, что финские действия сильно отличались от немецких, а концентрационные лагеря (автор в статье называет их лагерями для интернированных) для русского населения создавались из страха, что оно может начать партизанскую деятельность и диверсии. Однако хорошо известно, что впервые о концлагерях речь зашла в приказе главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма № 132 от 8 июля 1941 года за день до перехода в наступление финских войск – Карельской армии в направлении севернее Ладожского озера. 4-й пункт приказа гласил: «Русское население задержать и отправлять в концлагеря» [5: 63]. И здесь Лайне противоречит сам себе. Еще не захвачена значительная часть территории Карелии, еще не началось партизанское движение, на которое ссылается Лайне, а участь русского населения уже была решена. Нельзя согласиться и еще с одним утверждением автора о том, что финны были не обычными оккупантами, поскольку начали организовывать школьное образование и формировать социальную систему для жителей на захваченной территории Восточной Карелии. Но Лайне прекрасно знает, что все это создавалось только для финно-угорского населения Карелии, а русское население в это время умирало в концлагерях и других местах принудительного содержания. Ранее он писал в своих опубликованных работах, что политика финских оккупационных властей в Карелии в 1941–1944 годах предполагала различные подходы к местным жителям в зависимости от их происхождения. Родственные финнам в этническом отношении карелы, вепсы, ингерманландцы, советские финны должны были остаться на своей территории и стать будущими гражданами чистого в расовом отношении финно-угорского государства – Великой Финляндии. Этнически не родственные финнам местные жители, основную массу которых составляли русские, рассматривались как мигранты, их надо было помещать в концлагеря с последующим выселением за пределы Карелии в другие регионы, захваченные союзником Финляндии – нацистской Германией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в современной российской и финляндской историографии сложилась вполне определенная картина оккупационной политики Финляндии в 1941–1944 годах на территории захваченной Карелии. Однако многие ее стороны, в первую очередь преступления финского режима против мирных граждан, продолжают оставаться в центре дискуссий российских и финляндских историков, они требуют дальнейшего исследования и взвешенной историко-юридической оценки. Нет единой позиции и по вопросу о том, можно ли финскую политику в отношении мирного гражданского населения на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах назвать политикой геноцида против мирных граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков: Сб. документов. М., 1944. 101 с.; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1945. 302 с.

[2] Восточной Карелией в Финляндии считается территория, определенная Тартуским мирным договором 1920 года между Финляндией и Советской Россией к востоку от Финляндии: по реке Свирь, побережьям Онежского озера и Белого моря. Это примерно в границах нынешней Республики Карелия.

[3] Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1944. С. 9.

[4] Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник архивных документов / Федеральное архивное агентство и др.; Авторы археографического предисловия: Е. В. Рахматуллаева, Е. В. Усачева. М.: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле, 2020. 480 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009. 544 с.
2. Веригин С. Г. Национальная политика финских оккупационных властей // Отечественная история. 2006. № 4. С. 73–76.
3. Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000. 288 с.
4. Киселева О. А., Никулина Т. В. Гражданское население и оккупационный режим // Отечественная история. 2006. № 4. С. 76–81.
5. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006. 277 с.
6. Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Финляндия и Заполярье во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 41–43.
7. Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941–1944 г.) // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 99–106.
8. Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время Второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 98–103.
9. Макуров В. Г. О новых материалах по истории Карелии периода Второй мировой войны // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 91–98.
10. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. 287 с.
11. Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964. 615 с.
12. Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944 / Пер. с фин. К. Гнетнева // Север. 1990. № 12. С. 91–127.
13. Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. 386 с.
14. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 4–5. С. 96–113; № 6. С. 108–128.
15. Чумаков Г. В. Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941–1944 гг. // Вопросы истории Европейского Севера (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII–XX в.). Петрозаводск, 2005. С. 142–151.
16. Шляхтенкова Т. В., Веригин С. Г. Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии 1941–1944 гг. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы республиканской науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 2001. С. 37–46.
17. Юсупова Л. Н. Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства // Человек и война: страницы военной истории России: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 24–33.
18. Kulomaa J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Helsinki, 1989. 286 p.
19. Kuusinen O. V. Suomi ilman naamiota. Moskva, 1944. 91 p.
20. Laine F. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 487 p.
21. Lappalainen N. Äänisen rannoila. Porvoo, 1989. 260 p.
22. Merikoski V. Suomalainen sotilashallinto Itä – Karjalassa 1941–1944. Helsinki, 1944. 105 p.
23. Mikkola V.-L. Menetetty lapsuus suomalaismiehittäjien vankeudessa 1941–44. Helsinki, 2004. 338 p.
24. Rosen G. Suomalaisina Itä-Karjalassa: sotilashallinnon ja Suomen Punaisen Ristinyhteistoiminta 1941–1944. Helsinki, 1998. 274 p.
25. Seppälä H. Itsenäisen Suomen puoluspolitiikka ja strategia. Porvo; Helsinki, 1974. 349 p.
26. Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvo, 1984. 267 p.
27. Seppälä H. Suomi miehittäjänä 1941–1944. Helsinki, 1989. 173 p.
28. Verigin S., Mashin A. Itä-Karjalan kansanmurha. Todistusaineisto suomalaisen miehityshallinnon rikoksista ihmisyytta vastaan jatkosodan aikana 1941–1944. Helsinki, 2020. 180 p.

Поступила в редакцию 10.02.2022; принята к публикации 30.06.2022

Original article

Sergei G. Verigin, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
verigin@petrsu.ru

FINNISH OCCUPATION OF KARELIA IN 1941–1944: DISCUSSIONS BETWEEN RUSSIAN AND FINNISH HISTORIANS

A b s t r a c t. The relevance of addressing the issue of the Finnish occupation of Karelia in 1941–1944 is caused by the intensification of discussions between Russian and Finnish historians about the essence of the Finnish occupation

regime, its impact on the civilian population of the part of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic occupied by the enemy. The main dispute among the historians unfolds over the issue of the Finnish administration's genocide policy against civilians in Karelia. While admitting the facts of crimes against the civilian population, most Finnish researchers deny the very term "genocide", believing that the Finnish occupation regime in Karelia differed significantly from the Nazi regime established by Germany in the occupied territories of the Soviet Union during the Great Patriotic War. The article highlights other debatable issues between Russian and Finnish researchers: concentration camps and labor camps, the number of deaths in places of detention, facts of collaborationism among the local population, etc. The paper draws on the Russian and Finnish studies of this issue and memoirs. The novelty of the study is that it introduces declassified archival documents from the Russian state and departmental archives.

Keywords: Finnish occupation, Karelia, Great Patriotic War, historiography, concentration camps, genocide

For citation: Verigin, S. G. Finnish occupation of Karelia in 1941–1944: discussions between Russian and Finnish historians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):75–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.799

REFERENCES

1. Verigin, S. G. Karelia during the years of military trials. The political and socio-economic situation of Soviet Karelia during the Second World War of 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 544 p. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. National policy of the Finnish occupation authorities. *Russian History*. 2006;4:73–76. (In Russ.)
3. Vihavainen, T. Stalin and the Finns. St. Petersburg, 2000. 288 p. (In Russ.)
4. Kiseleva, O. A., Nikulina, T. V. The civilian population and the occupation regime. *Russian History*. 2006;4:76–81. (In Russ.)
5. Kulomaa, Yu. Finnish occupation of Petrozavodsk, 1941–1944. Petrozavodsk, 2006. 277 p. (In Russ.)
6. Laine, A. The civilian population of Eastern Karelia under Finnish occupation during World War II. *Karelia, Finland and the Arctic during World War II.* Petrozavodsk, 1994. P. 41–43. (In Russ.)
7. Laine, A. National policy of Finnish occupation authorities in Karelia (1941–1944). *Issues of the history of the European North (problems of social economy and politics: from 1860s to the late XX century): Collection of research articles.* Petrozavodsk, 1995. P. 99–106. (In Russ.)
8. Laine, A. National question in the Finnish occupation policy in Soviet Karelia during World War II. *The European North: history and the present.* Petrozavodsk, 1990. P. 98–103. (In Russ.)
9. Makurov, V. G. New materials on the history of Karelia during World War II. *Issues of the history of the European North (problems of social economy and politics: from 1860s to the late XX century): Collection of research articles*. Petrozavodsk, 1995. P. 91–98. (In Russ.)
10. Morozov, K. A. Karelia during the Great Patriotic War. Petrozavodsk, 1983. 287 p. (In Russ.)
11. Essays on the history of Karelia. Vol. 2. Petrozavodsk, 1964. 615 p. (In Russ.)
12. Pietola, E. Prisoners of war in Finland. *Sever.* 1990;12:91–127. (In Russ.)
13. Semiryaga, M. I. The prison empire of Nazism and its collapse. Moscow, 1991. 386 p. (In Russ.)
14. Seppjala, H. Finland as an occupier. *Sever.* 1995;4–5:96–113; 1995;6:108–128. (In Russ.)
15. Chumakov, G. V. Finnish concentration camps for the civilian population of Petrozavodsk in 1941–1944. *Issues of the history of the European North (People and power: problems of mutual relations, from the 1780s to the late XX century).* Petrozavodsk, 2005. P. 142–151. (In Russ.)
16. Shlyakhtenkova, T. V., Verigin, S. G. Concentration camps in the system of Finnish occupation policy in Karelia in 1941–1944. *Karelia during the Great Patriotic War of 1941–1945: Proceedings of the republican research and practice conference dedicated to the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War.* Petrozavodsk, 2001. P. 37–46. (In Russ.)
17. Yusupova, L. N. The Great Patriotic War in Karelia in the historical and anthropological dimensions: the phenomenon of military childhood. *Man and war: pages of Russia's military history: Collection of research articles*. Petrozavodsk, 2005. P. 24–33. (In Russ.)
18. Kulomaa, J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Helsinki, 1989. 286 p.
19. Kuusinen, O. V. Suomi ilman naamiota. Moskva, 1944. 91 p.
20. Laine, F. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 487 p.
21. Lappalainen, N. Äänisen rannoila. Porvoo, 1989. 260 p.
22. Merikoski, V. Suomalainen sotilashallinto Itä – Karjalassa 1941–1944. Helsinki, 1944. 105 c.
23. Mikkola, V.-L. Menetetty lapsuus suomalaismiehittäjien vankeudessa 1941–44. Helsinki, 2004. 338 p.
24. Rosen, G. Suomalaisina Itä-Karjalassa: sotilashallinnon ja Suomen Punaisen Ristinyhteistoiminta 1941–1944. Helsinki, 1998. 274 p.
25. Seppälä, H. Itsenäisen Suomen puoluspolitiikka ja strategia. Porvo; Helsinki, 1974. 349 c.
26. Seppälä, H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvo, 1984. 267 p.
27. Seppälä, H. Suomi miehittäjänä 1941–1944. Helsinki, 1989. 173 p.
28. Verigin, S., Mashin, A. Itä-Karjalan kansanmurha. Todistusaineisto suomalaisen miehityshallinnon rikoksista ihmisyytta vastaan jatkosodan aikana 1941–1944. Helsinki, 2020. 180 p.

Received: 10 February, 2022; accepted: 30 June, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 83–90 **2022**

Научная статья **Отечественная история**
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.800
УДК 94(470.21)"1919"

ЕВГЕНИЙ ОЛЕГОВИЧ СУШКО
аспирант
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
eugene55661@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ МУРМАНА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ СТАНЦИИ ИМАНДРА

Аннотация. Статья посвящена материальному положению рабочих и служащих станции Имандра в годы Гражданской войны и интервенции на Мурмане. Рассматриваются вопросы о том, какими нормативно-правовыми актами устанавливались оклады рабочих и как заработная плата соотносилась с общим социально-экономическим положением жителей Северной области. Источниками служат архивные материалы, содержащие информацию об окладах работников, сообщения о средней заработной плате мужчин и женщин, протоколы заседаний должностных лиц, посвященные обсуждению экономических проблем Мурмана. Впервые используются архивные данные, которые касаются жизни работников Имандровского депо. Сделан вывод, что на станции Имандра существовало значительное гендерное неравенство в начислении заработной платы, средняя зарплата мужчин превышала среднюю зарплату женщин практически в два раза. Тем не менее, несмотря на все сложности, работники станции имели доступ к свободной покупке товаров народного потребления, однако цены на эти товары были относительно высокими. Автор считает одной из главных проблем населения Северной области быстрое обесценивание рубля, вызывавшее рост цен, в то время как заработная плата не могла им соответствовать.

Ключевые слова: станция Имандра, заработная плата, Север России, Гражданская война, гендерное неравенство, экономика

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2022-0028 Кольского научного центра Российской академии наук.

Для цитирования: Сушко Е. О. Экономическое положение трудящихся Мурмана в годы Гражданской войны на примере станции Имандра // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 83–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.800

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война на Мурмане развивалась достаточно необычно, начавшись по сути в марте 1918 года, когда 1 марта была затребована помощь союзных сил при согласии наркома иностранных дел Советской России Л. Д. Троцкого, чтобы защитить Мурман от возможной атаки Германии и Финляндии. 2 марта между Мурманским советом и союзническими силами было заключено соглашение о сотрудничестве [3: 146–147]. Союзническое командование, прибегая к определенным интригам, всячески искало возможность перетянуть на свою сторону власти краевого Совета в том или ином виде, речь шла даже о создании отдельной республики, включающей территорию от Мурмана до Онежского озера, под протекторатом Великобритании [5: 43]. В начале июля 1918 года власть большевиков на территории Кольского полуострова была свергнута, а между интервентами (Великобритания, Франция, США) и представителями Мурмана было заключено новое «временное, по особым обстоятельствам, соглашение» [3: 217–221]. Включающий Александровский и Кемские уезды Мурманский край отныне не подчинялся Совету народных комиссаров, он был самостоятелен, а свою судьбу связал с союзниками. 2 августа большевики окончательно теряют власть еще и в Архангельске, когда на территории большей части Архангельской губернии власть переходит к белым во главе с народным социалистом, «дедушкой русской революции» Н. В. Чайковским [5: 68–70]. Таким образом, Архангельская губерния перешла под контроль белого правительства и иностранных союзников.

© Сушко Е. О., 2022

В районе Хибин в то время существовало несколько станционных поселков, в том числе Имандра. Как писал известный мурманский краевед И. Ф. Ушаков, летом 1916 года на Мурманской железной дороге окончательно были введены в эксплуатацию следующие железнодорожные пункты: Пинозеро, Зашеек, Охтоканда, Ягельный Бор, Шонгуй, Кица, Оленья, Пулозеро, Хибины и Имандра [13: 565]. Станция Имандра находилась под контролем союзников с начала июля 1918 года, когда была полностью разоружена охрана участков [12: 82]. Она являлась одним из важных железнодорожных узлов с точки зрения логистики и экономики.

Цель исследования – выяснить экономическое положение трудящихся Мурмана на примере станции Имандра. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать информацию о заработной плате работников станции Имандра и заработной плате трудящихся других предприятий на территории Мурмана, в том числе различные аспекты ее начисления, надбавки и др.;

2) сравнить положение трудящихся в разных частях Северной области;

3) выявить сущность некоторых экономических процессов на территории Северной области.

В статье впервые вводятся в научный оборот архивные документы, которые позволяют рассмотреть станцию Имандра как поддающийся экономическому анализу объект. Территориальные рамки исследования включают Александровский уезд (то есть Мурман) и конкретно станцию Имандра Мурманской железной дороги, расположенную около Хибинского горного массива. Для полного выполнения поставленных задач автором также частично затрагивается Кемский уезд и некоторые другие территории Северной области. Источниковая база исследования состоит из обширного массива данных. В работе используется сборник материалов «Борьба за установление и упрочение советской власти на Мурмане» [3], не утративший актуальности до сих пор, так как это издание содержит достаточное количество документов, которые можно применить для анализа социально-экономической и политической ситуаций на Мурмане.

Архивные источники представлены документами из Государственного архива Мурманской области, это дела: «Списки служащих, мастеровых и рабочих депо ст. Имандра»[1]; «Основные оклады содержания служащих, мастеровых и рабочих мурманской железной дороги»[2]; «Приказы Генерал-губернатора Северной области, войскам Мурманского района, переписка по личному составу, финансированию, хозяйственным вопросам»[3]; «Постановления и приказы Временного правительства, протоколы заседаний междуведомственной комиссии по рассмотрению и согласованию плана г. Мурманска, постановления начальника Мурманского Края, Инструкции»[4]. Документы из архивов позволяют наиболее тщательно провести историческое исследование, так как в них содержатся важные сведения об особенностях начисления зарплат, окладах работников Мурманской железной дороги, экономическом положении населения, работе государственных органов в период Гражданской войны и интервенции. Кроме того, автор обращается к историографическим источникам, которые очень важны при изучении Гражданской войны и интервенции на Севере России. Это работы А. А. Киселева, Е. Ю. Дубровской, И. Ф. Ушакова, В. И. Голдина, Е. И. Овсянкина и др. Одна из них – исторический труд «Мурман в дни революции и гражданской войны» [9], участие в создании которого принял историк, доктор исторических наук и выдающийся мурманский краевед А. А. Киселев. Изданная в 1977 году книга сама по себе окончательно уходит от традиционной для советской истории точки зрения о изначальной «предательской сущности» Мурманского совета и упоминает достаточно крамольный для советского времени тезис о мирном существовании интервентов вместе с советскими органами власти в марте – июле 1918 года. Другим примером является монография архангельского историка, профессора В. И. Голдина «Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920», в которой «исследуются многие малоизвестные ранее события и факты гражданской войны в северном регионе страны, версии и реальности» [5: 2] с опорой на ранее недоступные архивные документы и иные источники. Конечно, эти труды не посвящены полностью экономическому положению всего Мурмана или Северной области, так как авторы не ставят такой задачи, но именно они дают важную информацию об особенностях уровня жизни простого населения, их доходах, прожиточном минимуме, что является ценнейшим источником для настоящего исследования.

Примером иного рода может служить статья Е. Ю. Дубровской «Социально-экономическое пространство сооружения Мурманской железной дороги: строители магистрали и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны» [6]. В ней автор подробно рассматривает особенности развития экономических и социальных взаимоотношений между различными группами работников во время строительства Мур-

манской железной дороги, источники конфликтов и отношение к труду.

16 июня 1919 года начальник Имандровского депо отправляет начальнику Мурманской железной дороги письмо следующего содержания: «Просьба препроводить список служащих и переписку в город Александровск 8-му Председателю по подоходному налогу присутствия»[5]. В рамках этой переписки речь идет об участковых по подоходному налогу присутствиях, которые появились наряду с губернскими, областными и уездными [8: 71] в результате принятия закона о подоходном налоге от 1916 года[6]. После этого произошла новая реформа, в 1917 году были установлены новые ставки налога, разделенные по разрядам, а доход до 1000 рублей не облагался никаким налогом [15: 400–402]. При этом к 1917 году «поступление подоходного налога имело нерегулярный характер и составило всего 3,2 % в доходах бюджета» [14]. В дальнейшем налоговое законодательство регулировалось иными декретами уже советского правительства при сохранении должности участкового по доходному налогу присутствия, который руководил взиманием налоговых сборов[7].

В следующем, июньском письме председателю Александровского участкового по доходному налогу присутствия начальник депо Имандры уточняет:

«…поэтому прошу, обращайтесь с требованием в Мурманск в контору 5-ого участка службы, там где Вам обещают дать список служащих со всеми прибавками и высчетами в связи с повышением и понижением курса рубля»[8].

Скорее всего, это не обычный бюрократический процесс оценки текущего уровня оплаты труда среди работников в рамках взаимодействия между руководителями ветвей единой железнодорожной организации, а маркер экономического кризиса. Основанием для такого вывода является постоянное значительное падение курса платежного средства:

«Но законы экономической жизни и требования союзников привели к тому, что в апреле 1919 года курс фунта стерлингов был 56 рублей, 1 мая – 64, а 21 мая – 72 рубля» [10: 19].

Данная информация свидетельствует о возникших к лету 1919 года значительных инфляционных процессах в Северной области, влияющих на курс северного рубля (это и упоминается в письме, но в гораздо более мягких выражениях), которые явно указывают на наличие проблем в экономике. Как пишет В. И. Голдин, «призрак финансовой катастрофы постоянно витал над белым Севером» [5: 104].

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ СТАНЦИИ ИМАНДРА

Документ «Список личного состава служащих, мастеров и рабочих по депо Имандры на 1 июня 1919 г.» зафиксировал следующее количество работающих граждан: 43 человека, из них 36[9] мужчин и 7[10] женщин. Самая высокая зарплата была у Алексеенко Павла Леонидовича, начальника депо станции Имандра, она составляла 775 рублей[11]. Среди служащих, мастеровых и рабочих мужчин наиболее высокие зарплаты были у трех человек: Овечкина Ефграфа Осиповича, слесаря второго разряда, 525 рублей[12]; Исаева Александра Антоновича, слесаря первого разряда, 525 рублей[13]; Чекинского Ефима Андреевича, кузнеца первого разряда, 525 рублей[14]. Самые низкие зарплаты были у следующих лиц мужского пола: Каменева Павла Николаевича, рабочего, 350 рублей[15]; Грузина Андрея Емельевича, рабочего, 350 рублей[16].

Самыми низкооплачиваемыми на станции Имандра были женщины, а именно: Волкова Антонина Ивановна, каптерщица, 225 рублей[17]; Дербина Мария Ивановна, сторож каптерки, 225 рублей[18]; Колесакова Серафима, сторож электростанции, 225 рублей[19]; Лисиченко Варвара Дмитриевна, сторож бригады, 225 рублей[20]; Павлова Надежда Прокофьевна, сторож бригады, 225 рублей; Ларинова Анна Ивановна, сторож бригады, 225 рублей; Торопова Наталья, истопщик вагонов, 225 рублей. Средняя заработная плата всех мужчин составляла примерно 440 рублей, а средняя заработная плата всех женщин – 225 рублей. Средняя зарплата всех служащих, мастеровых и рабочих мужчин была примерно в два раза больше, чем у женщин. Это свидетельствует о серьезной разнице в оплате труда на станции Имандра между женщинами и мужчинами. Данная заработная плата была обоснована рядом документов.

В документе под названием «Основные оклады содержания служащих, мастеровых и рабочих Мурманской железной дороги» представлен список всех имевшихся на тот момент окладов[21], а начинается он с I категории оплаты, в которой оклад всех трудящихся равен 350 рублям[22]. Из женщин в службе движения такой оклад получали горничные при дамских комнатах, во врачебной службе кухарки и сиделки приемного покоя[23]. Таким образом, даже минимальная плата за труд рабочих-женщин на станции Имандра не вписывалась в I категорию данного нормативно-правового акта. Этим особенностям оплаты труда есть обоснование в дополнительном документе к основному под названием «Приложе-

ние к расписанию окладов жалования служащим, мастеровым и рабочим Мурманской ж. д.»[24]. Параграф 6 данного приложения гласит:

«Для женщин чернорабочих, сторожих и проч. основной оклад устанавливается в 225 руб. в месяц. ПРИМЕЧАНИЕ: Сюда не входят лица, перечисленные в распределении основных окладов»[25].

Таким образом, все женщины, работавшие на станции Имандра летом 1919 года, были определены в разряд наиболее низкооплачиваемых профессий. Заработную плату ниже получали подростки-чернорабочие – 200–250 рублей[26] и ученики по службе телеграфа – 150 и 200 рублей[27].

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ РАБОТНИКОВ СТАНЦИИ ИМАНДРА В УСЛОВИЯХ ПРОЖИВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Поправить положение рабочих и служащих (как мужчин, так и женщин) могло введение с 1 июля 1919 года климатических надбавок. С этого момента к окладу работников Северной области прибавлялось 20 % климатических [2]. Сообщение Управления города Мурманска от 3 ноября 1919 года № 452 главноуполномоченному по эвакуации в ответ на сообщение № 336 содержало следующие сведения о зарплате женщин в день: «Имею честь сообщить, что женщины и подростки получают 12 р. 22 + 20 % климатических»[28]. В результате всех вычетов средняя заработная плата женщин, проживающих в Александровском уезде, составляла 450 рублей[29]. Но даже с учетом добавленных климатических надбавок положение имандровчанок было достаточно плохим, они в любом случае не достигали средней заработной платы как мужчин на своей станции, так и женщин на всей территории Мурмана.

При этом можно не только сравнить заработные платы разных категорий станционных работников, но и сопоставить их с необходимым прожиточным минимумом. Например, прожиточный минимум учителя (служащего, который не занимается физическим трудом) в июне 1919 года на Мурмане составлял 506 рублей 58 копеек [1: 57]. Ряд исследователей отмечают, что положение рабочих было достаточно тяжелым уже с 1917 года. Например, А. А. Киселев пишет о том, что общий прожиточный минимум на Мурмане осенью 1917 года для семьи из четырех человек составлял 570 рублей [9: 58]. Необходимый же прожиточный минимум на всей территории Севера России (еще до появления Северной области) уже к марту 1918 года составлял около 800 рублей. При этом зарплата обычного рабочего была 500 рублей, а с особой квалификацией – около 650 рублей [4: 35]. Если принять этот прожиточный минимум в 800 рублей за эталон и сравнить с зарплатами рабочих и служащих станции Имандра в июне 1919 года (очевидно, к тому моменту он еще увеличился), то можно заключить, что жизненные запросы работников мужского пола станции Имандра были удовлетворены в среднем лишь на 55 %, а жизненные запросы работниц-женщин – лишь на 28,12 %.

В Северной области отчетливо наблюдался рост цен на продовольствие (согласно архивным данным и информации из газеты «Северная кооперация»):

«…цена 1 пуда пшеничной муки с октября 1918 по август 1919 г. увеличилась в среднем с 24,4 до 47,1 руб. (по другим данным – до 50 руб.), фунта риса – соответственно с 1,3 до 2 руб., чая – с 12,5 до 18,4 руб., сахара – с 2 до 4 руб. и т. п.» [11].

О том же писали и проживающие непосредственно на территории Северной области железнодорожные работники Кемского уезда:

«Вот некоторые данные о ценах, взятые мною из приходо-расходных листов по нашему клубу: фунт муки стоил 1 р. 19 к., фунт сахара – 3 р. 60 к., фунт сала – от 9 до 12 р., десяток яиц – 60 р. и т. д.»[30].

Советские источники также сообщают об очень низких зарплатах рабочих на железной дороге в Кемском уезде:

«Заработная же плата осталась на том же низком уровне, как и раньше: так, токарь-инструментальщик получал в месяц не более 200 рублей, а это была одна из высокооплачиваемых квалификаций в депо»[31].

Можно предположить, что данные о подобной зарплате были либо неправильно поняты, либо занижены, чтобы заявить о невероятной бедности даже представителей самых высокооплачиваемых профессий, ибо в таком случае работница Имандры получала большую заработную плату, чем мужчина-токарь из карельского депо. Например, в 1916 году для работы на некоторых участках Мурманской железной дороги было трудно найти русских рабочих за месячную заработную плату в 145 рублей [6: 34]. Уже в середине апреля 1917 года в Кемском уезде для цеховых мастеров заработная плата должна была быть повышена до 300 рублей [7: 220].

В конце июня 1919 года на Мурманской железной дороге начинает действовать целый торговый состав, останавливающийся в том числе и на станции Имандра [2]. Ассортимент этой передвижной лавки был достаточно большим: консервы, апельсины, лимоны, конфеты, кофе, мыло разных видов, стаканы, нитки, иголки и др.

Если данный поезд остановился бы на станции Имандра в самом конце месяца, то работники станции могли бы купить на всю свою зарплату следующее количество какого-либо одного товара: мужчины при средней зарплате в 440 рублей – 256 килограммов картошки, 220 апельсинов, 176 стаканов, 33 килограмма кофе высшего сорта «Sanctus», 26 700 метров ниток в катушке; женщины при средней зарплате в 225 рублей – 131 килограмм картошки, 112 апельсинов, 90 стаканов, 18,5 килограмма кофе высшего сорта «Sanctus», 13 350 метров ниток в катушке. Такое обилие продукции различного рода было возможно благодаря снабжению от союзников, а реализация всех этих вещей населению существовала в связи с принятием 21 августа 1918 года постановления Мурманского краесовета «О возобновлении частного предпринимательства», гарантирующего свободное движение товаров [3: 229]. Однако для обычного работника главной проблемой была не только относительно низкая заработная плата, но, как уже упоминалось, постоянное снижение курса рубля при невозможности установить соответствующую этому падению зарплату.

В Мурманске 21 июля 1919 года проходило совещание представителей ведомств Мурманского края[32]. На нем присутствовали начальник Мурманской железной дороги Л. И. Бутаревич, начальник города Мурманска Сербинов, начальник работ торгового порта Садов. Одной из главных проблем, вынесенных на обсуждение, было падение уровня жизни. При повышении курса рубля с 40 до 80 рублей за фунт стерлинга с ноября 1918 по июль 1919 года заработные платы с 1 июля 1919 года выросли лишь на треть[33]. Участники совещания заявили о ситуации, которая могла быть еще терпима для холостых, но крайне тяжела для многосемейных рабочих и служащих: их доходы становились ниже прожиточного минимума, наблюдалось недоедание и падение трудоспособности, повышалась заболеваемость[34]. Было заявлено о поступлении от рабочих и служащих ходатайств на повышении ставок, что, в свою очередь, должно было привести к повышению окладов, а это «было бы крайне обременительным для казны вследствие тяжелого финансового положения»[35]. Предотвратить падение уровня жизни могли бы решительные меры финансовой помощи, однако участники совещания ограничились помощью лицам с детьми:

«Совещание представителей ведомств находило бы наиболее целесообразным впредь до пересмотра положения об окладах проведения в жизнь нижеследующей временной меры: “Все служащие и рабочие, имеющие при себе на своем иждивении детей, получают от учреждения ежемесячное пособие на каждого ребенка обоего пола, в возрасте до пяти лет включительно, 75 руб., и в возрасте свыше пяти 100 руб., причем право на пособие теряется мальчиками по достижении 12 лет, а девочками 14 лет”»[36].

Недостаток данного документа – отсутствие информации о том, является ли повышение окладов на треть той самой климатической надбавкой. Но в любом случае можно посчитать теоретическую среднюю заработную плату рабочих и служащих станции Имандры. Если средняя заработная плата всех мужчин составляла примерно 440 рублей, а средняя заработная плата всех женщин – 225 рублей, то после июньских надбавок складывалась следующая ситуация: а) при условии, что были установлены одновременно климатические надбавки на 20 % и обычные надбавки на треть от суммы оклада, средняя заработная плата мужчин равнялась бы примерно 660 рублей в месяц, а средняя заработная плата женщин – примерно 342 рубля в месяц; б) при условии, что были бы установлены лишь климатические надбавки, заработная плата мужчин в месяц составила бы 528 рублей, а заработная плата женщин – 275 рублей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившаяся экономическая ситуация явно не способствовала благополучию населения, прежде всего из-за постоянного падения курса рубля и роста цен на товары первой необходимости. Однако надо признать, что руководству Северной области и начальнику Мурманского края Ермолову удалось избежать голода и обнищания населения. Это ощущалось в том числе и на станции Имандра. Практически всем рабочим и служащим обоего пола, трудившимся в Имандровском депо, хватало на питание ниже среднего уровня, несмотря на несоответствие прожиточному минимуму. Благодаря наличию рыночных институтов на территории Александровского уезда существовала возможность купить товар в свободной продаже у частных лиц даже в условиях ограниченности торговли и общего повышения цен в частных магазинах.

Можно сказать, что трудящиеся станции Имандра были обеспечены достаточным количеством продовольствия и товаров первой необходимости во время сложной экономической обстановки в Северной области. В настоящий момент трудно подсчитать, сколько в реальности работники могли тратить денежных средств на продовольствие при наличии дополнительных трат на услуги, ремонт сломанного инвентаря, покупку одежды и другие бытовые

потребности. Информацией о подобных расходах мы сейчас не располагаем.

Одной из главных проблем для трудящихся было значительное гендерное неравенство в заработной плате. Огромный разрыв в доходах делал работниц-имандровчанок гораздо беднее мужчин, которые трудились на той же станции, причем в разных должностях. Этот разрыв не был преодолен и был закреплен в зарплатных ведомствах организаций Мурмана, причем средняя зарплата женщин по Мурману была выше, чем средняя зарплата женщин на станции.

Основную проблему при изучении экономической ситуации, в которой находились работники железнодорожных станций, составляет невозможность точно соотнести заработную плату на отдельной станции (в нашем случае на станции Имандра) с заработными платами на остальной территории Северной области или других станциях. Из-за недостатка необходимых данных такую оценку можно делать лишь приблизительно. Выявление и анализ новых источников позволит тщательнее сравнить заработную плату работников депо различных территорий: Мурмана, Карелии, Холмогор, Печоры и др. В таком случае возможно отметить различия между зарплатными уровнями, выявить некоторые аспекты начисления денежных сумм. Или же наоборот, прийти к выводу о практически одинаковой оплате труда работников всех станций Северной области согласно установленным ставкам в нормативно-правовых актах уездов.

В настоящий момент отсутствует необходимая информация о том, какая оплата труда работников станции Имандра приходилась на иные месяцы, чтобы была возможность увидеть динамику инфляции по месяцам и, соответственно, темпы снижения уровня материального обеспечения тружеников. При обнаружении новых источников эта проблема может быть решена.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области» (ГОКУ ГАМО). Ф. П621. Оп. 1. Д. 1.
[2] ГОКУ ГАМО. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 5.
[3] ГОКУ ГАМО. Ф. Р48. Оп. 1. Д. 1.
[4] ГОКУ ГАМО. Ф. Р45. Оп. 1. Д. 15.
[5] ГОКУ ГАМО. Ф. П621. Оп. 1. Д. 1. Л. 1
[6] Россия. Законы и постановления. Закон 6-го апреля 1916 г. о государственном подоходном налоге; Закон 13 мая 1916 г. о налоге на прирост прибылей. Одесса: Практическое правоведение, 1916. 60 с.
[7] Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. М.: Политиздат, 1959. С. 441–443.
[8] ГОКУ ГАМО. Ф. П621. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[9] Там же. Л. 3.
[10] Там же. Л. 3 об.
[11] Там же. Л. 3.
[12] Там же. Л. 3 об.
[13] Там же. Л. 3.
[14] Там же. Л. 3 об.
[15] Там же. Л. 3.
[16] Там же. Л. 3 об.
[17] Там же. Л. 3.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же. Л. 3 об.
[21] ГОКУ ГАМО. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–5.
[22] Там же. Л. 1 об.
[23] Там же.
[24] Там же. Л. 8–9.
[25] Там же. Л. 9.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] ГОКУ ГАМО. Ф. Р48. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.
[29] Там же.
[30] За Советскую Карелию, 1918–1920: воспоминания о гражданской войне: Сборник / Ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1963. С. 191.
[31] Там же.
[32] ГОКУ ГАМО. Ф. Р45. Оп. 1. Д. 15. Л. 53–53 об.
[33] Там же. Л. 53.
[34] Там же.

[35] Там же.
[36] Там же. Л. 53 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый Мурман: памяти профессора И. Ф. Ушакова: Сборник статей / Мурм. гос. пед. ун-т; Редкол.: А. В. Воронин (науч. ред.), А. А. Киселев, П. В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2004. 107 с.
2. Болычев П. Юный город из старой подшивки. Как жили наши земляки при белогвардейцах // Мурманский вестник. 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mvestnik.ru/our-home/pid20161004711/ (дата обращения 16.02.2022).
3. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: Сборник документов и материалов / Партийн. арх. Мурм. обкома КПСС, Арх. отд. Мурм. облисполкома, Гос. арх. Мурм. обл.; Сост. А. С. Мошкин (ред.) и др. Мурманск: Кн. изд-во, 1960. 494 с.
4. Войнаровский О. В. Социально-экономическое положение Северной области на рубеже 1918 – начала 1919-ых годов // Платоновские чтения: Материалы VIII Всерос. конф. молодых историков, г. Самара, 6–7 дек. 2002 г. Самара: Самар. ун-т, 2003. С. 34–37.
5. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. 200 с.
6. Дубровская Е. Ю. Социально-экономическое пространство сооружения Мурманской железной дороги: строители магистрали и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. № 1-18. С. 24–43.
7. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
8. История предпринимательства в России. Книга вторая. Вторая половина XIX – начало XX вв. М.: РОСПЭН, 1999. 575 с.
9. Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1977. 224 с.
10. Овсянкин Е. И. Денежные знаки Северной России, 1918–1923 гг. Архангельск: Архконсалт, 1995. 30 с.
11. Саблин В. А. Продовольственная политика Белой власти на Европейском Севере России в 1918–1920 гг. // «Былые годы» – российский исторический журнал. 2015. Том 37. Выпуск 3. С. 735–741.
12. Тарасов В. В. Борьба с интервентами на Севере России. М.: Госполитиздат, 1958. 311 с.
13. Ушаков И. Ф. Избранные произведения: В 3 т.: Историко-краеведческие исследования. Т. 1. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. 648 с.
14. Хасанова Р. Р. Историческое развитие налогов на доходы граждан в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 11-3 (30). С. 86–87.
15. Экономическое положение накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март – октябрь 1917 г. Ч. 2: Док. и материалы / Ин-т истории АН СССР, Глав. архив. упр., Центр. гос. историч. архив СССР в Ленинграде; Сост. А. М. Анфимов, П. В. Волобуев, Р. Ш. Ганелин др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 680 с.

Поступила в редакцию 09.03.2022; принята к публикации 30.06.2022

Original article

Evgeniy O. Sushko, Postgraduate Student, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" (Apatity, Russian Federation)
eugene55661@yandex.ru

ECONOMIC STATUS OF THE MURMAN WORKERS DURING THE CIVIL WAR: THE CASE OF THE IMANDRA STATION

Abstract. The article investigates the financial situation of the workers and employees of the Imandra railway station during the Russian Civil War and the intervention on Murman. The key research questions are: what legal acts established the workers' wages, and how these wages correlated with the general socio-economic situation of the inhabitants of the Northern Oblast. The main sources of research are archival materials containing information on the salaries of employees who held various positions, reports on the average wages of women and men, and the minutes of meetings of officials discussing the economic problems on the Murman. Archival data on the life of workers at the Imandra depot are used for the first time. It is concluded that at the Imandra station there was a significant gender inequality in terms of wages, with the average wage of men being almost twice the average wage of women. Nevertheless, despite all the difficulties, the station workers had access to the free purchase of consumer goods, although the prices for these goods were relatively high. It is concluded that one of the main problems of the Northern Oblast population was the rapid inflation of the ruble that resulted in higher prices, while wages could not match them.

Keywords: Imandra station, salary, Russian North, Civil War, gender inequality, economy

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state project FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Sushko, E. O. Economic status of the Murman workers during the Civil War: the case of the Imandra station. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(6):83–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.800

REFERENCES

1. White Murman: in memory of Professor I. F. Ushakov: Collection of articles. (A. V. Voronin, A. A. Kiselev, P. V. Fedorov, Eds.). Murmansk, 2004. 107 p. (In Russ.)
2. Bolychev, P. A young city from an old file. How our compatriots lived under the White Movement. *Murmansk Bulletin.* 2016. Available at: https://www.mvestnik.ru/our-home/pid20161004711/ (accessed 16.02.2022). (In Russ.)
3. Struggle for the establishment and consolidation of Soviet power on Murman: Collection of documents and materials. (A. S. Moshkin et al., Eds.). Murmansk, 1960. 494 p. (In Russ.)
4. Voinarovsky, O. V. Socio-economic situation of the Northern Oblast in late 1918 and early 1919. *Platonov Readings: Proceedings of the VIII all-Russian conference of young historians*. Samara, December 6–7, 2002. Samara, 2002. P. 34–37. (In Russ.)
5. Goldin, V. I. Intervention and anti-Bolshevik movement in the Russian North. 1918–1920. Moscow, 1993. 200 p. (In Russ.)
6. Dubrovskaya, E. Yu. Social and economic space of the Murmansk Railway construction: railway builders and the population of the adjoin territories during the World War I. *Transactions of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2020;1-18:24–43. (In Russ.)
7. Dubrovskaya, E. Yu., Korablev, N. A. Karelia during the First World War: 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 432 p. (In Russ.)
8. History of entrepreneurship in Russia. Book two. Second half of the XIX – early XX centuries. Moscow, 1999. 575 p. (In Russ.)
9. Kiselev, A. A., Klimov, Yu. N. Murman during the Revolution and the Civil War. Murmansk, 1977. 224 p. (In Russ.)
10. Ovsyankin, E. I. Banknotes of northern Russia, 1918–1923. Arkhangelsk, 1995. 30 p. (In Russ.)
11. Sablin, V. A. Food policy of White Power in the European North of Russia in the 1918–1920 years. *Bylye Gody – Russian Historical Journal.* 2015;37(3):735–741. (In Russ.)
12. Tarasov, V. V. Struggle against allied intervention in the north of Russia. Moscow, 1958. 311 p. (In Russ.)
13. Ushakov, I. F. Selected works: In 3 volumes: Historical and regional studies. Vol. 1. Kola land. Murmansk, 1997. 648 p. (In Russ.)
14. Khasanova, R. R. Historical development of taxes on income citizens in Russia. *International Research Journal*. 2014;11-3(30):86–87. (In Russ.)
15. Economic situation on the eve of the Great October Socialist Revolution. March–October, 1917. Part 2: Documents and materials. (A. M. Anfimov, P. V. Volobuev, R. Sh. Ganelin et al., Comp.). Moscow; Leningrad, 1957. 680 p. (In Russ.)

Received: 9 March, 2022; accepted: 30 June, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 91–98 2022

Научная статья Этнология, антропология и этнография
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.802
УДК 572+301(093.3)

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5960-9772; irinarazumova@yandex.ru

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА УЧЕНЫХ-ГЕОЛОГОВ (О дискурсивных аспектах профессии)

Аннотация. Цель статьи – определить культурно-идентифицирующее значение документальных произведений ученых-геологов, выступающих в роли непрофессиональных литераторов – биографов и мемуаристов. Одной из задач является анализ литературных форм, в которых осуществляется профессиональная идентификация ученых-геологов, в контексте проблемы жанрообразования в документальной литературе. В сочинениях, написанных с коммеморативными целями, на основе жизненной драматургии реализуются творческие возможности ученых как самодеятельных авторов. Предложен сравнительный анализ двух жизнеописаний ученых, созданных представителями научного цеха: хроника жизни И. В. Белькова, написанная его женой и коллегой И. Д. Батиевой, и автобиографическая повесть В. З. Негруцы, посвященная ушедшей из жизни супруге Т. Ф. Негруце и представленная как соавторская. Авторы и герои обеих книг – геологи, доктора наук, которые работали в Кольском научном центре РАН. Произведения объединяются по типу соотношения текстовой и внетекстовой реальности как видовому признаку документальной литературы. Анализ произведений опирается на идеи, согласно которым жанры идентифицируются на основе общих свойств, имеющих наджанровый характер. Они создают устойчивые или ситуативные сочетания и определяют сходство и разнообразие текстов. Профессиональная идентификация осуществляется на основе принципов документальности, мемуарности, историзма, биографизма, автобиографизма и коммеморативной установки. Они проявляются по-разному под влиянием мотивации автора, жанровой формы, литературных компетенций. Пересечение жанровых свойств в их варьируемых соотношениях и комбинаторике создает уникальные образцы документалистики, которые являются частью литературного наследия научной общности. В социально-антропологическом плане важно, что в них выявляются стабильные и варьирующие культурные модели ученых-геологов.

Ключевые слова: документальная литература, антропология профессий, антропология науки, геологи, биографическая хроника, автобиографическая повесть

Благодарности. Статья написана при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2022-0028 Кольского научного центра РАН.

Для цитирования: Разумова И. А. Документальная литература ученых-геологов (О дискурсивных аспектах профессии) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 91–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.802

ВВЕДЕНИЕ

Жанрово-видовые особенности биографий, автобиографий, мемуаров определяют их возможности не только как источников по истории науки и научной повседневности, но и ценного ресурса для антропологии науки и антропологии профессий. Документальные произведения ученых способствуют самопознанию академического сообщества, изучению его истории и культуры в целом и на уровне отдельных дисциплинарных общностей (см., например: [2], [3]). Они углубляют понимание «дискурсивных аспектов профессий» как «сложившихся или формирующихся способов говорить и представлять проблемы», а также смыслов, которые люди вкладывают в свою деятельность, специфики их жизненного мира, стилевых особенностей и т. п. [14: 40, 44].

Литературное творчество ученых, в том числе геологов, представляет особый культурный феномен. Мотивация авторов разнообразна: реализация личных творческих способностей или интереса к истории, сохранение памяти о близких и коллегах, популяризация научных

© Разумова И. А., 2022

знаний, привлечение внимания к той или иной научной области и роли науки в обществе, решение педагогических и воспитательных задач. Во всех случаях произведения имеют культурно-идентифицирующее значение. Одна из наших задач – рассмотреть литературные формы, в которых осуществляется профессиональная идентификация ученых-геологов, в контексте проблемы жанрообразования в документальной литературе.

В обыденном словоупотреблении обозначение «геолог» относится к большому кругу специалистов, различающихся по виду занятий: геологам-разведчикам, минералогам, геохимикам и т. д. Различия в экспертном знании и специальных навыках несущественны с точки зрения социально-культурных смыслов практической деятельности, которая связана с поиском, добычей и переработкой минеральных ресурсов. Профессии, объединенные понятием «геолог», символизируют «покорение» природы и освоение новых территорий. Образ геолога, занятого и рискованным физическим трудом, и интеллектуальной научной работой, соответствовал советской идее «нового человека». Повседневность геолога противоречит обыденным представлениям о рутине в силу высокого уровня опасности и неопределенности условий и результатов полевой работы.

Характер деятельности и практика ведения полевых дневников роднят геологов с представителями других научных специальностей, связанных с описаниями природы и быта (географами, этнографами). О том, что геолог – «человек пишущий», свидетельствует большой массив литературы воспоминаний[1]. Мемуары, био- и автобиографии воссоздают историю геологии как цепь путешествий и поисков, смену научных школ и направлений, развитие внешних и внутренних институциональных взаимодействий, серию биографий. Они обязательно включают разнообразные описания природно-ландшафтных особенностей территорий, полевой повседневности, а также рассказы о событиях на маршрутах. С антропологической точки зрения важно понимание того, как переживается профессиональный опыт, какими смыслами наделяется своя деятельность; «акценты при этом делаются на разделяемом, общем знании, специфике жизненного мира, стилевых особенностях, идентичности занятых тем или иным видом работ субъектов» [14: 44]. Пополнение фонда памяти об ученых в документальном литературном творчестве – это необходимое условие идентификации, показатель сплоченности научной общности и преемственности разделяемых группой ценностей.

ЛИТЕРАТУРА «НЕПРОФЕССИОНАЛОВ»

В отличие от «наивной литературы», привлекшей внимание фольклористов на рубеже XX–XXI веков [10], почти не исследуются произведения, созданные высокообразованными авторами, которые разбираются в литературе, но не являются профессиональными литераторами.

Жизнеописания ученых чаще всего являются автобиографиями-мемуарами или пишутся коллегами по цеху. Здесь действуют интерпретационные схемы, которые основываются на общекультурных представлениях о традициях и формах биографирования и на специальном опытном знании о модусе жизни человека «своей культуры», понимании его мироощущения. По мнению специалиста по «интеллектуальной биографии» В. В. Ващенко, в последней трети XX века на смену «биографии-агиографии» ученого пришла «биография-контекстуализация», которая

> «делает акцент на наличие всевозможных контекстов – интеллектуальных, политических, идеологических, – определяющих внешние контуры жизни ученого, за пределы которых он не может выбраться» (цит. по: [13: 59]).

Существует естественная граница между языком художественной литературы и языками других видов словесности. Научный работник привыкает к определенным способам изложения, но при этом у отдельных профессиональных групп ученых развиваются литературно-описательные навыки. В мотивах документальных повествований воплощаются характерные черты и символика деятельности. Любая профессиональная повседневность, наряду с событийностью, создает возможности для формирования сюжета и типовых мотивов, для изображения характеров и способов поведения в разных ситуациях, моделирования специфических конфликтов, а также для рефлексии о предназначении человека и драматическом противоречии между «частным» и общественно значимым.

С точки зрения нарратологии нет различий между художественным и документальным повествованием. По утверждению Ж. Женетта, при их разграничении «важен только официальный статус текста и горизонт его прочтения» [6: 405]. Е. Г. Местергази предложила концепцию, согласно которой «документальная литература» может быть выделена в отдельный вид художественной литературы с присущей ему спецификой художественной образности [9]. Рассматривая проблему в историко-типологическом ключе, С. С. Аверинцев подчеркивал, что «полупризнанные» жанры «особенно пластичны и подвижны»,

а потому «реалистический подход к литературному процессу <…> без их учета немыслим» [1: 20]. Он провел аналогию между жанром и биологическим видом, напомнив, что существование скрещиваний и гибридов возможно «только за счет того, что ни один, ни другой вид не выступает в полноте и чистоте своей сущности» [1: 8]. Современные финляндские исследователи в развитие этой идеи обосновали концепцию жанра по образцу естественно-научной и назвали подход «кластерным», поскольку жанры как абстракции («проекции») идентифицируются на основе общих свойств, которые создают устойчивые сочетания и порождают сходство текстов [17]. Ранее В. А. Луков обосновал понятие «жанровой генерализации» для обозначения процесса объединения разных жанров при воплощении общего принципа, который находится за пределами собственно жанра (документализм, историзм и т. д.) [8]. Понятия «биографизм», «автобиографизм» используются литературоведами в значении свойства конкретных произведений или генерализующего принципа и художественной, и документальной литературы [5], [12].

Иногда считается, что литература непрофессиональных писателей «эпигонская», авторы ориентируются на известные им жанровые образцы и не претендуют на литературную оригинальность. Однако анализ отдельных произведений и их сопоставление показывают, что «генерализующие принципы» и способы их реализации в конкретных случаях сочетаются не менее разнообразно и уникально, чем у профессиональных писателей и в художественной литературе. Важно, каким образом и в соответствии с каким замыслом комбинируются, например, личные воспоминания с письмами, дневниковыми записями и другими видами документов, приобретающими новые смыслы в контексте целого. Рассмотрим два произведения, сопоставимые по внешним основаниям. Оба написаны учеными-геологами, докторами наук, работавшими в академическом научном центре на Кольском полуострове. Обе книги посвящены памяти супруга-коллеги: в одном случае жена создала жизнеописание мужа, в другом – муж написал книгу о совместной жизни и работе, задуманную когда-то вместе с женой, сразу после ее смерти.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Жизнеописание ученого Игоря Владимировича Белькова (1917–1989) выполнено его женой Иеей Дмитриевной Батиевой (1922–2007) как долг памяти мужа[2]. В аннотации и неоднократно в тексте книга названа «воспоминаниями». Подзаголовок «Хроника жизни» соответствует биографической задаче и построению текста. Встречается и другое обозначение: «Эта повесть о человеке, который всю свою жизнь посвятил изучению геологии Кольского полуострова» (Батиева: 3). Ключевой смысл («жизнь, отданная геологии») определяет организацию повествования. Конструируется вариант биографии успешного советского ученого и создается образ гармоничной личности, которая полностью реализовалась в разных социальных ролях: исследователя, организатора науки, наставника, художника, семьянина, интеллигента. Самореализация ученого осуществляется вместе с развитием научной отрасли, и герой воплощает собой значительный этап ее истории, а также истории академического учреждения послевоенных десятилетий и геологического научного сообщества. Сюжет относится к типу, характеризующемуся

> «содержательно непротиворечивым движением и развитием событий», которые «примыкают друг к другу в соответствии с взаимосвязанными принципами “вероятия” и смежности – временной, пространственной, объектной и субъектной» [15: 115].

Отчетливее всего такая конструкция выражена в официальных биографиях, в которых важна последовательность состояний и статусов человека в определенной социальной системе [4: 152]. Органическое жанровое свойство подобных текстов – хроникальность, но, в отличие от стандартизованной биографии, нарративное жизнеописание имеет сложную хронотопическую структуру.

В книге И. Д. Батиевой датированы все главы, линия жизни разделяется на стандартные этапы: «Родители. Раннее детство (1917–1924)», «Школьные годы (1925–1935)», «Университет (1936–1941)», «Война (1941–1945)», «Возвращение домой» (1945), «Наше знакомство (1946)», «Аспирантура (1946–1948)». С какого-то момента их знаменуют объекты полевых работ: «Канозеро (1948–1950)», «Большие Кейвы (1951–1956)». Глава «Новый этап исследований (1957–1989)» занимает вторую половину книги и разделена на подглавы по летописному погодному принципу, без пропусков лет. Завершение профессиональной карьеры (выход на пенсию) ученого если и происходит, то формально (в последний год жизни он не оставлял научных и общественных занятий). Эпилог содержит информацию о мемориальных мероприятиях, за ним следуют список литературы о И. В. Белькове, перечни его картин в каталогах выставок и наград.

Линейность профессиональной траектории совмещается с цикличностью, которая соответ-

ствует ритмам жизни, работы и маятниковой мобильности (полевых, деловых и рекреационных выездов). Действия и ситуации повторяются по кумулятивному принципу. Повторяемость мотивов связана с «драматургией» профессиональной жизни. С одной стороны, автор повествования о «жизни в профессии» может рассчитывать на естественную событийность, особенно если это профессия из группы риска или сопряженная с путешествиями, преодолением расстояний и мобильностью [7]. Жизнеописание геолога невозможно без профессионально-идентифицирующих ситуаций, атрибутов, состояний. Опасности в дикой природе, полевой быт, физические нагрузки и травмы, разлука с близкими, ожидаемые, неожиданные и несостоявшиеся открытия обладают сюжетопорождающими возможностями. Они составляют фонд устойчивых мотивов рассказов геологов и о геологах. С другой стороны, то, что с внешней точки зрения воспринимается как событие или, как минимум, происшествие, в деятельности профессионала рутинизируется, поэтому повторяемость ситуаций и состояний неизбежна. Сюжетом становится сам процесс «опривычивания» после прохождения ряда специфических инициаций: первая экспедиция, первый научный доклад, статья, самостоятельная тема, защита диссертации и т. д.

Отрезок линии жизни И. В. Белькова до знакомства и брака с И. Д. Батиевой воссоздан по переписке Игоря Владимировича с родителями, которые жили в разных городах. Большая часть писем адресована сыном отцу в школьные, студенческие годы и в начале самостоятельной жизни. Письма подробны, наполнены размышлениями, описаниями и сопровождаются лишь кратким комментарием Батиевой, что превращает эту часть жизнеописания в эпистолярную автобиографию. В повествование включены также фрагменты переписки родственников в разные годы, что придает тексту полифоничность.

Мотив выбора профессии – один из ключевых. Он развернут в историю о выборе учебного заведения юношей из образованной семьи, у которого было много интересов и способностей (живопись, музыка, спорт, геология, архитектура), в условиях объективных социальных ограничений 1930-х годов и физических возможностей после полученной травмы. Судя по письмам, он без лишнего драматизма согласовал объективные возможности с «интуитивным» внутренним тяготением к сфере геологии. Весь дальнейший путь в науку – исключительно прямой. Даже война, участником которой был Бельков (в том числе в период блокады Ленинграда), – лишь временная остановка после университета на этом пути.

Часть повествования, которая относится ко времени после 1946 года, сочетает свойства профессиональной и семейной хроник. Она описывает жизнь семьи от создания, с событиями рождения и взросления детей, до распада со смертью одного из супругов. Образ жизни подчинен размерностям профессиональной повседневности: с ежегодными экспедициями, написанием научных трудов, поездками на конференции. Событийный план составляют выделяющиеся из обыденности испытания и происшествия на маршрутах, смены профессионального статуса, значительные открытия, знаковые публикации, насыщенные впечатлениями поездки, отчасти – события семейной жизни (рождение и важные вехи жизни детей), а также конфликтные «системно-профессиональные» ситуации, препятствующие решению научных проблем.

О работах и достижениях И. В. Белькова повествуется строками отчетов, выдержками из официальных документов о признании заслуг, наградах. В послужном списке ученого отмечены этапы накопления результатов, последовательность тем и открытий, публикаций, докладов. Воспроизводить эту схему «художественно» или довериться документам – выбор биографа. Он в равной мере зависит от наличия и репрезентативности доступного документального фонда, от литературных возможностей автора и его установки.

В аннотации указано, что книга создавалась «при поддержке и участии» Кольского научного центра РАН, Геологического института и Кольского отделения Российского минералогического общества. Речь, скорее всего, о финансовой и организационной поддержке, однако не исключено и вмешательство в текст – как редакторское, так и коллегиальное, например, в подборе документов, из которых складывается биография научного работника, тем более должностного лица. Прежде всего это касается официальных отчетов, фрагменты которых распознаются в повествовании по их стилистике. Автор, по крайней мере на уровне «пакта» с читателем, выступает и от своего лица, и как представитель коммеморативной общности (коллективного автора и адресата произведения).

Книга о И. В. Белькове занимает промежуточное положение между институциональной биографией и свободным повествованием об ученом, написанным близким человеком, который полно-

стью включен в его жизнь. «С ним я бок о бок прошла 42 счастливых года, – пишет И. Д. Батиева, – и после ухода в мир иной он был всегда рядом со мной в моих мыслях и делах» (Батиева: 3).

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Книга Тамары Федоровны Негруцы (1932–2000) и Владимира Зиновьевича Негруцы (1934–2011) была задумана в конце 1980-х годов, когда начала распадаться страна, и у супругов-ученых возникла идея поделиться опытом «двух преданных членов» советского общества, которые прошли сквозь все его испытания и считали, что «опыт семьи и ее вживания в так круто меняющиеся условия» может быть полезен. Однако мемуарное произведение о проживании семьей советской истории не состоялось. Помешали «увлечение геологией» и необходимость «систематизировать и проанализировать совместно накопленный фактический материал» (Негруца: 3). Книгу написал В. З. Негруца сразу после смерти жены. Замысел изменился, воплотившись в повести «Тропою любви»[3]. Написанные Т. Ф. Негруцей перед смертью 33 строчки автобиографии начинают повествование («Вместо предисловия»), остальное писал В. З. Негруца, но публикуется произведение как соавторское. Так создается символический план повести. Запись Тамары Федоровны о детстве и юности закончилась на словах «В Кузнецком Алатау встретилась с Володей и…» (Негруца: 9). Печальное обстоятельство обратилось в литературный прием: автор изложил на одной странице свою «предысторию» и тоже поставил многоточие: «Так я попал в Кузнецкий Алатау, где встретил Тамару…» (Негруца: 10). Произведение стало повестью, написанной в память о жене, и историей одной семьи с выраженной профессиональной идентичностью.

Основной смысл повести состоит в утверждении ценности супружеской семьи ученых, «совместности» и любви, пронесенных через испытания. Вместе с тем бытие семьи – жизнь в геологии. Лейтмотивом является мотив супружеской солидарности как личностно-эмоционального и профессионального единения. Семейная пара ученых – действующие лица истории геологических исследований второй половины XX века. Их домашний быт и супружеские отношения – часть научной повседневности, события, которые происходят в науке, переживаются в семье, работа не прекращается в домашнем пространстве, а ее успешность всецело зависит от взаимной профессиональной поддержки и интереса к трудам друг друга. Коллизии, связанные с отстаиванием научных позиций, защитами диссертаций, удачными и неудачными «полями», составляли, по словам автора, «профессиональные аспекты нашей семейной жизни». То же можно сказать о семейных аспектах профессиональной жизни: это работа в одних организациях, стремление участвовать в одних экспедициях, совместное продумывание идей, помощь в написании трудов. В повести достаточно места отводится рассказу об истории исследований и конкретных научных проблемах, но сюжетообразующая роль принадлежит семейной идее.

Сюжеты литературных произведений на семейную тему соответствуют парадигме, основанной на фазах жизненного цикла «малой» семьи [16]. Его составляют события брака, рождения, смерти, разводов, конфликтов, переездов и т. д. Брачные и семейные отношения – идеальная канва для романизации документальной прозы. Повесть В. З. Негруцы начинается с главы «Встреча», за ней следуют «Знакомство», «Любовь», «Женитьба», «Свадебное путешествие», «Рождение Аленушки», «Сквозь первые размолвки», «Начало нашей совместной работы», «Очередная разлука», «И снова совместное поле» и т. д. Из названий 20 глав только четыре лексически не связаны с семейным жизненным циклом и супружескими отношениями. Испытания на пути «созидания совместной жизни» в виде конфликтов, которые чуть не привели супругов к разрыву, были запрограммированы социально-культурными различиями родительских семей: со стороны В. З. Негруцы это сельская крестьянская семья молдаван, со стороны его жены – ленинградская русская семья, которая в интерпретации автора предстает как «мещанская». Воспитательные и нравственные установки ориентационных семей во многом разнились, что порождало конфликты. Профессиональное единение было одним из факторов их преодоления. В повести ярко выражен символический план супружеских отношений, подчеркнуты их духовные основания, начиная с первой встречи с женой и заканчивая ее смертью, метафорически означенной как «уход в последнее геологическое поле». Событиями служит то, что осмыслено символически и важно с точки зрения психологии брачного выбора и взаимодействий. Основу того и другого составляют «духовность, внутренний мир и индивидуальная мыслительная сущность» партнера (Негруца: 21).

Рассказ В. З. Негруцы имеет исповедальный, эмоционально-интимный характер: в описаниях нежных чувств, переживаний ревности, сцен супружеских ссор. Романному началу соответству-

ет использование прямой диалогической речи. Повесть отличает авторский стиль (речевое поведение), для которого характерны эмоциональность, психологизм, философские и нравственно-дидактические рассуждения о человеке, истории, цивилизации, этике. В самом начале автор заявил, что ему «и в голову не приходило заглядывать» в их общее «неохватное эпистолярное наследие», так как жена продолжает жить рядом, «в мыслях и делах», и все написанное – это «в унисон произнесенные мысли, единой думой сформулированные отрывки самых важных для нас бусинок прожитой жизни» (Негруца: 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Два жизнеописания ученых-геологов при всех видовых, жанровых и сюжетных различиях объединяются по типу соотношения текстовой и внетекстовой реальности, если ориентироваться на предложенную С. Ю. Неклюдовым объяснительную модель устойчивой топики повествований [11: 474]. В документальной литературе драматургия повествования является проекцией «драматургии жизни», хотя не прямой и не полной, «“описание исторической действительности” неизбежно остается своего рода “виртуальной реальностью”» [11: 477–478]. Обе книги документальны, но в разном отношении. Хроника жизни И. В. Белькова опирается на документы – личную переписку, официально зафиксированные результаты исследований, свидетельства о наградах и др. Они включаются в текст, выделяясь курсивом, кавычками или опознаваясь без них. Повесть «Тропою любви», по существу, игнорирует документы, хотя авторский текст в части рассказа о научном процессе и его результатах местами стилистически им соответствует. Документальность произведения В. З. Негруцы в том, что оно в своей целостности является эго-документом. В обоих случаях полноправно присутствует один документальный источник – фотографии, «производственные» и семейные, служащие историческими свидетельствами и иллюстрациями. Оба жизнеописания преследуют коммеморативную цель, воплощая ее по-своему. И. Д. Батиева создала текст-памятник крупному ученому и своему мужу, его научным достижениям. В. З. Негруца написал объяснение в любви умершей жене, текст-реквием по ней и счастливо прожитым годам, адресовал обобщенному читателю свою исповедь и преподал философско-нравственные уроки. Обе книги содержат начала мемуарности и историчности. «Живая память» (индивидуальная и коллективная, если иметь в виду профессиональную общность) сочетается с документированными фактами. Насколько это удачно в литературном плане – вопрос оценки. Жизнь ученых вписана в историю страны и неотделима от истории науки геологии. Оба мемуариста оценивают ее как «интересную жизнь в наше счастливое время» (Батиева: 3), прежде всего потому, что «посчастливилось сравнительно глубоко вникнуть как в производственные, так и научные аспекты геологии, воспринимать ее как науку о вечно развивающейся Земле» (Негруца: 229). Авторы создали два информативных ресурса для историков геологической науки. Оба повествования по-своему автобиографичны, но если у В. З. Негруцы автобиографизм – одна из доминантных характеристик жанра, заявленных автором, то в сочинении И. Д. Батиевой – это естественное (литературно не отрефлексированное) следствие глубокой причастности автора к жизни ее героя, что обуславливает частую замену «он» на «мы» в жизнеописании биографируемого лица. Кроме того, «Тропою любви» символически представлена как семейная (супружеская) автобиография. Оба произведения содержат «семейную историю», одно в историко-хроникальном варианте с элементами научности, другое – в романическом плане.

Пересечение названных черт в их различных соотношениях и комбинаторике создает уникальные образцы документальной литературы, в которых в большей или меньшей степени присутствует художественное начало. Рассмотренные жизнеописания являются частью литературного наследия научной общности. В социально-антропологическом плане важно, что в них выявляются стабильные и варьирующие культурные модели ученых-геологов, как профессиональные, так и семейные, гендерные и прочие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., напр.: Геология – жизнь моя… Геологи вспоминают: Сб. очерков: В 22 т. М.: Рос. геол. об-во, 2001–2010; Российские геологи рассказывают о себе: В 3 кн. Сыктывкар: Геопринт, 2015.

[2] Батиева И. Д. Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни. Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2007. 205 с. Ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках (фамилия и номер страницы) после цитаты.

[3] Негруца Т. Ф., Негруца В. З. Тропою любви (автобиографическая повесть). СПб.; Апатиты: ИК «Синтез», 2002. 230 с. Ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках (фамилия и номер страницы) после цитаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М.: Наука, 1989. С. 3–25.
2. Антропология академической жизни: традиции и инновации / Отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. 376 с.
3. Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2011. 356 с.
4. Байбурин А. К. Заметки о формировании официальной биографии в российской традиции // Словесность и история. 2021. № 2. С. 140–154. DOI: 10.31860/2712-7591-2021-2-140-154
5. Болдырева Е. М. Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 242–251.
6. Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
7. Змеева О. В. Полевой сезон геолога и практики мобильности: к истории минералогических исследований Хибинских тундр // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 91–96.
8. Луков В. А. Жанры и жанровые генерализации // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 141–148.
9. Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. М.: Флинта: Наука, 2006. 160 с.
10. «Наивная литература»: Исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 246 с.
11. Неклюдов С. Ю. Темы и вариации. М.: Индрик, 2016. 520 с.
12. Павлова С. Ю. О соотношении понятий «жанр автобиографии», «автобиографический дискурс», «автобиографизм»: литературоведческий аспект // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 22–28. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-22-28
13. Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. 456 с.
14. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий: Сб. науч. ст. Саратов: Науч. кн., 2005. С. 13–49.
15. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 223 с.
16. Jonnes D. The matrix of narrative: Family systems and the semiotics of story. Berlin; New York; Mouton de Gruyter, 1990. 293 p.
17. Kokkonen T., Koskinen I. Genres as real kinds and projections // Genre – text – interpretation: Multidisciplinary perspectives on folklore and beyond (ed. by Kaarina Koski and Frog with Ulla Savolainen). Finnish Literature Society / SKS. Helsinki. Studia fennica folkloristica. 22. 2016. P. 89–109.

Поступила в редакцию 27.06.2022; принята к публикации 22.08.2022

Original article

Irina A. Razumova, Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5960-9772; irinarazumova@yandex.ru

DOCUMENTARY LITERATURE WRITTEN BY EARTH SCIENTISTS (discursive aspects of the profession)

Abstract. The purpose of the article is to assess the cultural identification value of documentary literature written by earth scientists who act as amateur biographers and memoirists. One of the tasks is to analyze the literary forms that embody the professional identification of geologists in the context of the problem of genre formation in documentary literature. The scientists realize their creative potential as amateur authors in the works written for commemorative purposes on the basis of real-life plots. The paper presents the comparative analysis of two scientists' biographies written by their counterparts: the life chronicle of I. V. Belkov written by his wife and colleague I. D. Batieva and the autobiographical novel co-written by V. Z. Negrutsa and dedicated to his deceased wife T. Ya. Negrutsa. The authors and heroes of both books are geologists – doctors of sciences who worked at the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Both books are characterized by the same type of relation between textual and extra-textual reality as a specific feature of documentary literature. The analysis is based on the ideas that genres are identified according to their common properties of a supra-genre character, which create stable or situational combinations and determine the similarity and diversity of texts. Professional identification is carried out on the basis of principles of documentation, memoirism, historicism, biographism, autobiographism, and commemorative attitude. These principles manifest themselves in different ways under the influence of the author's motivation, genre form, and writing competence. The intersection of specific and genre features in different proportions and combinations creates unique examples of factual literature that are part of the literary heritage of scientific community. From the socio-anthropological

perspective, it is important that these works reveal both stable and varying cultural models of geologists.

K e y w o r d s : factual literature, anthropology of professions, anthropology of science, geologists, biographical chronicle, autobiographical story

A c k n o w l e d g e m e n t s . The study was funded from the federal budget as part of the state project FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

F o r c i t a t i o n : Razumova, I. A. Documentary literature written by earth scientists (Discursive aspects of the profession). *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(6):91–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.802

REFERENCES

1. A v e r i n t s e v , S . S . Genre as abstraction and genres as reality: the dialectic of closure and openness. *Relationship and mutual influence of genres in the development of ancient literature*. Moscow, 1989. P. 3–25. (In Russ.)
2. Anthropology of academic life: traditions and innovations. Moscow, 2013. 376 p. (In Russ.)
3. Anthropology of professions, or unauthorized entry is allowed. Moscow, 2011. 356 p. (In Russ.)
4. B a i b u r i n , A . K . Notes on the formation of an official biography in Russian tradition. *Text and History*. 2021;2:140–154. DOI: 10.31860/2712-7591-2021-2-140-154 (In Russ.)
5. B o l d y r e v a , E . M . Autobiographism and autobiography: self-constructing and subject semiotization. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2017,4:242–251. (In Russ.)
6. G e n e t t e , G . Figures: Works on poetics. Moscow, 1998. 472 p. (In Russ.)
7. Z m e e v a , O . V . The field season of geologists and practice of mobility: on the history of mineralogical research of Khibiny tundra. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2018;5(174):91–96. (In Russ.)
8. L u k o v , V . A . Genres and genre generalizations. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2006;1:141–148. (In Russ.)
9. M e s t e r g a z i , E . G . Documentary principle in the literature of the twentieth century. Moscow, 2006. 160 p. (In Russ.)
10. “Naive literature”: studies and texts. (S. Yu. Nekludov, Comp.). Moscow, 2001. 246 p. (In Russ.)
11. N e k l y u d o v , S . Y u . Themes and variations. Moscow, 2016. 520 p. (In Russ.)
12. P a v l o v a , S . Y u . On the correlation of the concepts of “autobiography genre”, “autobiographical discourse”, “autobiographism”: literary aspect. *Speech Genres*. 2020;1(25):22–28. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-22-28 (In Russ.)
13. P o p o v a , T . N . Biography of a historian at the crossroads of historiographical traditions. Theory. Methodology. Practice. Odessa, 2017. 456 p. (In Russ.)
14. R o m a n o v , P . V . , Y a r s k a y a - S m i r n o v a , E . R . Anthropological studies of professions. *Anthropology of professions: Collection of research papers*. Saratov, 2005. P. 13–49. (In Russ.)
15. S i l a n t ’ e v , I . V . Plot studies. Moscow, 2009. 223 p. (In Russ.)
16. J o n n e s , D . The Matrix of narrative: Family systems and the semiotics of story. Berlin; New York; Mouton de Gruyter, 1990. 293 p.
17. K o k k o n e n , T . , K o s k i n e n , I . Genres as real kinds and projections. *Genre – text – interpretation: Multidisciplinary perspectives on folklore and beyond.* (K. Koski, Frog, U. Savolainen, Eds.). Helsinki, 2016. P. 89–109.

Received: 27 June, 2022; accepted: 22 August, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 99–109 **2022**

Научная статья **Этнология, антропология и этнография**
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.803
УДК 394:004.7(=511.1)

ЛАРИСА АНДРЕЕВНА КУЗНЕЦОВА
аспирант
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
laralissysorkuz@yandex.ru

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СААМСКИХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ РОССИИ И МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются проблемы, связанные с социально-культурными функциями виртуальных сетевых сообществ кольских саамов в сегменте «этнического Интернета». Это обуславливает актуальность исследования и его новизну. Цель статьи – проведение сравнительного анализа продуктивности деятельности саамских интернет-сообществ регионального и российского уровня в области обсуждения в них социальных и социокультурных проблем данной этнической группы и размещения материалов соответствующей тематики. Неотъемлемой задачей является выявление в онлайн- и оффлайн-пространствах взаимодействующих деструктивных процессов, затрудняющих деятельность сообществ. Использовались методы невключенного онлайн-наблюдения и контент-анализа киберсообществ и электронных ресурсов. В результате было установлено, что к текущему году большинство представленных сообществ приостановили свою деятельность и с трудом реализуют планируемые социокультурные оффлайн-проекты. Большая часть саамского населения Мурманской области живет медленной онлайн-жизнью или не вовлечена в нее, несмотря на стремления онлайн-объединений кольских саамов к более широким и взаимным контактам с региональной, российской и зарубежной общественностью, СМИ, властями. Определяются функциональные и технологические причины прекращения деятельности онлайн-сообществ.

К л ю ч е в ы е с л о в а : интернет-сообщества, кольские саамы, Мурманская область, социокультурные проблемы, культурно-просветительский капитал, киберэтничность

Б л а г о д а р н о с т и . Статья выполнена по теме государственного задания № 0226-2019-0066.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кузнецова Л. А. Анализ динамики функционирования саамских сетевых сообществ России и Мурманской области // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 99–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.803

ВВЕДЕНИЕ

С появлением Интернета как нового пространства социального взаимодействия этничность наряду с иными видами идентичности приобрела новые формы и наполнение, включающее виртуальную консолидацию разрозненных в пространстве пользователей по признаку этнического происхождения. Одним из наиболее важных аспектов так называемой киберэтничности (выражения этнической идентичности в онлайн-пространстве) является презентация культурного потенциала и просветительских возможностей этнической группы, стремящейся заявить о своей значимости и стремлении к единству без привязки к определенной территории. В последнее время многие исследователи отмечают исчезновение языков и прерванность межпоколенческой традиционной связи, благодаря которым осуществлялись передача и воспроизводство не только элементов материальной культуры кольских саамов (национальные костюмы, предметы быта), но и нематериального наследия (традиции, язык), в связи с чем процесс самопознания народа все больше реализуется за счет не внутренних, как раньше, а внешних источников [9: 172–176], [11: 103], среди которых Интернет занимает все более уверенные позиции. Поэтому феномен киберэтничности в целом и раскрытие ее культурно-просветительского аспекта в частности позволяют исследователям, интересующимся той или иной этнической культурой, или самим ее носителям распространять для себя и остальной общественности как можно больше сведений в том числе и о социальных проблемах, с которыми они сталкиваются, что косвенно может благоприятно сказаться на качестве жизни ее предста-

© Кузнецова Л. А., 2022

вителей. Исследования З. В. Сикевич [8: 45–48], А. А. Головнева [4: 106–107], С. Ю. Белоруссовой [2: 36–39], М. Ю. Ханхуновой [12], И. А. Разумовой [7], О. А. Бодровой [3: 174], Г. И. Грибановой [5] и др. направлены на изучение так называемых цифровых аспектов идентичности. Кроме того, изучение киберэтничности способствует развитию гуманистического направления цифровой этнографии, в рамках которого исследователь в известном смысле выступает в роли защитника, пытаясь либо своими средствами повлиять на проблему, выявленную по интернет-источникам, либо сделать это косвенно, указав на нее[1].

Имеет место и обратная ситуация. Осознание и оценка администраторами целесообразности дальнейшего развития и информационного наполнения виртуальных этнических сообществ зависят от возникающих новых или устойчивых, не устраняемых представителями региональной власти, объективных социально-экономических проблем этнической группы. Это отрицательно влияет на интенсивное и экстенсивное развитие культуры, популяризацию и понимание ее уникальности и ценности, а снижение информационного фона культурной жизни способствует замалчиванию острых вопросов о качестве жизни и социальных проблемах представителей этнической группы. В качестве примера подобных последствий можно привести случай, когда саамское сообщество высказывало недоумение по поводу того, что в программе праздника, посвященного 100-летию г. Мурманска, организаторы ни разу не вспомнили о коренных жителях Кольского полуострова. В дни празднования на нескольких сценах областного центра были разыграны эпизоды из прошлого Мурманска, однако, по заверению саамов, ни на одной из них не было людей в костюмах коренных жителей. Между руководством Мурманска и саамским сообществом давно назрел конфликт, связанный с отказом чиновников установить в центре города мемориал оленно-транспортным батальонам. Бывший глава Мурманска Алексей Веллер подчеркивал, что он готов обсуждать эскизы памятника, но против его установки в городе[2]. Кроме того, уменьшение количества информации, касающейся культурной жизни кольских саамов, при активном развитии этнотуризма в регионе косвенно способствует театрализации и упрощенному, а зачастую и искаженному представлению о ней. Туристический бизнес – дело сугубо коммерческое и конкурентное во всех его формах, что не может не влиять на культуру, на складывавшиеся веками взаимоотношения между людьми. Туристические зоны по всему миру упрощают национальную кухню. Традиционные ремесла работают на производство сувениров, их продукция становится массовой, декоративной и потому также упрощенной или стилизованной. Культура театрализуется, но опасность не в излишней яркости и экспрессивности представлений. Ее ориентируют на ожидания туристов, основанные на их представлениях об аборигенном населении, часто далеких от реальности. В итоге культура превращается в яркую имитацию традиций и зачастую носит фальшивый характер. В Ловозере даже в условиях слабого турпотока подобная китчевая трансформация культуры уже происходит. Популярным туристическим объектом является Деревня саами (Музей саами) «Самь Сыйт». По словам представителей власти и активистов саами из Ловозера, представленная в деревне культура не имеет никакого отношения к саами, но является той самой яркой стилизацией, о которой говорилось выше. Созданный в ней образ соответствует стандартным, клишированным представлениям большинства населения о традициях коренных малочисленных народов Севера [1: 122–124]. Об этой деревне множество положительных отзывов, но есть и отрицательные, так, главным недостатком деревни названо невежество организаторов:

> «Это не деревня саами, а... скажем, общеэтнографическая. Не было у лопарей кроликов, идолов, не разводили они хаски. Малицы не шили из белой замши по моде-2016 с разноуровневым подолом. Обед неплох, но не национальный. Чай – “Гринфилд” из пакета. Суп – из говядины...»[3].

Местные активисты обращали также внимание на стилизованные эмблемы мероприятий, связанных тем или иным образом с культурой саамов. На них традиционно изображают мальчика у чума, что соответствует скорее образу из советского мультфильма «Умка», но не образу саама. Судя по множеству положительных отзывов о музее, особой тяги к китчу у людей нет, но есть незнание культур коренных малочисленных народов Севера, в частности культуры саамов [1: 123].

Таким образом, качество жизни и популяризация культурной деятельности этнической общности – достаточно подвижные, динамические категории, поскольку и на развитие реальной деятельности в этой области, и на степень ее репрезентации в сети Интернет влияет множество факторов – социокультурных, регионально-политических, социально-экономических, технологических. В частности, распространение новых сведений в рамках этнической самопрезентации

в онлайн-среде зависит от политики регулирования государственными органами доступа к информации; от степени готовности представителей этнической группы заявлять о своих проблемах широкой общественности и организациям по поддержке тех или иных народов; от технического совершенства интерфейсов интернет-источников, которое определяет способы взаимодействия с пользователем, и других обстоятельств.

Информационные барьеры визуально могут выражаться не только в виде нередко предзаданной для исследователя закрытости онлайн-сообществ под влиянием строгой модерации, жестких ограничений создателей и администраторов сайтов. Их также формирует низкая активность пользователей: отсутствие или малое количество постов, комментариев пользователей, добавленных файлов с текстовыми, фото-, аудио- и видеоматериалами. Многие онлайн-сообщества, несмотря на комплексные цели и задачи создания, а также активную деятельность в начале функционирования, имеют тенденцию к увеличению временных промежутков между обновлениями и в конце концов полностью прекращают свою деятельность. Этот процесс так или иначе связан или с тематикой, или с типом сообщества (официальным или неформальным), который определяет характер его наполнения содержанием, или с персональными проблемами администратора сообщества в оффлайн-реальности. Жизненные обстоятельства могут препятствовать регулярной практике его обращения к комментирующим, выкладыванию новой информации, контролю за правилами поведения участников, фильтрации зарегистрировавшихся пользователей (в случае с закрытыми онлайн-сообществами), систематизации контента, то есть управлению онлайн-сообществом как реальной оффлайн-организацией.

Деятельность этнических онлайн-сообществ связана с информированием целевой аудитории не только об аспектах традиционной культуры, но и, к примеру, о современном состоянии социальной организации, менталитете и социально-психологических особенностях этнической группы и их изменениях под влиянием внешних факторов. В частности, с развитием цифровых технологий и компьютеризацией быта меняется этика общения и социального взаимодействия. «Вымирание» ряда сообществ означает своего рода урон для исследователей, накапливающих данные по сетевым источникам, а также социокультурного капитала самих представителей этнической общности, которые стремятся к знанию и обогащению «материнской» культуры, ее адаптации к современным реалиям. В конечном итоге снижается доступ к информации о возможностях улучшить качество жизни и разрешить социальные, экономические, культурные проблемы. В особенности это касается компактно проживающих на одной территории коренных малочисленных народов России, которые являются социально уязвимой категорией населения. Они испытывают давление таких деструктивных факторов, как изолированный, часто тяготеющий к традиционному сельский образ жизни; притеснение глав административно-территориальных образований, к которым прикреплена этническая группа, в отношении традиционных видов деятельности или официального трудоустройства; проблемы организации образования на родном языке или его освоения и др. В Мурманской области этот перечень проблем, характерный для кольских саамов (в том числе в виртуальной части их социокультурной повседневности), освещался в исследованиях О. В. Аксеновой [1: 118–125], О. А. Сулеймановой [10: 146–147] и др.

МЕТОДИКА И ИСТОЧНИКИ

Целью исследования является сравнительный анализ продуктивности деятельности (активности) саамских этнических интернет-сообществ регионального и российского уровня в части обсуждения в них социально-культурных проблем этнической группы и размещения соответствующих материалов, а также выявление факторов деструктивных процессов, взаимодействующих в онлайн- и оффлайн-пространствах, которые препятствуют деятельности сообществ. Исследование инициировано проверкой двух гипотез: 1) объективные социально-культурно-экономические проблемы саамов в оффлайн-пространстве влияют на целесообразность и динамику репрезентации саамской культуры в сети Интернет и, напротив, 2) количественное распространение киберсообществ и качественное разнообразие их контента в части освещения социокультурных проблем саамов влияют на успешность разрешения этих проблем в реальности. Исследование основано на данных предыдущего этапа [6: 5–10], в нем использовались следующие категории анализа:

1) Вид сайта, на котором расположены интернет-сообщества;

2) Тип сообщества по организационному основанию (принадлежности и инициативе создания);

3) Общее количество событий, связанных с культурой и образованием саамов, на каждом сайте;

4) Характер основного контента исследуемых саамских этнических интернет-ресурсов по соответствующему содержанию большинства упоминаемых на этих сайтах событий социально-культурной жизни (саамский язык и его изучение, хозяйственно-бытовые, традиции, праздники, этническая история, литература, религия, изобразительное искусство, этническая символика, социальные отношения, общественно-политические проблемы и амбиции в саамской этнической общности Мурманской области и пр.);

5) Образовательные, профессиональные и культурно-просветительские цели этих событий и сообщения информации о них в саамских этнических интернет-сообществах (сайтах) и на общероссийских образовательных и культурно-просветительских сайтах, которые предоставляют сведения о саамах и их культуре;

6) Время последних обновлений событий в каждом киберсообществе (выявление количества развивающихся и «брошенных» администраторами интернет-сообществ), а также записей и других единиц информации, указывающих на причины прекращения развития того или иного сообщества [6: 5–10];

7) Количество и характер комментариев в каждом киберсообществе.

При помощи методов невключенного онлайн-наблюдения и контент-анализа электронных ресурсов и сообществ найдены и проанализированы 33 саамских этнических киберсообщества, относящиеся к трем большим группам по организационному основанию (принадлежности и инициативе создания). Из них 18 сообществ в социальных сетях и 15 официальных сайтов с указанием общего количества регулярно добавляющихся модератором единиц информации (упоминаний, мероприятий, постов, файлов, других форм) на темы образования и культуры в саамской этнической среде и остальной части целевой аудитории, интересующейся данной тематикой.

Количество значимых для исследования единиц информации в группах социальных сетей («ВКонтакте») на тему культурно-просветительской и научно-образовательной жизни саамов (без обсуждения других аспектов) подсчитано по состоянию на 10 марта 2020 года путем вычитания числа из записей непосредственно сообщества (его администратора), которые, в свою очередь, также являются частью общего количества записей на стене. В категорию необходимых для исследования единиц информации также входит суммарное количество нетекстовых единиц информации (видео-, аудиозаписей, фотографий, анимаций, скачиваемых текстовых и программных файлов и т. п.) и записей, оставленных пользователями групп социальных сетей в темах раздела «Обсуждение» (эти записи также могут быть рассмотрены в качестве комментариев). В то же время количество аналогичных единиц информации на официальных сайтах, содержащих данный контент в чистом виде или частично, с примесью раскрытия других обсуждаемых в сообществе тем, найдено путем прямого порядкового счета на основных страницах сайтов (так называемые репосты и другие вторичные ссылки не учитывались). В настоящем исследовании для выявления динамики (сравнения) продуктивности функционирования сообществ в указанном аспекте произведен аналогичный подсчет значимых единиц информации по состоянию на 20 января 2022 года.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

По итогам исследования были определены несколько категорий онлайн-сообществ по динамике их функционирования:

1. Сообщества, прекратившие обновление до 3 апреля 2020 года (количество файлов и записей по запросу не увеличилось). В их число входят 9 сообществ: «Форум саами. (Forum Sápmi)», «Саамский информационный бюллетень «Сāмь Ē ммьне» – «Саамская земля», канал видеохостингового сайта YouTube «Кольское Саамское радио», «Саамский парламент Куэллнэгк нёарк Сāмь Соббар», официальный сайт Музея саамской литературы и письменности им. Октябрины Вороновой, группа в социальной сети «ВКонтакте» «Воссоздание поселения древних саамов и создание на его базе культурно-просветительского экологического центра», образовательный портал «Саамские словари: online-словари и приложения», официальная страница информационного вестника (группа в социальной сети «ВКонтакте») «Куэллнэгк рыннт» / «Кольский берег» и группа в социальной сети «ВКонтакте» «Duodji samisk håndverk».

2. Сообщества, прекратившие обновление в начале 2022 года и к моменту отслеживания 20 января 2022 года (количество файлов и записей заметно увеличилось в сравнении с состоянием на 3 апреля 2020 года, но новых записей и файлов в начале 2022 года и после 20 января 2022 года не обнаружено). К ним можно отнести только одно сообщество – представительство официального сайта общественной организации

(группа в социальной сети «ВКонтакте») «Фонд саамского наследия и развития».

3. Сообщества, прекратившие обновление в промежутке между 3 апреля 2020 года и 20 января 2022 года (количество файлов и записей заметно увеличилось в сравнении с состоянием на 3 апреля 2020 года, но обновления прекратили появляться после этой даты). В их число входят 8 сообществ: представительство официального сайта Мурманской областной молодежной общественной организации саамов «Самь Нураш» (Самь нурр олмэ организаһция «Самь Нураш», группа в социальной сети «ВКонтакте»), информационный портал с функцией электронной библиотеки «Российские саами. Саами Кольского полуострова», официальное сообщество (группа) в социальной сети «ВКонтакте» «ООСМО – Общественная организация содействия правовому просвещению и сохранению культурного наследия саами Мурманской области», краеведческий портал «Земля Ловозерская», группа в социальной сети «ВКонтакте» «Лопари (Саамы)», информационный портал «Ловозерье», группа в социальной сети «ВКонтакте» «Сӑмь кӣлл | Sām′ kīll | Саамский язык» и представительство официального сайта «Ловозерский национальный культурный центр» (группа в социальной сети «ВКонтакте» «Ловозерский НКЦ приглашает»).

Отметим, что среди систематически обновляющихся онлайн-сообществ есть такие, в которых регулярно обновляются разные рубрики (например, региональные новости, прогноз погоды и т. п.), но при этом пополнения новой информацией на темы культуры не происходит. Это характерно в основном для региональных информационных сайтов-порталов общей тематики («Ловозерье»), а также для некоторых саамских онлайн-сообществ, например «Саамы ВКонтакте».

Если соотнести характеристику интернет-сообществ как развивающихся или неподвижных с их признаками, соответствующими категориям анализа, то получим следующие результаты. Среди четырех категорий онлайн-сообществ по типу организации и инициативе создания прекратили обновления прежде всего представляющие общественные объединения, организации, фонды, союзы (таких было найдено 8). На первый взгляд это противоречит ожидаемой ситуации. Казалось бы, наибольшее число остановивших развитие сообществ должны были представлять какие-либо неофициальные организации. Регулярное ведение контента на основе индивидуальных инициатив, без материальной и иной поддержки оффлайн-организации – гораздо более сложная задача для энтузиаста, чем для специально нанятого и обученного лица или группы лиц. Дополнительно можно отметить, что среди онлайн-сообществ, прекративших обновление и пополнение новой информацией, оказалось больше всего тех, деятельность которых была приостановлена в период до 3 апреля 2020 года. Из прочих несколько меньшая часть приостановила свою деятельность после этой даты. Одна из возможных причин – вынужденный переход на удаленный формат функционирования организаций самого разного профиля в связи с пандемией. Однако, с другой стороны, именно это обстоятельство должно было бы усилить функционирование в онлайн-формате, компенсируя вынужденные ограничения в оффлайн-деятельности.

4. Сообщества, продолжающие обновляться в 2022 году и после 20 апреля 2020 года. К ним относятся и те, чьи обновления перестали выходить после 3 апреля 2020 года, но ближе к концу 2021 года и к началу 2022 года начал появляться новый материал. В их число входят 10 сообществ: представительство официального сайта общественной организации «Фонд саамского наследия и развития» (группа в социальной сети «ВКонтакте»), официальный сайт международной общественной организации «Союз саамов», представительство официального сайта общественной организации «Союз саамов» в социальной сети «ВКонтакте», информационный портал «Kola Sapmi (Новости кольских саами)», представительство официального сайта «Kola Sapmi (Новости кольских саами)» (группа в социальной сети «ВКонтакте»), официальный сайт муниципального бюджетного учреждения культуры «Ловозерский национальный культурный центр», группа в социальной сети «ВКонтакте» «Сӑмь ӧллмэ vkontakte.ru / Саамы вконтакте», группа в социальной сети «ВКонтакте» «Sápmi», представительство информационного портала «Ловозерье» (группа в социальной сети «ВКонтакте» «Ловозерцы») и группа в социальной сети «ВКонтакте» «Ловозерский р-он – Луяввьр ӭ ммьне».

Таким образом, среди категорий онлайн-сообществ по виду сайта наибольшее число продолжающих обновляться и развиваться в 2022 году обнаруживается у тех, которые организованы в формате групп социальной сети «ВКонтакте». Среди категорий представленных онлайн-сообществ по интересующему нас содержанию большинства упоминаемых событий в рамках образовательной и культурно-просветительской деятельности (изучение саамского языка, знакомство с бытом, литературой, религией, изо-

бразительным искусством, социальными отношениями; изучение общественно-политических проблем и амбиций в саамской этнической общности Мурманской области и пр.) наибольшее число сообществ, продолжающих обновляться и развиваться в 2022 году, относятся к тем, которые посвящены разнообразным темам и социально-культурным проблемам. Наибольшее число сообществ, прекративших обновления, расположены либо на официальных сайтах-порталах, либо в группах социальной сети «ВКонтакте». Что касается контента, связанного с темами культуры и социально-культурной проблематикой, то большинство сообществ, прекративших обновления, обнаруживаются среди тех, которые посвящены всем аспектам саамской социокультурной жизни сразу и потому носят универсальный характер, за исключением двух групп в социальной сети «ВКонтакте»: «Сӑмь кӣлл | Sām′ kīll | Саамский язык» и «Воссоздание поселения древних саамов и создание на его базе культурно-просветительского экологического центра».

Распределение продолжающих функционировать онлайн-сообществ между типами их организации и инициативы создания показывает, что наибольшее число сообществ, продолжающих обновляться и развиваться в 2022 году, относятся к группе общественных объединений, организаций, фондов и союзов и в равной степени – к группе сообществ, созданных благодаря индивидуальным инициативам киберактивистов. Однако, по всей вероятности, корреляции между типом организации (инициативы создания) и численностью развивающихся или прекративших свою деятельность сообществ не существует, эти совпадения обусловлены особенностью выборки сообществ согласно методике предыдущего этапа исследования.

В целом можно констатировать, что сообществ, приостановивших свою деятельность, оказывается несколько больше, чем продолжающих развиваться в 2022 году (18 против 10), но, скорее всего, особенность подбора найденных 33 онлайн-сообществ влияет и на этот факт. К тому же не стоит сбрасывать со счетов и непредсказуемый характер функционирования следующей категории онлайн-сообществ, вероятность дальнейших обновлений в которых неизвестна либо по причине того, что эти обновления слишком редки и нерегулярны, либо из-за перехода сообщества в закрытый режим. В их число входят 7 сообществ: официальный сайт-портал общественной организации «Фонд саамского наследия и развития», группа в социальной сети «ВКонтакте» «Курсы колтта-саамского языка при поддержке Северосаамского музея в Нейдене», закрытый блог «Саамские сказки и легенды / Шаннт еммьне чуввьда верьд ли миллса», архив литературы «Саамская библиотека» в сервисе хранения файлов «Google. Диск», созданный администраторами группы в социальной сети «ВКонтакте» «Сӑмь кӣлл | Sām′ kīll | Саамский язык», группа в социальной сети «ВКонтакте» «Саамский костюм: язык, узоры, музыка, сказки», группа в социальной сети «ВКонтакте» «Общественная организация Мурманской области “Ассоциация кольских саамов”» и информационный портал «Kola Sapmi (Новости кольских саами)». Многие из перечисленных сообществ вполне способны продолжить функционировать в ближайшее время.

ПРИЧИНЫ ЗАМЕДЛЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ

Некоторые сообщества создаются и воспринимаются администратором и участниками в качестве накопительного информационного резерва. Сайт или группа в социальной сети в этой связи строится по принципу небольшой библиотеки или архива, а не ради привлечения внимания участников. Этим они отличаются от профессиональных коммерческих и просто управляемых грамотным администратором киберсообществ, в которых публикации познавательной, фактологической направленности перемежаются постами, служащими для привлечения внимания, репостами и ссылками из других групп социальной сети и сайтов по аналогичной теме ради того, чтобы сообщество функционировало как можно дольше. В результате назревает ситуация, при которой вся возможная фактологическая информация по раскрываемой теме исчерпана и собрана, дальнейшее заполнение группы теряет смысл, хотя именно постоянные обновления и дополнения являются главными показателями того, что сообщество не завершило свою деятельность. В некоторых случаях администраторы сообществ могут быть заранее готовы к этой ситуации, сознательно представляя сообщество его участникам как прежде всего архивный информационный ресурс. Вероятно, именно к таким сообществам относятся образовательный портал «Саамские словари» и группа в социальной сети «ВКонтакте» «Саамский костюм».

Одной из причин прекращения деятельности онлайн-сообщества может стать кардинальное переосмысление деятельности ее участников. Это напрямую относится к сообществу социальной сети «ВКонтакте» «Воссоздание посе-

ления древних саамов и создание на его базе культурно-просветительского экологического центра», приостановившему свою деятельность 16 марта 2017 года, так как проект был обсужден на общественной консультации в Ловозере 3 марта. Реализовать его предполагалось на священном для саамов озере Сейдозеро. Международный экологический фонд «Чистые моря» готовил заявку на грант, чтобы реализовать этот проект в Ловозерском районе Мурманской области. Изначально он предполагал строительство рядом с озером Сейдозеро саамского поселения, где саамы смогут и жить, и работать, и учиться. Создание такого центра должно было включать строительство визит-центра («главной избы саамов»), этнографической деревни «Сейдъявврь» (стилизованный поселок с развитой инфраструктурой), экологической тропы и смотровой площадки. Однако управляющие данным проектом внесли свои коррективы. По словам председателя саамского парламента Кольского полуострова (организация официально не зарегистрирована) и администратора сообщества «ООСМО – Общественная организация содействия правовому просвещению и сохранению культурного наследия саами Мурманской области» Валентины Совкиной, многие из присутствующих на заседании саамов высказались за то, чтобы «Сейдозеро не трогали»:

«...Сейдозеро зовет само, когда нужно. Саамы просто так туда ни за что не едут – ни ради туризма, ни ради удовольствия. А вот туристы сегодня сделали из него своего рода Мекку – якобы там какие-то чудеса происходят и есть места силы. Кто-то, может, и правда там что-то видит и получает, но мы не можем гарантировать, что впоследствии с этими людьми происходит»[4].

В связи с этим было предложено воссоздать поселение на озере Поповское, однако, по словам В. Совкиной, рядом с ним находится геофизическая станция, и, скорее всего, никаких сооружений там строить нельзя, поэтому в качестве подходящей локации было предложено село Ловозеро, где есть национально-культурный центр, так как «рядом с ним можно было бы построить целую деревню». Также на встрече предложили закрыть Сейдозеро для посещения и обратить внимание на уникальное своей аутентичностью село Краснощелье[5]. В результате из-за разногласий различных саамских организаций и региональных представителей власти, а также недостатка финансирования данный проект был заморожен[6].

В то же время на динамику обновления и развития онлайн-сообществ могут влиять особенности интерфейса сайта, на котором организовано онлайн-сообщество. Результаты исследования показывают, что в отношении удобства взаимодействия пользователя с сайтом наиболее эффективными являются группы в социальной сети «ВКонтакте», так как у них есть возможность подсчета всех записей на стене, видео-, аудиозаписей, обсуждений и фотографий, а также отдельная кнопка для подсчета комментариев к фотографиям, видео и обсуждениям. Однако до сих пор разработчики «ВКонтакте» не предоставили администраторам сообществ возможность получать уведомления о новых комментариях к записям. В связи с этим многие руководители групп постоянно сидят в сообществе, чтобы быстро реагировать на комментарии подписчиков на стене, что занимает много времени. Для подсчета комментариев на стене приходится применять особый способ: нажать на надпись «Записи сообщества» или «Все записи», далее в поле для поиска по записям вставить надпись «type:reply» и нажать на клавишу «Enter»[7]. Кроме того, каждая группа «ВКонтакте» позволяет подсчитать количество накопленных к определенной дате записей при нажатии команды «Поиск записей», а затем – значка календаря, при открытии которого можно ввести определенную дату. Другими электронными ресурсами, отличающимися простотой и организованностью интерфейса, являются портал «Ловозерье» и сайт «Саамы Кольского полуострова». Их преимущество заключается в наличии подробной карты сайта (своеобразного путеводителя) с возможностью отдельного подсчета тэгов и комментариев, а группы «ВКонтакте» показывают общее количество записей и время их создания. Форумы, а также обсуждения в группах «ВКонтакте» (последние несут в себе функцию встроенных форумов) тоже относятся к строго систематизированным ресурсам, в которых диалоги из комментариев разделяются по тематике. В этой связи одним из сайтов с наиболее удобным интерфейсом является «Форум Саами (Forum Sampi)».

Среди сообществ, прекративших обновления, самыми слабо организованными и сложными в использовании и для участников группы, и для сторонних наблюдателей являются краеведческий портал «Земля Ловозерская», создатели которого не предусмотрели возможность оставлять отзывы и комментарии к новостям, и официальный сайт международной общественной организации «Союз саамов». Этот сайт дублирует информацию на нескольких языках, причем при обновлениях страницы после выбора раздела на русском языке настройка сбивается, и без помощи английского раздела перевод

информации, а следовательно, и ориентирование на сайте становятся затруднительными. К труднодоступным относится сайт «Саамские сказки и легенды / Шаннт еммьне чуввьда верьд ли миллса». В определенный момент после исследования 3 апреля 2020 года данный блог перешел в полностью закрытый режим с доступом к информации исключительно по приглашению администратора сообщества, что лишает стороннего наблюдателя возможности оценить первичную информацию о сайте, а следовательно, и стремления пополнить его ряды. Информация о динамике обновления и развития данного ресурса также не предоставляется, есть вероятность, что он еще продолжает свою деятельность в закрытом режиме. Вместе с тем неудобства пользования сайтом далеко не всегда становятся причиной прекращения обновлений, равно как и повышенная структурированность электронного ресурса не гарантирует дальнейшее развитие сообщества. В этом можно убедиться на примере таких онлайн-сообществ, как информационный портал с функцией электронной библиотеки[8] «Российские саами. Саами Кольского полуострова». Несмотря на удобный интерфейс, высокую посещаемость сайта и значительное количество комментариев, доступных для отслеживания, обновления прекратились после 9 марта 2021 года.

Причинами прекращения обновлений нередко становятся внезапный выход администратора из созданного им киберсообщества (ссылка на его аккаунт в этом случае перестает появляться в нижнем углу страницы группы) либо прекращение реального ведения дел при формальном сохранении функции администратора (ссылка на страницу остается в группе). Существуют и другие объективные и субъективные причины приостановления деятельности киберсообществ в оффлайн-пространстве. Два сообщества в этой связи заслуживают отдельного внимания. На момент исследования 3 апреля 2020 года в особой ситуации оказалась группа в социальной сети «ВКонтакте» «ООСМО – Общественная организация содействия правовому просвещению и сохранению культурного наследия саами Мурманской области», администратор которой Валентина Совкина покинула группу из-за проблем, связанных с самореабилитацией руководителей ООСМО как фигур общественно-политического значения для общества кольских саамов[9]. Другой случай – группа в социальной сети «ВКонтакте» «Курсы колтта-саамского языка». На стене сообщества было заявлено о необходимости временно отложить проведение курсов на неопределенный срок по решению руководства Музея колтта-саамской культуры в Нейдене, при поддержке которого проводились курсы. О причинах решения руководства музея не сообщалось [6: 17]. Позже оба сообщества все же возобновили свою деятельность, о чем свидетельствуют и последние записи на стене от 3 и 22 декабря 2021 года. В. Совкина возвратилась в должность администратора сообщества «ООСМО». Тем не менее в начале 2022 года оба сообщества больше не публиковали новые записи или комментарии, и, по всей вероятности, вся их деятельность характеризуется скачкообразностью и непредсказуемостью.

Что касается активности пользователей, то наиболее оживленными онлайн-площадками по количеству комментариев и обмена мнениями (в разделах «Отзывы» и «Гостевая книга» на сайтах, а также записи пользователей в разделе «Обсуждения» в группах социальной сети «ВКонтакте») оказываются «Форум саами. (Forum Sápmi)», «Ловозерский НКЦ приглашает», «Сāмь ӧллмэ vkontakte.ru / Саамы вконтакте», «Sápmi», «Ловозерцы» и «Ловозерский р-он – Луяввьр ē ммьне», то есть преимущественно группы социальной сети «ВКонтакте». Они продолжают свое обновление и развитие на момент 20 января 2022 года. В то же время во всех перечисленных сообществах количество комментариев приблизительно соотносится с числом всех записей на культурно-просветительские темы. Это означает, что практически каждая такая текстовая запись, фотоальбом, видеозапись или обсуждение сопровождается очень малым количеством комментариев. Внешний эффект высокой активности пользователей в таких случаях достигается исключительно за счет накопления опубликованных событий за долгое время существования сообщества, а в действительности активность вокруг каждого отдельного инфоповода скорее можно назвать вялотекущей. Значительно более высокой активностью отличаются пользователи в сообществах, где количество комментариев заметно превосходит общее число записей (событий) по запросу, например, в группах сети «ВКонтакте» «Sápmi», «Самь Нураш (Самь нурр олмэ организаһция “Самь Нураш”)» и представительство официального сайта общественной организации «Фонд саамского наследия и развития».

Среди комментариев выявляются самые распространенные категории:

– положительные оценки, пожелания, поздравления;

– отрицательные оценки, претензии;

– вопросы о поиске какой-либо информации;

– объявления;

– ответы на вопросы пользователей администратором от имени сообщества или другими пользователями;

– дополнения и уточнения для материала, публикуемого самими пользователями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом исследование саамских этнических интернет-сообществ подтверждает двусторонний характер влияния онлайн- и оффлайн-социокультурных пространств, которые объединяют кольских саамов с изучающими их жизнь и культуру профессионалами и любителями. С одной стороны, объективные социально-культурные и экономические проблемы саамов в оффлайн-пространстве влияют на целесообразность и динамику репрезентации саамской культуры в сети Интернет. С другой стороны, количественное распространение саамских киберсообществ и качественное разнообразие их контента, связанного с социокультурными проблемами саамов, влияют на успешность разрешения этих проблем в реальности. Результаты анализа динамики функционирования онлайн-сообществ показывают, что большая часть саамского населения Мурманской области живет медленной онлайн-жизнью или не вовлечена в нее, что подтверждается в том числе и модераторами многих из приведенных сообществ в исследовании О. А. Сулеймановой [10: 148]. Замедленно функционирующие сетевые сообщества с большим трудом пытаются способствовать реализации социокультурных оффлайн-проектов. Большинство онлайн-объединений кольских саамов претендует на более широкие и взаимные контакты с региональной, российской и даже зарубежной общественностью, СМИ, властями. Однако ввиду замкнутого образа жизни и недостаточных масштабов перемещений саамов (большей частью в пределах Мурманской области и Скандинавского полуострова) их культура и, следовательно, социокультурные потребности и трудности остаются «вещью в себе» и получают мало отклика и помощи. Саамам предстоит непростой выбор – между относительным включением в глобализационные процессы и сохранением аутентичности своих традиций. Одним из незыблемых традиционных оснований этнической идентификации саамов является психологическая и экономическая привязанность к местам традиционного ведения хозяйства (оленеводства, охоты, рыболовства), несмотря на попытки региональных властей накладывать ограничения на эту деятельность. Поэтому соблюдение баланса между включением в глобальную культуру для популяризации своей локальной культуры и сохранением ключевых традиций представляет для современных кольских саамов большую сложность. В то же время результаты исследования могут служить косвенным свидетельством того, что собственно культурная проблематика не является приоритетной для участников сетевых взаимодействий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Нетнография // Вики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.abcdef.wiki/wiki/Netnography (дата обращения 25.01.2022)

[2] Саамы обиделись, что их забыли упомянуть на мероприятиях к 100-летию Мурманска // Severpost.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://severpost.ru/read/46896/ (дата обращения 24.01.2022).

[3] Саамский музей Самь Сыйт (Россия, Ловозеро) // Отзовик. 20.09.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://otzovik. com/review_3784033.html (дата обращения 25.01.2022).

[4] Саамы выступили против воссоздания древнего поселения на Сейдозере // Центр Льва Гумилева Евразийство и скифство [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumilev-center.ru/saamy-vystupili-protiv-vossozdaniya-drevnego-poseleniya-na-sejjdozere/ (дата обращения 25.01.2022).

[5] Там же.

[6] Игумнов С. В Заполярье обострилось противостояние между саами и чиновниками // Городской портал Сыктывкар [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gorodskoyportal.ru/syktyvkar/news/news/33456186/ (дата обращения 25.01.2022).

[7] Как посмотреть комментарии в группе ВК // В Online Vkontakte [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online-vkontakte.ru/2017/11/kak-posmotret-kommentarii-v-gruppe-v-vk.html (дата обращения 25.01.2022).

[8] Типы и основные виды сайтов // Интернет-компания Альфа-СПб [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://alpha-spb.ru/helpful-information/43-types-of-sites (дата обращения 25.01.2022).

[9] Макаров Д. Под маской саамского патриотизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://quis-quaeritis.livejournal.com/71447.html (дата обращения 25.01.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова О. В., Суляндзига Р. В. Стратегия социокультурного развития села Ловозеро как основного места компактного проживания народа саами в Мурманской области // Природа и коренное население Арктики под влиянием изменения климата и индустриального освоения: Мурманская область /

Под ред. Е. А. Боровичёва и Н. В. Вронского. М.: Изд. дом «Графит», 2020. С. 115–136. DOI: 10.25702/KSC.978.5.902643.46.3
2. Белоруссова С. Ю., Головнёв А. В. Виртуальная этничность – новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 36–40. DOI: 10.17223/2312461X/24/2
3. Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 172–178. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-52-1-1
4. Головнёв А. А., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108
5. Грибанова Г. И., Юдин В. И. Виртуальные сообщества в современной этнополитике (на примере народа саами) // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 11 (149). С. 19–29.
6. Кузнецова Л. А., Разумова И. А. Образовательный и культурно-просветительский компонент саамских этнических интернет-сообществ // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. Т. 11, № 1-18. С. 5–24. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-51-3/30-40
7. Разумова И. А., Сулейманова О. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 114–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.299
8. Сикевич З. В., Федорова А. А. К проблеме соотношения реальной и виртуальной этничности // Социодинамика. 2018. № 8. С. 43–49. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.8.27142
9. Сулейманова О. А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 169–199. DOI: 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199
10. Сулейманова О. А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 141–153. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.010
11. Сулейманова О. А., Пация Е. Я. Повседневно-бытовые аспекты адаптации саамов к городскому образу жизни // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 8-10 (42). С. 89–106.
12. Ханхунова М. Ю. Этнические традиции в коммуникационном пространстве // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14. С. 132–136.

Поступила в редакцию 07.02.2022; принята к публикации 30.06.2022

Original article

Larisa A. Kuznetsova, Postgraduate Student, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" (Apatity, Russian Federation)
laralissysorkuz@yandex.ru

ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF THE SAMI NETWORKS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND MURMANSK REGION

Abstract. The paper addresses problems connected with socio-cultural functions of virtual network communities of the Kola Sami in the "ethnic Internet" segment, which determines both the relevance and novelty of the research. The aim of the research is to conduct a comparative analysis of the productivity of the regional and federal Russian Sami Internet communities in discussing social and socio-cultural problems of the Sami ethnic group and posting materials on relevant topics. Therefore, an integral task is to identify interacting destructive processes hindering the communities' activities both online and offline. Non-inclusive online surveillance and content analysis of cyber-communities and electronic resources were used. The study found that by this year most of the represented communities have suspended their activities and are struggling to implement planned sociocultural offline projects. Most of the Sami population in the Murmansk region have been slow to engage in online activities or are not involved in them at all, despite the Kola Sami online communities' aspirations for wider and more mutual contacts with the regional, national, and foreign public, mass media, and authorities. The research helped to identify functional and technological reasons for the discontinuation of the said online activities.

Keywords: Internet communities, Kola Sami, Murmansk region, socio-cultural problems, cultural and educational capital, cyber-ethnicity

Acknowledgements. The study was conducted as part of the state project No 0226-2019-0066.

For citation: Kuznetsova, L. A. Analysis of the dynamics of the Sami networks in the Russian Federation and Murmansk region. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(6):99–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.803

REFERENCES

1. Aksenova, O. V., Suliandziga, R. V. Strategy for the sociocultural development of the village of Lovozero as the main Sami densely populated area in the Murmansk region. *Arctic nature and indigenous people affected by climate change and industrial development: the Murmansk region.* (E. A. Borovichev, N. V. Vronsky, Eds.). Moscow, 2020. P. 115–136. DOI: 10.25702/KSC.978.5.902643.46.3 (In Russ.)
2. Belorussova, S. Yu., Golovnev, A. V. Is virtual ethnicity a novel phenomenon in the context of tradition? *Siberian Historical Research.* 2019;2:36–40. DOI: 10.17223/2312461X/24/2 (In Russ.)
3. Bodrova, O. A., Razumova, I. A. Modern technologies in representation and preservation of the Kola Sami ethnic culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii.* 2021;1(52):172–178. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-52-1-1 (In Russ.)
4. Golovnev, A. A., Belorussova, S. Yu., Kisser, T. S. Web-ethnography and cyber-ethnicity. *Ural Historical Journal.* 2018;1(58):100–108. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108 (In Russ.)
5. Gribanova, G. I., Yudin, V. I. Virtual communities in modern ethnopolitics (on the example of the Sami people). *Ethnosocium and Interethnic Culture.* 2020;11(149):19–29. (In Russ.)
6. Kuznetsova, L. A, Razumova, I. A. Educational and enlightenment component of Sami ethnic online communities. *Transactions of the Kola Science Centre.* 2020;11(1-18):5–24. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-51-3/30-40 (In Russ.)
7. Razumova, I. A., Suleimanova, O. A. The Sami network communities in the "ethnic" Internet in Russia. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2019;2(179):114–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.299 (In Russ.)
8. Sikevich, Z. V., Fedorova, A. A. The problem of relation between real and virtual ethnicity. *Sociodynamics.* 2018;8:43–49. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.8.27142 (In Russ.)
9. Suleymanova, O. A. Presentation of the culture of the Kola Sami in Vkontakte social network: the dynamics of the visual images of material culture. *Etnografia.* 2020;3(9):169–199. DOI: 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199 (In Russ.)
10. Suleymanova, O. A. The Saami webcommunities in the eyes of moderators (on the example of "VKontakte" social network). *Transactions of the Kola Science Centre.* 2021;12(4(21)):141–153. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.010 (In Russ.)
11. Suleimanova, O. A., Patsia, E. Ya. Daily and household aspects of adaptation to urban way of life of the Sami. *Transactions of the Kola Science Centre.* 2016;8-10(42):89–106. (In Russ.)
12. Khankhunova, M. Yu. Ethnic traditions in communication space. *BSU Bulletin. Philosophy.* 2015;14:132–136. (In Russ.)

Received: 7 February, 2022; accepted: 30 June, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 110–116 **Рецензии** **2022**
DOI: 10.15393/uchz.art.2022.801
УДК 792

ИРИНА ВИКТОРОВНА ШОРОХОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ivikshor@yandex.ru

Рец. на кн.: **Ружинская И. Н. Актерская мастерская. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2021. – 340 с.**

Для цитирования: Шорохова И. В. Рец. на кн.: Ружинская И. Н. Актерская мастерская. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2021. – 340 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 110–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.801

Монография И. Н. Ружинской «Актерская мастерская»[1] по праву может считаться явлением в современной историографии. Она представляет собой успешное сочетание разнообразных современных направлений в области исторического знания. Нельзя не согласиться с автором в том, что, с одной стороны, реконструкция истории карельской мастерской есть пример микроистории (с. 6), с другой стороны, воссоздание студенческой повседневности на страницах книги предстает на широком фоне изменений в национально-языковом дискурсе КАССР, обстоятельств Зимней и Великой Отечественной войн, послевоенного периода. Изучение феномена человека в переломные для страны и малой родины эпохи решает задачи культурной антропологии, когда в меняющихся внешних обстоятельствах человек делает выбор личностный, морально-нравственный, профессиональный и патриотический, сохраняя при этом верность себе и внутренним убеждениям, ощущая ответственность не только перед собой, но и перед людьми, поверившими в него, доверившими ему решение задачи, в нашем случае профессиональной. Сочетанием актуальных дискурсов исторических исследований достигается комплексность и многосторонность анализа такого малоизученного социокультурного явления, как карельская мастерская Ленинградского государственного театрального института в 1938–1943 годах в событийном и биографическом аспектах (с. 8). Задачи, поставленные И. Н. Ружинской (с. 8–9), соответствуют цели монографии и в полной мере были реализованы в ее тексте. Автору удалось не только показать необходимость создания карельской труппы для Национального театра КАССР, но и определить специфику образовательной площадки Ленинградского государственного театрального института (ЛГТИ). Выявление ранее неизвестного состава студентов карельской мастерской и ее преподавателей, искавших пути создания и профессионального обучения национальных кадров для театров автономных и союзных республик, стало необходимым условием для понимания этапов становления советской национальной театральной интеллигенции Карелии. Восстановление не только поименного списка студентов, но и фактов их личных и творческих биографий позволило устранить информационные лакуны и изучить становление того творческого состава Национального тетра республики, который вплоть до 1970-х годов во многом определял творческое лицо финноязычного театрального искусства КАССР. Кроме того, биографика раздвинула хронологические и территориальные рамки исследования. Судьбы студентов и преподавателей показаны до начала работы карельской студии и охватывают середину и вторую половину XX столетия. Местом действия стали не только Карелия и Ленинград, но и Ленинградская и Тверская области, Кострома, Пятигорск, Томск, Вельск (с. 9).

Безусловно необходимым следует признать сделанное И. Н. Ружинской пояснение использованной в монографии терминологии. Современный Национальный театр РК, важную веху истории которого затрагивает исследование, в рассматриваемый период не единожды менял название. По этой причине вполне обоснованно выглядит принятое автором решение во избежание путаницы именовать театр Национальным (с. 13). Терминологическая вариативность понятия «актерская мастерская» также пояснена автором и при последующем прочтении книги не вызывает недоразумений, позволяет избежать речевых повторов и сохранить ясность изложения (с. 13).

Источниковая база монографии вызывает уважение к проделанному труду и охватывает

© Шорохова И. В., 2022

широкий спектр опубликованных и неопубликованных материалов (с. 276–284). Документы центральных и местных государственных и ведомственных архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Карелии, Пермского края, Ярославской и Томской областей дополняются ценнейшими сведениями и данными частных архивов (с. 281). Сборники документов, широкий спектр источников личного происхождения, периодическая печать позволили через свою субъективность реализовать задачу отражения внутреннего мира студийцев и их преподавателей в военный период и последующие годы. Плохая сохранность многих типов и видов документов и в целом источникового корпуса исследования потребовала от автора серьезной кропотливой работы по разысканию материалов, отражавших частные аспекты жизни студийцев, разъяснявших мотивы принятых ими решений. Привлечение данных частных и семейных архивов и коллекций, недоступных для широкого круга исследователей, повышает научную ценность монографии. Огромным вкладом в историю театрального искусства Карелии стали атрибуция и публикация комплекса портретных, событийных и видовых фотоснимков. Они в изобилии представлены на страницах монографии. Историографическая база исследования также отличается широтой и разнообразием. В ней представлены советские и современные исследования по истории театрального искусства СССР и Карелии, театральной педагогики. Работы по методологии исторических исследований свидетельствуют об обстоятельном подходе автора к работе над монографией, находящейся на стыке нескольких научных направлений и основанной на применении их инструментария. Статьи и монографии, проясняющие исторические реалии и условия 1930–1940-х годов, позволили вписать исследуемые И. Н. Ружинской сюжеты в непротиворечивый событийный контекст. Знание региональной историографии в аспекте становления советской культуры в Карелии позволило автору выделить ключевые позиции и «болевые» точки развития театрального искусства края в 1930–1940-е годы [1], [2], [3], [4]. Широко использованы и возможности Всемирной паутины. Электронные базы данных и издания, представительские электронные ресурсы дополняют солидную научную базу монографии (с. 284–293).

Несомненна и научная новизна книги. Следует обратить внимание на то, что в ней представлены «восстановленные» имена, фотоизображения и биографии некоторых студентов карельской театральной студии. При этом легкий слог, деликатность обращения с непростым и неоднозначным историческим материалом делают издание доступным для понимания широкой аудитории, не ограничивая ее кругом историков, театроведов и культурологов. Доверие к читателю выражается в том, что И. Н. Ружинская, избегая оценок национально-языковых метаний руководства Карелии в 1930-е годы, особенностей внутренней политики Советского Союза в предвоенные, военные и послевоенные годы, на конкретных примерах биографий студийцев показала, как люди жили, учились, работали и преодолевали обстоятельства в этих непростых условиях.

Первая глава монографии погружает читателя в условия и обстоятельства создания национальной мастерской. Формирование нового типа театра в 1930-е годы выявило задачу профессиональной подготовки актеров новой формации – «деятелей советского театра» (с. 17). В этой части работы представлен интереснейший обзор развития советской театральной педагогики и такого ее аспекта, как подготовка актеров национальных театров, известного разве что узкому кругу профессионалов. Расцвет инициативы и эксперимента в этой области породил «разнобойность» театральных школ. Режиссер и педагог Центрального театрального училища в Ленинграде Б. М. Сушкевич, будучи убежденным сторонником методики студийного обучения, приступил к формированию единства принципов обучения и воспитания актера. Студия как коллектив профессионалов-единомышленников с особым внутренним миром, напоминавшая скорее семью и носившая творческую «печать» мастера, стала наиболее эффективной формой создания национальных трупп для автономных и союзных республик. Именно студия позволяла уловить и профессионально развить у актеров особенности характера народа, творчески осмыслить и научить показывать на сцене национальную специфику быта и языка. Очень аккуратно И. Н. Ружинская обошла проблему финнизации культуры в Карелии в конце 1920-х – начале 1930-х годов, отметив лишь как первый шаг в решении задач культурного строительства в крае создание Карельского государственного драматического техникума при Национальном театре. Педагогами этого учебного заведения стали ведущие артисты и деятели культуры и искусства АКССР (Р. Нюрстрём, М. Любовин, Э. Юнтунен, С. Туорила, К. Раутио) (с. 24). Также осторожно автор отметила поворот в национальной политике от «коренизации» к «унификации», который произошел в середине 1930-х годов и поставил за-

дачу развития национальной культуры Карелии на карельском языке при всемерной поддержке русского языка (с. 34). Желание отстраниться от национально-языковых экспериментов общесоюзного правительства и руководства Карелии, не вносить оценочных суждений в отношении политики в области культуры «финского периода» в истории края, избежав акцента на репрессиях второй половины 1930-х годов в Карелии (с. 39), позволило автору сосредоточиться на этапах развития подготовки национальных творческих кадров республики. Однако только хорошо подготовленный в области истории Карелии этого периода читатель сможет в полной мере оценить глубину перемен начала 1930-х годов и трагичность становления в эти годы национальной культуры в Карелии [5], а значит, и понять профессиональный подвиг карельских студийцев, осознать груз социальной ответственности, который они приняли на себя, поступив в театральную студию в 1938 году. Особенности и трудности набора в нее отражают и последствия национально-государственной политики СССР, и фактическое уничтожение финского драматического театра и драматического техникума в Карелии, а также проблемы создания карельской письменности и унификации карельских диалектов (с. 50). Таким образом, задачи набора в карельскую студию позволили автору на широком фоне показать сразу несколько срезов развития национальной, социальной, театральной и политической жизни не только Карельской Автономной ССР, но и в целом Советского Союза во второй половине 1930-х годов.

Вторая глава монографии посвящена обучению студентов в карельской мастерской в 1938–1941 годах. Читатель деликатно и последовательно погружается в атмосферу менявшейся в 1930-е годы колыбели революции и ее ровесницы – улицы Моховой. Сама улица и здание Центрального театрального училища, а потом и Ленинградского государственного театрального института стали полноправными героями исследования. Тонко и с неподдельной симпатией рассказывается о том, что увидели студийцы, впервые оказавшиеся в Ленинграде, как расширялся их кругозор и менялось под воздействием культуры мировоззрение, когда Ленинград «обрушил на них всю мощь своей культуры» (с. 65). Повествование настраивает читателя на восприятие тех личностных перемен, которые произошли со студентами-провинциалами в ходе их профессиональной подготовки:

«…период, разделяющий нас с периодом формирования карельской студии, – это время кардинальных перемен не только в социально-экономической, политической и духовно-нравственной сферах государственного устройства. Прежде всего это глобальное изменение образовательной парадигмы в стране» (с. 57).

Меняется мир, меняются возможности и задачи человечества. Это требует изменения системы профессиональной подготовки. «Компетентностный подход», ставший основой современного профессионального образования и почти вытеснивший нравственные и духовные его аспекты, а также перманентные перемены в этой довольно консервативной области сегодня не в полной мере обеспечивают высокие результаты профессиональной подготовки выпускников вузов. Профессорско-преподавательский состав современных вузов оказался отстраненным от формирования образовательной парадигмы и превратился в исполнителей чиновничьих инноваций в области профессионального становления молодежи. Иным путем шло в 1930-е годы создание советской системы обучения национальной театральной интеллигенции. Базовым принципом его концепта стало не только требование высокого профессионального уровня выпускника, но и формирование у него советского мировоззрения (с. 57). Обучение, таким образом, становилось комплексным: профессиональное становление шло рука об руку с воспитанием советского человека. При этом непосредственное участие в решении вопросов «Как учить?» и «Чему учить?» принимали сами преподаватели. Методики театральной педагогики, использованные при подготовке актеров карело-финской мастерской, были обобщены, проанализированы и использованы в подготовке артистов национальных театров в послевоенное время (с. 272). Этот аспект монографии позволяет говорить о том, что исследование истории актерской мастерской не носит локального характера, а раскрывает детали и персонифицирует важный этап становления советской национальной театральной педагогики в целом.

Огромную роль в поиске оптимальной модели для реализации этих задач сыграли педагоги национальной студии Б. М. Сушкевич, О. И. Альшиц и др. И. Н. Ружинской подробно описан учебный план карельской мастерской, формирование научно-методических основ обучения и подготовка учебно-методической литературы (с. 72). Вся вторая глава посвящена в том числе анализу кадрового состава преподавателей, работавших со студентами национальной мастерской. При этом осторожно, но недвусмысленно автором даны оценки последствий кадровых перестановок, партийного давления на профессорско-преподавательский состав ЛГТИ и его «чисток»

в конце 1930-х годов. Вдумчивый читатель сам сделает необходимые выводы и расставит акценты.

Размышления о качестве профессионального и личностного роста студийцев автор помещает в культурное пространство Ленинграда рубежа 1930–1940-х годов. Посещение музеев, театров и кинотеатров, впечатления от игры на сцене Н. Черкасова и Б. Горина-Горяйнова, образы Л. Орловой и С. Столярова стали отправными точками профессиональной подготовки молодых актеров. Работа преподавателей и студентов карельской мастерской органично вписана в становление Ленинградского государственного театрального института, созданного в конце 1930-х годов на базе Центрального театрального училища. Логично и последовательно представлен этот непростой процесс в монографии (с. 72–75). По этой причине совсем не удивительными выглядят успехи обучения студентов карельской мастерской. Национальная труппа стала лучшей в институте в 1941 году. Студенты Е. Кемова, Т. Окунев и П. Никитин получали стипендию (с. 78). Матрикул Т. Окунева и выдержка из письма П. Петрова брату в этом контексте решают задачу освещения студенческой повседневности национальной мастерской (с. 74, 75).

Начало Зимней войны изменило жизнь и состав студийцев. Знание ими местности, на которой развернулся театр боевых действий, владение финским языком, физическая подготовка и умение перевоплощаться стали востребованы в 1939 году. И. Н. Ружинская установила, что в советско-финляндском военном конфликте в основном в составе диверсионно-разведывательных групп приняли участие не менее 10 студентов карельской мастерской (с. 90). Двое из них, П. Петров и Е. Ярцев, не вернулись с фронта (с. 93). Преобразование Карельской Автономной ССР в Карело-Финскую ССР и восстановление государственного статуса финского языка в крае по итогам Зимней войны обусловили преобразование студии в карело-финскую и привели к появлению в ее составе студенток – финок по национальности Э. Халонен и Х. Кахи (Виролайнен) (с. 94). Изменившаяся политическая ситуация, нарастание военных угроз, а также личные обстоятельства стали основными причинами отчисления семи студийцев в последний предвоенный год (с. 101). На примере карело-финской мастерской И. Н. Ружинской удалось показать, как в результате усилий по формированию и освоению программы подготовки актеров национальных театров происходило становление «универсального» актера. Выпускники студии, которые все же смогли закончить курс и связать свою профессиональную жизнь с театром, «владели финским, карельским, русским языками сценической речи, могли с успехом выступать и на лесной делянке, и на столичной сцене» (с. 273).

Третья глава монографии отражает жизнь, быт и особенности профессионального становления студентов актерской мастерской в годы Великой Отечественной войны. Казалось бы, о блокадном Ленинграде и подвиге его жителей написано, сказано и снято довольно много. Однако одна небольшая фотография – вид из разбитого окна ТЮЗа на Моховой после артобстрела в 1941 году (с. 111) – открывает новый аспект как личных, так и профессиональных потерь в годы блокады Ленинграда и в целом Великой Отечественной войны. Никого не оставят равнодушными рассказы о том, как оставшиеся в городе студийцы отстояли институт от пожара после очередной бомбежки (с. 112), патрулировали ночами ленинградские улицы с целью недопущения внутренних диверсий, как студийцы делились скудным хлебным пайком с А. Кузьминой и Х. Кахи, ожидавшими рождения детей, как замерзали и умирали в «блокадной» аудитории на улице Моховой, так радушно принявшей их совсем недавно (с. 117). Эвакуация театрального института в 1942 году – отдельное испытание для изможденных студентов и преподавателей ЛГТИ. Реабилитация в Костроме для некоторых студентов карело-финской мастерской стала последним жизненным этапом, а другим принесла личные утраты. Способные передвигаться и учиться студенты оказались в Пятигорске, а в ноябре 1942 года – в Томске. Учащиеся карело-финской мастерской были вовлечены в активную общественную работу: «культурное обслуживание» госпиталей, выпуск «боевых листков», циклов литературно-музыкальных передач на местном радио, вели подсобное хозяйство (с. 132).

Обращает на себя внимание глубокая заинтересованность преподавателей в судьбах своих выпускников. Представленные посредством цитат из переписки и воспоминаний теплые межличностные отношения между студентами карело-финской мастерской и преподавателями Б. И. Сушкевичем и О. И. Альшиц, сложившиеся в мирное время и не утраченные в годы испытаний, позволяют увидеть внутренний мир и глубокое гуманистическое мировоззрение, твердые моральные и этические принципы, которые удалось заложить национальной молодежи во многом благодаря комплексному обучению и воспитанию в театральном вузе.

Семь молодых актрис, подготовленных для Национального театра КФССР, сдали выпускные экзамены летом 1943 года. К этому времени большая часть КФССР была оккупирована финляндскими войсками. Столица края временно размещалась в Беломорске. Там же находился и Национальный театр. Чтобы молодых специалистов включили в состав труппы, директору театрального института Н. Е. Серебрякову пришлось преодолеть бюрократическую волокиту и межведомственную рассогласованность в условиях военного времени (с. 136). На фоне испытаний последнего года войны, кампаний по поиску внутренних врагов, неблагоприятным образом сказавшихся на судьбах выпускниц студии финки Х. Кахи и М. Мяккиевой, показано развитие Национального театра в Беломорске и Олонце, а также процесс вливания в его актерский состав Т. Карповой, Е. Кемовой, Э. Халонен и Е. Тихоновой (с. 150). Таким образом, автору удалось показать историю карело-финской мастерской в 1941–1945 годах через отражение в ней событий Великой Отечественной войны и военной повседневности Советского Союза. Трагично сложилась судьба многих студийцев-мужчин. Отдавая дань уважения их подвигам, И. Н. Ружинская постаралась, насколько это позволила источниковая база, восстановить боевой путь каждого актера-воина (с. 138–144). Это была непростая работа с точки зрения поиска необходимой информации. Но гораздо большую признательность вызывает неравнодушный рассказ о каждом бойце. Остается только догадываться, сколько душевных сил потребовалось автору, чтобы воссоздать судьбы студийцев в 1941–1945 годах.

Глава четвертая посвящена вкладу выпускников карело-финской мастерской в развитие национального искусства и культуры Карелии в послевоенные годы. И вновь И. Н. Ружинская не ограничивается простым перечислением фактов биографии и профессиональных достижений бывших студийцев. Автор показала судьбы оставшихся в живых после войны выпускников на широком фоне изменений в театральном мире (потеря тонко чувствующего зрителя, стремление к острой сюжетности и снижение качества постановок, утрата высокого профессионального уровня самих работников искусства), общественно-политической обстановки в СССР и Карелии в послевоенные годы (с. 156). Олонецкий период работы Национального театра (1944–1949), трудный с финансовой, организационной, технической и бытовой точки зрения, стал временем поиска своего репертуара. С приходом в труппу талантливой молодежи открылись новые возможности. Они во многом позволили Национальному театру занять особое место в культурном пространстве Карелии в 1950–1970-е годы, получать положительные отзывы финского зрителя в Петрозаводске и во время выездов в Финляндию. Но именно в этот период начался необратимый процесс сокращения численности «национального зрителя» в Карелии (с. 184). В совокупности с тем, что труппа Национального театра демонстрировала подчас излишнюю самостоятельность в выборе репертуара, мало проявляла заинтересованность в политически и идеологически правильных постановках, отношения партийно-государственных органов власти Карелии с актерами складывались порой непросто. Можно предположить, что особый творческий климат Ленинграда и тонкий вкус ведущих актеров театра, впитанный ими в годы учебы в национальной мастерской, сыграли в этом немаловажную роль. Это иногда приводило к необдуманным решениям руководства республикой по «стиранию национальных особенностей» в театральном искусстве. Однако высокие оценки актеров Национального театра по итогам декад и смотров в Москве и Ленинграде, финского зрителя в период зарубежных гастролей не позволили загубить национальное искусство Карелии [6].

Пятая и шестая главы представляют собой скрупулезно собранные и верифицированные, сопровожденные фотографиями биографические справки студентов и преподавателей карело-финской мастерской. Объем информации в каждой из них отражает сложность процесса аккумуляции личной информации из архивных фондов, частных коллекций, справочных изданий и неполноту источниковой базы, вызванную плохой сохранностью целого ряда документов, которые могли бы прояснить факты биографий. Это нисколько не умаляет значения и важности собранных с огромным трудом по крупицам фактов, а, скорее наоборот, позволяет более полно представить каждую творческую судьбу и служит организующим дополнением основного текста монографии. Так, прояснились факты биографий студийцев: создателя и директора Музыкально-драматического театра Карелии С. П. Звездина, историка театрального искусства края П. Е. Никитина, мастера художественного слова и артистки разговорного жанра Е. Ф. Тихоновой. Многие из этих сведений впервые были осмыслены в контексте истории театрального искусства Карелии, большая часть из них была найдена и впервые опубликована автором.

Хотелось бы обратить внимание на приложения к книге И. Н. Ружинской. Солидный именной указатель (с. 294–308), представленный

в алфавитном порядке, становится необходимым вспомогательным инструментом издания. В нем содержится большое количество имен, что облегчает систематизацию информации и поиск нужного материала. Несомненным достоинством именного указателя является то, что в нем предложены настоящие имена, псевдонимы, девичьи фамилии, разные варианты написания финских имен и фамилий. При этом не совсем понятно назначение списка географических названий, упоминаемых в издании (с. 309–312). В самом тексте книги не вызывает трудностей распознавание названий населенных пунктов, многие их которых (Москва, Казань, Евпатория и др.) относятся к числу очевидно знакомых. Другое дело, что такие «региональные» названия, как Колежма, Питкяранта, Мегрега и пр., могут быть неизвестны широкому кругу читателей. Представляется, что при сокращении списка можно было дополнить оставшиеся географические названия короткими пояснениями об их современной или прежней административно-территориальной принадлежности. Список сокращений также смотрится чрезмерно исчерпывающим. Так, например, пояснений сокращенного названия «вуз», «худрук», аббревиатур СССР, КПСС, «г. (перед названием) – город» вполне можно было избежать (с. 326–331).

Обширный и подробный список источников иллюстраций (с. 313–325), разделенный по главам, позволил лаконично представить фотографии в тексте монографии. Автор соблюдал при этом все необходимые требования и правила публикации изображений, делая возможным их верификацию.

Приложение с данными о годах жизни и месте рождения студентов карело-финской мастерской позволяет подтвердить многие положения монографии о задачах формирования студии, трудностях выбора формата языкового общения и обучения (с. 332–333). Приложение, отражающее сферу профессиональной деятельности преподавателей (с. 334–336), облегчает навигацию по изданию, дает возможность оценить исторические условия формирования их компетенций и уточнить хронологию «точек пересечения» их творческих судеб и судеб студийцев.

Труд историка сегодня не ограничивается изучением только документальных подборок. Непростой задачей становится поиск материала, который не отложился в архивных хранилищах, не опубликован в сборниках документов и воспоминаниях. Исследователь вынужден обращаться за помощью, советом, консультацией к людям, в профессиональные обязанности которых не входит розыск писем, фотографий, сведений личного характера, содержащихся в иных, нетрадиционных «базах данных». Хорошим тоном многих достойных современных научных изданий, в написании которых автору помогали сотрудники музеев, библиотек, лабораторий и родственники героев, становится помещение в монографии раздела «Благодарности». Одним из таких примеров стало исследование И. Н. Ружинской.

Нельзя не отметить качественное оформление научного издания. Фотографии удачно и к месту вплетены в ткань повествования. Информативные подстрочные ссылки позволяют сразу прояснить возникающие по ходу прочтения вопросы. Заголовки частей монографии, подписи иллюстративного материала отражают вкус и высокий уровень научной квалификации автора.

В результате работы у И. Н. Ружинской получилось эпическое полотно. В нем через судьбы актеров карельской (карело-финской) студии представлена история развития Национального театра и особенности развития национального искусства Карелии в непростые 1930–1940-е годы. На широком фоне событий регионального, общесоюзного и мирового порядка автору удалось показать перипетии советской политической и социальной истории, поиски в системе советского профессионального творческого образования. Доверяя читателю, И. Н. Ружинская избежала анализа противоречивых решений властей всех уровней в области национальной и языковой политики, сфокусировав научное внимание на жизни и творческой работе людей искусства в меняющихся условиях. Методическая, просветительская и в самом широком смысле слова гуманитарная помощь творческих сил Ленинграда в области культуры позволила обеспечить успех Национального театра Карелии в 1950–1970-е годы, когда выпускники актерской мастерской стали ведущей творческой силой театрального коллектива. Внутренняя сила и духовная цельность позволили Е. Кемовой, М. Карповой, Т. Карповой (Щелиной), Э. Халонен пережить контрасты национально-государственной политики, военные испытания и, преодолевая обстоятельства бездорожья Карелии, бытовую неустроенность, как в Олонце и Петрозаводске, так и во время многочисленных гастролей по республике, жертвуя личной жизнью, с успехом выступать и достойно представлять национальное искусство края на партийно-государственных декадах и смотрах, во время гастролей по Советскому Союзу и в Финляндии. Деликатно и без громких слов И. Н. Ружинская поставила задачи сохранения и развития национальной культуры Карелии на современном этапе.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Ружинская И. Н. Актерская мастерская. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2021. 340 с. Ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Карелии, 1928–1940. Петрозаводск: Карелия, 1989. 277 с.
2. Никитин П. Е. Театр края Калевалы: творческий путь Государственного ордена Дружбы народов финского драматического театра. Петрозаводск: Карелия, 1985. 158 с.
3. Такала И. Р., Спажева И. А. Национальный театр Карелии: вехи истории // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. № 2. С. 532–559. DOI: 10.15393/j103.art.2017.786
4. Филимончик С. Н. Театр в общественной жизни Карелии в 1930-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (61). С. 174–179.
5. Филимончик С. Н. Художественная самодеятельность Карелии в 1930-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 191–194.
6. Шорохова И. В. «Стирание национальных особенностей» в театральном искусстве Карелии в 1950-е – начале 1960-х годов (на примере работы Финского драматического театра) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5 (142). С. 18–22.

Поступила в редакцию 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022

Review

Irina V. Shorokhova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ivikshor@yandex.ru

The book review: **Ruzhinskaya, I. N. Acting workshop. Petrozavodsk, 2021. 340 p.**

For citation: Shorokhova, I. V. The book review: Ruzhinskaya, I. N. Acting workshop. Petrozavodsk, 2021. 340 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(6):110–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.801

REFERENCES

1. Afanasyeva, A. I. Cultural transformations in Soviet Karelia, 1928–1940. Petrozavodsk, 1989. 227 p. (In Russ.)
2. Nikitin, P. E. Theater of the Kalevala Region: creative path of the State Order of Peoples' Friendship Finnish Drama Theatre. Petrozavodsk, 1985. 158 p. (In Russ.)
3. Takala, I. R., Spazheva, I. A. National Theatre of Karelia: milestones of history. *Nordic and Baltic Studies Review.* 2017;2:532–559. (In Russ.)
4. Filimonchik, S. N. Theatre in social life of Karelia in the 1930s. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of theory and practice.* 2015;11-3(61):174–179. (In Russ.)
5. Filimonchik, S. N. Amateur performances in Karelia in the 1930s. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of Theory and Practice.* 2016;10(72):191–194. (In Russ.)
6. Shorokhova, I. V. "Obliteration of national traits" in Karelian theatrical art in 1950s – beginning of 1960s (on the example of Finish Drama Theatre). *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2014;5(142):18–22. (In Russ.)

Received: 25 May, 2022; accepted: 30 June, 2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 44, № 6. С. 117 Юбилеи Anniversary 2022

29 августа 2022 года исполнилось 60 лет доктору исторических наук, доценту кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета *Елене Васильевне Дианово*й.

Celebrating the 60th birthday anniversary of *Elena V. Dianova.*

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

К 60-летию со дня рождения

Елена Васильевна Дианова – уроженка города Кемь, решила стать историком в седьмом классе и других вариантов не рассматривала. Во время учебы в Петрозаводском госуниверситете трудолюбие и активность студентки были поощрены стипендией имени Карла Маркса. Окончив университет с отличием, в 1984–1998 годах Е. В. Дианова успешно работала учителем истории в школах Карелии. В те годы укрепился ее интерес к истории образования и просвещения, школьному краеведению, музейной педагогике. По данной проблематике позднее она разработала учебные курсы, опубликовала десятки статей и ряд учебных пособий.

Благодаря целеустремленности и воле Елена Васильевна постоянно совершенствовала свой профессиональный уровень. В 1991–1994 годах она обучалась в аспирантуре ПетрГУ, в 1996 году защитила кандидатскую диссертацию «Кооперативное движение на Европейском Севере в 1917–1928 гг.». В 1998 году была приглашена на кафедру отечественной истории ПетрГУ. Ее широкая эрудиция, педагогическое мастерство способствовали созданию современного курса отечественной истории для студентов инженерных специальностей. В ее лице кафедра получила квалифицированного специалиста в области вспомогательных исторических дисциплин, ею разработаны авторские курсы по исторической антропонимике. В Карельской педагогической академии она вела курс методики преподавания истории, руководила педагогической практикой студентов. В 2006 году ей было присвоено ученое звание доцента.

В 2012 году Е. В. Дианова поступила в докторантуру при кафедре истории народов стран СНГ Санкт-Петербургского госуниверситета. В 2017 году успешно защитила докторскую диссертацию «Культурно-просветительная деятельность кооперации Европейского Севера в первой трети XX века». Елена Васильевна является признанным специалистом в области истории кооперативного движения, теории кооперации, кооперативного права. Ее исследовательская и преподавательская работа последних лет находится в русле таких актуальных областей научного знания, как история повседневности и историческая психология.

Поздравляем Елену Васильевну с юбилеем, желаем здоровья, творческого вдохновения, теплоты и понимания близких!

Институт истории,
политических и социальных наук ПетрГУ

CONTENTS

Editorial note **7**

ARCHEOLOGY

Avdeev A. G., Shakhnovitch M. M.
STONE OF KOLVITSA: A NEW MONUMENT OF RUSSIAN EPIGRAPHY ON THE KOLA PENINSULA. **8**

Blyshko D. V., Zhulnikov A. M.
STOPPING POINTS OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN NEOLITHIC AND ENEOLITHIC KARELIA. **16**

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

MODERN TRENDS IN HISTORIOGRAPHICAL RESEARCH

Antoshchenko A. V., Bychkov S. P.
ANTON KARTASHEV AT ST. PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY **24**

Bazanov P. N.
RECENT STUDIES OF RUSSIAN EMIGRANTS' PUBLISHING BUSINESS IN INTERWAR FINLAND. . **33**

Zhukovskaya T. N.
SCHOLARLY AMBITIONS VS ETHICAL PRINCIPLES: FEATURES OF ALEXANDER PRESNYAKOV'S ACADEMIC CAREER. **42**

Kozhevin V. L.
THE POLITICAL CHOICE OF GENERAL ALEXANDER ANDOGSKY: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM. **51**

Rumyantseva M. F.
OLGA MIKHAILOVNA MEDUSHEVSKAYA'S CONCEPT OF COGNITIVE HISTORY: RESULTS / PROSPECTS **60**

WORLD HISTORY

Smertin Yu. G.
THE HISTORY OF KOREAN SHINP'A THEATER: THE BIRTH OF A NEW GENRE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY **67**

RUSSIAN HISTORY

Verigin S. G.
FINNISH OCCUPATION OF KARELIA IN 1941–1944: DISCUSSIONS BETWEEN RUSSIAN AND FINNISH HISTORIANS **75**

Sushko E. O.
ECONOMIC STATUS OF THE MURMAN WORKERS DURING THE CIVIL WAR: THE CASE OF THE IMANDRA STATION **83**

ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Razumova I. A.
DOCUMENTARY LITERATURE WRITTEN BY EARTH SCIENTISTS (DISCURSIVE ASPECTS OF THE PROFESSION) **91**

Kuznetsova L. A.
ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF THE SAMI NETWORKS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND MURMANSK REGION. **99**

Reviews

Shorokhova I. V.
The book review: Ruzhinskaya, I. N. Acting workshop. . **110**

Anniversary
Celebrating the 60th birthday anniversary of Elena V. Dianova **117**

И. Н. Ружинская

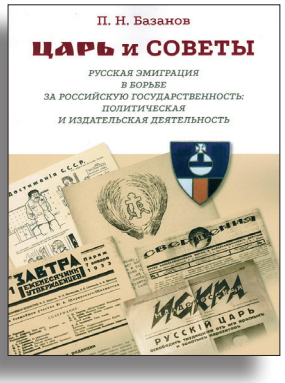
АКТЕРСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Книга посвящена истории карело-финской студии Ленинградского театрального института 1938–1943 гг. На основе широкого круга источников восстановлен состав мастерской, ее биографика, особенности образовательной и повседневной жизни студенчества творческого вуза тех лет. Реконструкция истории актерской мастерской осуществлена в контексте исследования театральной педагогики, специфики культурного и национально-государственного строительства в СССР. Текст снабжен уникальными фотодокументами, большинство из которых введено в научный оборот впервые.

Книга предназначена для историков, театроведов, культурологов, краеведов, студентов и всех, кто интересуется развитием театрального образования, а также историей XX века.

Ружинская, Ирина Николаевна. Актерская мастерская / И. Н. Ружинская. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2021. – 340 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»



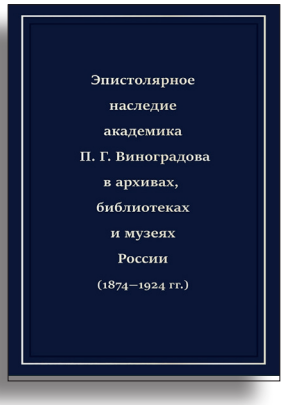
П. Н. Базанов

ЦАРЬ И СОВЕТЫ

В монографии впервые дается комплексное исследование т. н. «просоветских» идеологических течений – сменовеховцев, пореволюционеров (национал-максималистов, утвержденцев, народников-мессианистов, третьероссов, новоградцев и др.) и младороссов. На фоне истории этих политических течений и организаций дан обзор их идеологии, основные воззрения на новое российского государство в постбольшевистской России и на национальный вопрос. Особое внимание уделяется борьбе сменовеховцев, пореволюционеров и младороссов против интервенции, пораженчества и нацистской идеологии за сохранение территориальной целостности Родины. Раскрыта загадка появления лозунга «Царь и Советы». Проанализирована издательская деятельность и история периодики. Показана роль и участие пореволюционеров и младороссов в движении Сопротивления.

Книга рассчитана как на специалистов в истории эмиграции, так и на широкий круг читателей.

Базанов П. Н. Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность: политическая и издательская деятельность. – 2- е изд., испр. – СПб.: Изд-во РХГА, 2022. – 322 с.

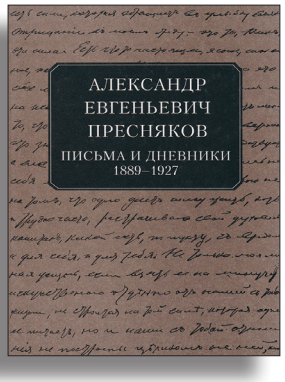


ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА П. Г. ВИНОГРАДОВА В АРХИВАХ, БИБЛИОТЕКАХ И МУЗЕЯХ РОССИИ (1874–1924 ГГ.)

В книге публикуются письма всемирно известного историка-медиевиста и правоведа Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925) родным, учителю В. И. Герье, коллегам и ученикам, редакторам и издателям, знакомым. Письма содержат обширные данные по истории исторической науки и образования в Российской империи, а также о повседневной жизни университантов, этических нормах их поведения и общественно-политических настроениях в последней трети XIX – начале XX веков. Издание подготовлено на основе материалов архивов, библиотек и музеев Москвы и Петербурга и снабжено комментариями, включающими не только справочную информацию, но и обширные выдержки из архивных документов.

Издание адресовано исследователям, занимающимся проблемами истории образования и общественного движения в Российской империи, историографам, изучающим развитие российской медиевистики, всем интересующимся жизнью и творчеством выдающихся интеллектуалов России.

Эпистолярное наследие академика П. Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924 гг.). / [изд. подгот. А. В. Антощенко]. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. – 592 с.



АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ ПРЕСНЯКОВ Письма и дневники (1889–1927)

В книге впервые публикуется значительная часть эпистолярного наследия известного русского историка Александра Евгеньевича Преснякова (1870–1929), представленная комплексом его писем к жене и матери и фрагментами дневника за 1889–1891 гг. Хронологически письма А. Е. Преснякова охватывают почти весь путь ученого – от студенческих времен до последних лет жизни. Ценность публикуемого материала состоит в многообразии отразившихся в нем исторических, научных, индивидуально-биографических событий, пропущенных через сознание «человека науки». Письма историка складываются в непрерывную летопись своего времени и открывают новые возможности изучения «историографического быта», отношений в научной и университетской среде, передают культурную атмосферу старого Петербурга.

Мы уверены, что письма А. Е. Преснякова, талантливого и честного историка и обаятельного человека, станут необходимым элементом осмысления как его собственного творчества, так и основных тенденций развития отечественной исторической науки конца XIX – первых десятилетий XX в.

Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники (1889–1927) / Подгот. текста, коммент. Т. В. Жуковская, Б. С. Каганович, Д. Н. Лепин. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2005. 966 с.

ISSN 2542-1077